

Александр Гордеев

НЕ БОЙСЯ ТЁМНОГО СНА...

НЕ БОЙСЯ
ТЁМНОГО
СНА...

Александр Гордеев

Александр Гордеев

Не бойся тёмного сна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9998723

Аннотация

Современного писателя, жившего в двадцатом веке и предсказывающего, что в будущем все люди будут физически восстановлены, и в самом деле оживляют в 44 веке... В повести нет выстрелов, убийств, погонь. Спокойная литературная работа с несколько философскими размышлениями. Повесть написана 20 лет назад. И как полагал автор, реалии его произведения наступят ещё не скоро. Однако уже сейчас в нашей жизни есть многое из того, что предполагалось лишь в далёком будущем. Книга иллюстрирована талантливым забайкальским художником Евгением Шишковым.

the following: $\sigma_{11} = \sigma_{22} = \sigma_{33} = \sigma_{12} = \sigma_{13} = \sigma_{23} = 0$.

Substituting the above stress components into the equilibrium equations, the following equations are obtained:

$$\frac{\partial \sigma_{11}}{\partial x_1} + \frac{\partial \sigma_{12}}{\partial x_2} + \frac{\partial \sigma_{13}}{\partial x_3} + b_1 = 0 \quad (1)$$

$$\frac{\partial \sigma_{12}}{\partial x_1} + \frac{\partial \sigma_{22}}{\partial x_2} + \frac{\partial \sigma_{23}}{\partial x_3} + b_2 = 0 \quad (2)$$

$$\frac{\partial \sigma_{13}}{\partial x_1} + \frac{\partial \sigma_{23}}{\partial x_2} + \frac{\partial \sigma_{33}}{\partial x_3} + b_3 = 0 \quad (3)$$

where b_1 , b_2 and b_3 are the components of the body force vector. The equilibrium equations (1)–(3) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (4)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (4) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (5)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (5) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (6)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (6) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (7)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (7) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (8)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (8) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (9)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (9) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (10)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (10) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (11)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (11) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (12)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (12) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (13)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (13) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (14)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (14) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (15)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (15) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (16)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (16) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (17)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (17) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (18)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (18) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (19)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (19) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (20)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (20) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (21)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (21) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (22)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (22) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (23)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (23) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (24)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (24) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (25)$$

where $\sigma_{ij,j}$ is the divergence of the stress tensor. The equilibrium equations (25) can be written in the following compact form:

$$\sigma_{ij,j} + b_i = 0 \quad (26)$$

Александр Гордеев

Гордеев А.Н.,

Не бойся темного сна... – Фантастическая повесть.

Для оформления книги использованы рисунки художника

Евгения Шишкова.

© Гордеев А.Н. 1992

© Шишков Е.А. 2009

НЕ БОЙСЯ ТЕМНОГО СНА...

Повесть

"Забыв обо всем на свете, он уселся в кресло. Не прошло и пяти минут, как он услышал фразу: "Когда спящий проснется", – употребленную в виде поговорки – насмешки над тем, чего никогда не будет".

"Когда спящий проснется"

Герберт Уэллс.

1. ПО ТУ СТОРОНУ БОЛИ

– По-моему, он уже здесь, – были первые слова, произнесенные очень напряженным шепотом.

– Да, да, он, кажется, проснулся, – констатировал другой человек и тут же распорядился. – Все! Переносим на кровать! Аппарат уходит! Он не должен его видеть.

Бывает, что, очнувшись после тяжелой операции,

человек долго не может сообразить, что к чему, но Нефедов вернулся сразу с ясным пониманием, что он в больнице. «Ну, конечно, конечно, – с уже готовой иронией подумал он, как бы оглоушено и с креном всплывая из бездны тихого сна, – как же, испугался я ваших железячек...» Глаза открывать не хотелось: полежать бы еще на этом невероятно удобном лежаке, остыть от боли и послушать поток эфирно-свежих сил, подхватывающих тебя, распрямляющих каждую твою жилочку, каждый

4

капилляр. Кажется, вот лежал ты на мелководье, и вдруг взмыло тебя большой, горбатой волной и тебе, замершему от восторга, показалось на мгновение, что сила этой океанской волны – твоя сила. В какую-то секунду, как это бывает во сне, Нефедову привиделось из детства: вот выходит он из теплой вечерней воды Ильинки, оставляя в ней пыль и усталость, вынося восторг и бодрость... И тут же единой картиной раскрылся весь день до этого: сегодня он, белобрысый пацаненок, ходил вместе со своим пятым классом по колхозному полю с пшеничными всходами и серпом, привязанным на палку, срубал сочные кусты кислицы. А потом, уже из дома, стоя на педалях, скатился

к

речке на велосипеде. Но тыфу ты! При чем тут какой-то велосипед!

Ох, уж это блаженство покоя, по ту сторону

преодоленной боли...

Полежать, однако, не удалось: чьи-то руки приподняли и положили на койку с прохладной свежей простыней, на место менее удобное, но более знакомое. И тут кто-то так выжидательно и осторожно тронул его за плечо, что Нефедов, вместо того, чтобы открыть глаза, напротив, плотнее зажмурился, выжидая дальнейшего.

– Вставайте-ка, вставайте, – сказали ему с мягкой насмешкой, словно уличая в невинном притворстве, – вы же проснулись...

Нефедов открыл глаза, привычно по-стариковски вздохнув, ну что тут поделаешь, они уже все знают за него. «Вы проснулись», видите ли... Хоть подсказали, а то б не догадался...

Палата была прежней, как бы сфотографированной несколькими вчерашними прорывами в сознание. Тут и плакат, призывающий к донорству, с рисунком, примерно,

пятилитровой капли крови, от которой ни за что не хотелось отдавать свою кровь. А вот врачи уже другие, вероятно, утренняя смена: у них ведь тут, понимаешь ли,

5

все как на производстве. Ближе всех стоял высокий, очень строгий врач (наверное, старший). Второй был с рыжеватой, короткой бородкой, с лицом борца или коренного сибиряка. Третий, державшийся за блестящую

спинку кровати, смотрел с настороженной, прямо-таки «локаторной» улыбкой. Их странная выжидательность заставила Нефедова заподозрить, что позади было нечто

не

шуточное: наверняка, эти эскулапы изрядно покровсали его своими маленькими ножичками. Хорошо бы теперь выведать, что с ним натворили, что вырезали, что оставили. А, главное, сколько он еще протянет на этом белом свете.

– Ну, братцы, – сказал он, сосредоточив все внимание на их лицах, – ночью-то я чуть было не умер (хотел сказать «чуть не сыграл в ящик», но растроганно пожалел себя и сдержался). Проснулся, где-то часа в три и, знаете, такая боль и в сердце, и в голове, и во всем теле. Никогда не болело сразу все. Вот, думаю, она тихая-то и легкая, как

все

считают, смерть во сне... Просто потом про нее никто уже не расскажет. Надо, думаю, эту боль как-то передохнуть, протолкнуть в себе. Если передохну, значит выкарабкаюсь... Ну, да обошлось, видно, слава богу... Нефедов ждал, когда его перебыют, но врачи отчего-то буквально внимали каждому его слову, и он с опозданием испугался за себя – при пустяках-то они бы и вякнуть не дали...

– Скажите, вы помните, как вас зовут? – вдруг спросил старший.

Бородатый от этого нелепого вопроса даже подался вперед. В ожидание переплавилась и улыбка третьего.

– Вот те на! – изумился Нефедов. – Вы что же привезли, не зная кого? Разве Сережа, мой сын, ничего вам не сказал?

– Мы все знаем, – нетерпеливо проговорил старший, – и все же назовитесь, пожалуйста.

6

Нефедов назвался. Они распрямились, с облегчением вздохнули, потом сошлись и по-братски обнялись. Большой

и предполагать не мог, что его анкетные данные могут быть причиной кого-то странного, сдержанного ликования.

– Простите нас, – сказал старший, повернувшись к нему с растроганным лицом, – потом вы все поймете. А сейчас еще раз скажите, пожалуйста: «Я – Нефедов Василий Семенович».

– Да сколько угодно, – растерянно ответил пациент и щедро повторил свое полное имя.

– А вот когда вы произносите эти слова, – подозрительно зацепился бородатый, – то вы ощущаете себя именно **этим** человеком?

– Прошу прощения, так я что в психиатрической больнице? – с иронией спросил Нефедов (сказать «в психушке», опять таки не решился – ситуация и впрямь

была странноватой) и на всякий случай серьезно прислушавшись к себе, заключил. – Да, я ощущаю себя именно собой, а не Наполеоном Бонапартом и тем более

не

Фридрихом Энгельсом.

– Что ж, не беспокойтесь, именно вы-то нами и нужны, – с улыбкой заверил старший. – Расскажите о себе что-нибудь еще.

– Да что же нового вам расскажешь? В истории болезни все есть: сами знаете, что у меня с сердчишком не все в порядке...

– Нет, не об этом... Кто вы? Чем занимались? Кем были?

– Как это «были»? Да кем был, тем, надеюсь, и остался, если уж ожил («ожил я волю почуя» – вдруг пришло в голову совершенно нелепое). Я – писатель, если это будет позволительно, написал несколько книг. Правда, может быть, не особенно путных, ну, да потомки рассудят...

– Кстати, вы можете сесть, – предложил старший, – если вам это удобней.

7

Нефедов не понял: сесть после операции?! Он все же сменил позу и обнаружил, что этого мало. Это небольшое шевеление пробудило в нем страстную жажду двигаться...

Он поднял голову, оторвал от постели спину, опустил но-

ги

и без всякого напряжения, без всякой лени в своих старых костях сел. В теле было лишь чувство бодрости и здоровья.

– Вы можете и пройтись, – подсказал старший.

Сам не понимая как это возможно, Василий Семенович встал и пружинисто прошелся по палате. Понятно, что они

просто любовались таким бодрячком. Их взгляды мешали,

потому что тело пылало желанием потянуться. Эх, потянуться бы так, чтобы движением тронуло каждую клеточку.

– Вы подвигайтесь, подвигайтесь, как хотите, – заметив его намеренную сдержанность, снова подсказал старший. И тогда Нефедов позволил себе все: и потянулся, и наклонился во все стороны, и присел и даже чуть-чуть пробежался от стены до стены, высоко и часто поднимая коленки, как запасной футболист перед выходом на поле.

И это в семьдесят пять-то лет! Да еще прямо у больничной койки! Спohватившись, Василий Семенович смущенно и пристыжено опустил на кровать, но радость распирала его.

– Ну, господа-товарищи, – сказал он, светясь глазами и чувствуя, что от этих прыжков у него даже дыхание не сбилось, – вы вдохнули в меня жизнь. Так не бывает. Это

чудо какое-то... Но почему вы не спрашиваете об ощущениях?

Рассевшись по фанерным больничным стульям, они смотрели на него глазами путников, перешедших пусты-

ню.

Так что это была за операция? Операция ли? Попрыгал бы ты после операции... Василий Семенович сунул руку под толстую пижаму с начесом, ощупал грудь, живот и ничего не обнаружил. Не обнаружил и того, что должен был обнаружить обязательно. На левом боку не оказалось

8

шрама от перелома ребер (поскользнулся как-то в гололед

и

хрястнулся на бетонную ступеньку крыльца). Как все это понимать?! На всякий случай (не запутался ли сам с эти-

ми

ребрами?) Нефедов проверил и другой бок. Но и там было чисто. И какого черта они молчат?!

– Послушайте, – по-заговорщицки вкрадчиво с понижением голоса, сказал Василий Семенович, решив, что лучше бы отсюда поскорее смыться, – если все так прекрасно, то может быть, я... домой?

Он надеялся, что они его поймут и отпустят как-нибудь так, чтобы никто больше не видел. Они переглянулись и вздохнули. Старший переставил стул и сел напротив Нефедова. Ладони он, как школьник, положил на колени и

Василий Семенович заметил дрожь его пальцев.

– К сожалению, дома вас уже никто не ждет. Их всех уже нет. . – как бы извиняясь, сообщил он.

– И куда ж они уехали? – язвительно спросил Нефедов, видя, что его почему-то дурачат.

– Их вообще нет. Уже давно нет. .

– Как это нет?! – теперь уже похолодев, спросил Василий Семенович. – Да что случилось-то, черт возьми! Авария? Катастрофа? Война? Ну, что?!

– Ничего, – сказал старший, – всего лишь время...

случилось... Туда, к сожалению, не ездят... Только не перебивайте. Выслушайте вначале. Так, вот. . с чего же я хотел начать-то... Господи, пятьдесят лет готовился к это-

му

разговору и забыл. Дело в том, что мы выбрали вас не случайно. Мы надеялись, что именно вы адаптируетесь здесь быстрее любого... Если вы это предвидели, значит, легче примите. Нет, все не то. Словом, помните, как в одном из своих романов вы утверждали, что смерти нет, что смерть – это лишь запасник, подвал, откуда всех умерших вызволят потомки и что произойдет это тогда, когда развившаяся цивилизация позволит жить одновременно всем...

9

– То есть, вы говорите о восстановлении, – подсказал Нефедов, – только, извините, я никогда не употреблял

слова «подвал».

– Я передаю саму мысль. Вы ведь писали об этом?

– Писал. Ну и что? Вы с этим не согласны?

– То-то и оно, что даже **очень** согласны.

– Тогда в чем же дело?

– В том, что теперь вы можете наяву убедиться в собственной правоте...

– Что-о?! – Нефедов потряс головой, как бы сбрасывая наваждение.

Не отрываясь, наблюдали за его реакцией и они...

2. КАКОЙ ГОД БЫЛ ВЧЕРА?

– После вы поймете наш смешной вид, – сказал тот, что был с бородкой. – Все тут вроде бы обыденно, но для нас сегодня очень торжественный день, потому что вы – первый, воскрешенный за всю историю цивилизации.

Думаю, что это даже позначительнее первого полета в космос. Сегодня вы стали первым героем цивилизации и десятки памятников, которые любят и поныне, вам обеспечены. Никаких телекамер и съемочной аппаратуры, привычной для вашего времени, здесь нет и все же, поверьте, что сейчас за нашей, не очень складной беседой следят и на Земле, и на Луне, и на нескольких, освоенных землянами, планетах, и в космогородах, и на кораблях межпланетных экспедиций. Как вы думаете, какой нынче год?

– Вероятно, тот же, что и вчера, – неуверенно

пробормотал Нефедов, – одна тысяча девятьсот девяносто первый. Шестнадцатое июня, по-моему.

– Верно, вы умерли в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое июня. И сегодня именно шестнадцатое июня. Мы специально, чтобы вы легче вошли к нам,
10

поджидали совпадения дат. Но только год нынче: четыре тысячи триста шестьдесят пятый... Словом, сорок четвертый век...

– И мы, как говорится, рады вас приветствовать, – вставил, видимо, уже давно заготовленную фразу круглолицый врач, что все время улыбался.

Нефедов некоторое время застыло смотрел куда-то в угол палаты, стараясь усвоить тот абсурд, что когда-то он умер и сейчас такой невозможно далекий год...

– Выходит, меня восстановили? – уточнил он.

– Именно так, – подтвердил старший. – Вас высчитали по всем биологическим, личностным, духовным и прочим параметрам. Сначала вычислили последовательность всех молекул и атомов вашего организма, а потом вырастили его из нового материала. Приблизительно так вы это когда-

то и представляли. И, кстати, оказались правы: вся сложность воскрешения в том, чтобы вернуть человеку именно его сознание, именно его «я». Потому-то мы и спрашиваем вас не о здоровье, о котором знаем все, а о

самосознании, что знаете только вы. Больше всего мы боялись, что вы не скажете «я». Но попадание оказалось в яблочко...

– Значит, вы не врачи... – сделал Нефедов нелепую догадку.

– Мы восстановители: так нас и называют. И уж, простите, пожалуйста, за еще один контрольный вопрос: насколько ясно вы помните прошлое?

– Нормально помню, – задумавшись и как бы на каких-то внутренних весах взвешивая память, проговорил Нефедов.

– Оно не кажется вам слишком ярким или слишком тусклым? – снова с особым пристрастием спросил тот, что с бородкой, как будто имеющий возможность подстроить его память вроде яркости телевизора.

11

– Да вроде, все как обычно. Что-то помню, что-то нет. . Вчерашний вечер помню отчетливо. У Андрейки, моего внука, был день рождения. За столом сидели: Сережа – мой сын, со своей женой и Наташа – дочка, с Андрейкой. А потом меня увезли. Господи, да они же волнуются... Последние слова Василий Семенович произносил растерянно, и все более замедляясь.

– Да, да, – подтвердил его немой вопрос старший, виновато пожав плечами, – они давно уже не волнуются... Ни дети, ни внуки, ни все пра-пра-пра...

– Вы оживили только меня?

– Да.

Некоторое время Нефедов сидел с открытыми, но слепыми глазами. Они не тревожили его, не торопили события.

– Я не верю! – вдруг заявил он. – Здесь все такое же, как у нас.

– Специально, такое же, – уточнил старший, – ведь мы хотим плавно перевести вас в наше время. Но вот и новенькое...

Он подошел к стене, и там распахнулось окно.

– Взгляните. Но, прошу вас, поспокойней...

Нефедов, настороженный уже тем как странно, само собой, отворилось окно, подошел и обомлел. Снаружи оказался чужой фантастический город с причудливыми, разноцветными крышами.

– Кино, да и только, – поневоле зачарованно произнес Василий Семенович.

В небе в два слоя или в два яруса вились какие-то разноцветные точки. Особенно стремительны были те,

что

находились на втором ярусе: их скорость, кажется, превосходила скорость реактивных самолетов. Уже одно это мельтешение придавало миру совершенно иной образ: мир казался плотней и объемней, потому что простран-

ство

было, как бы обозначено, этими предметами до

12

головокружительной высоты. Нефедов смотрел вверх, как вдруг совсем близко из-за ближайшего здания взмыло в небо одно такое приспособление, похожее на каплю. Под ее светлым колпаком можно было заметить людей.

Буквально за какие-то секунды капля затерялась в общем мельтешении.

– Как называется ваш транспорт? – спросил Нефедов.

– А вы бы как назвали? На что это похоже? – сказал старший.

– На мошек, – ответил Нефедов.

– Что ж, довольно точно, – засмеявшись, сказал восстановитель. – Это одно из, скажем так, неофициальных названий. А на самом деле эту мошку называют «леттрам».

– Но как они не путаются, ведь это же целый рой? И направляющих у них нет. .

– Направляющие есть. Конечно, не рельсы, как у ваших поездов и трамваев. Просто каждая такая «мошка» точно вычисляет координаты своего движения, согласно движения других «мошек». То есть, она движется по тем же направляющим, которые мгновенно прокладываются перед ней. Отсюда и название транспорта: «леттрам» или «летающий трамвай».

«Леттрам... Придумают тоже...», – подумал Нефедов.

Он приблизился к окну, но не обнаружил в нем стекла. Он протянул руку, и пальцы уперлись в твердую невидимую преграду.

– Господи, – сказал Нефедов, – какие чистые у вас стекла, они даже не отсвечивают.

– Это не стекло, – пояснил старший, – а простекло. И хотя «стекло» в этом слове звучит, но на самом деле это нечто иное. Это даже не вещество. Это твердое, непроницаемое состояние пространства. Хотя оно может быть и пластичным. Теперь вы можете протянуть туда ру-

ку,

13

высунуть голову и простекло, как бы вытянется за вами, продолжая вас защищать.

Василий Семенович сунул руку в окно, и оказалось, что никакой преграды там уже нет, хотя рука не ощутила наружной температуры.

– Что значит «теперь»? – спросил он. – Ведь вы ничего для этого не сделали...

– Как это не сделал? Я подумал, – ответил старший. –

Многие предметы и не только предметы, как, например,

то

же простекло, которое не является предметом, подчиняются желаниям человека, если, конечно, другой человек не желает в это время противоположного.

Нефедову

потребовалась

порядочная

по

продолжительности пауза, чтобы усвоить эту невероятную

информацию.

– Ну, хорошо, – проговорил он, – а если я хочу подышать воздухом без всякого простекла?

– Пожалуйста, – сказал восстановитель.

О том, что окно открылось, можно было догадаться по легкому порыву воздуха, по вдруг зашумевшей листве деревьев. И Нефедов невольно ушел в наблюдение. Окно находилось на уровне шестого-седьмого этажа.

Разноформенные жилища, созданные, казалось, тысячами

разных архитекторов, стояли в беспорядке, и без всяких автомобилей. Там были редкие деревья, кусты и много короткой травы. Людей, одетых легко, цветасто и полупрозрачно было не много. Нефедов не успел их толком разглядеть, как его внимание отвлекла старая белая

лошадь, которая вышла на лужайку перед домом и стала щипать траву. Василий Семенович сделал усилие, чтобы

обойтись без восклицаний.

– А что это за город? – спросил он.

– Тот, в котором вы жили...

– Не велико ли совпадение? – подозрительно спросил

Нефедов. – Если восстановление произошло впервые в

истории, то почему ваша лаборатория находится именно в моем городе?

– Нам пришлось считаться со структурой пространства, – объяснил старший. – Пространство – это единственная координата, оставшаяся для вас неизменной. В дальнейшей

работе по восстановлению это будет не так важно, но в первый раз мы стремились к абсолютной чистоте

эксперимента. Институт восстановления начали строить лишь после того, как был определен кандидат на воскрешение. Понятно, что был выбран именно этот город.

Василий Семенович вернулся к кровати, как к родному островку и сел.

– Можно мне побыть одному? – попросил он. – Я хочу придти в себя.

Когда они вышли, Нефедов еще раз внимательно осмотрелся вокруг. Было ли это именно той палатой, куда его привезли? Помнится, еще по дороге в «скорой» ему сделали какой-то укол, потому что он задыхался и здесь

он

сразу попросил поставить кровать ближе к окну, к свежему

воздуху. И когда один из санитаров взялся за верхнюю

никелированную трубку кровати, то она вылетела из гнезда. Помнится санитар, еще матюгнулся в полголоса на больничное оборудование и, забыв о больном, начал с таким остервенением вколачивать ладонью трубку на место, что кровать просто загнула... Вспомнив это, Нефедов вскочил, дернул за спинку, и трубка осталась в руках. Некоторое время он стоял в оцепенении. И эта конкретика: прохлада металла, на котором оставались и

тут

же гасли влажные следы от пальцев, обломанный край тумбочки о который, видимо, открывали бутылки с минералкой и лимонадом, неприятный больничный запах

его потрясла. Да как возможно все это так ясно видеть, слышать, ощущать, но быть в другом времени?! Как уразуметь, что на этой самой кровати ты лежал два с лишним тысячелетия назад и на ней же умер? Так просто не бывает. Нефедов вставил трубку на место, ощупал себя, задрал широкую штанину пижамных брюк и, вывернувшись, заглянул себе под коленку, помня «тай-

ную»

родинку, которую вполне можно было упустить при восстановлении. Но родинка оказалась на месте. Василия Семеновича удивило другое: что же, выходит, он прове-

ряет

достоверность самого себя? С ума сойти! Да, конечно, это он сам и есть: так ясно и отчетливо он уже давно себя не ощущал. О бодрости тела и говорить нечего. Звуки он слышал без всякого тумана, а видел... И другое потрясе-

ние

– да он же без очков! Проверяя это, Нефедов даже приложил ладони к глазам. Странно, что и само ощущение

ние

глаз, кожи оказалось более тугим что ли... Да что тут ему осмысливать, если пока у него лишь одни вопросы...

– Вот именно, – сказал с порога старший восстановитель, – задайте сначала нам свои вопросы.

– Какие вопросы?! – изумился Нефедов.

– Те, которые вы хотите задать.

– Откуда вы знаете **что** я хочу?

– Мы телепатически следим за вашими мыслями.

Нефедов плюхнулся в скрипнувшую сетку. Да ведь они следят не только за мыслями, они вообще видят каждое

его

движение. Ну и концерт он им устроил с этой трубкой и с хитроумным вывертом для осмотра собственной ноги.

– А какое у вас право?! – возмутился он.

– Признаться, никакого. Конечно, телепатия безнравственна и возможна лишь в исключительных случаях, но между нами и вами-фантомом, каковым вы были еще до сегодняшнего утра, эта связь была

необходимой. Мы просто еще не отключились. Но, может быть, вы согласитесь еще немного побыть под контролем?

– Еще чего!

– Что ж, – произнес старший восстановитель, – примите наши извинения.

– Хотя, я, конечно, понимаю, – примирительно заговорил Нефедов, – я ведь сейчас вроде бы еще не совсем принадлежу себе, я ведь у вас вроде подопытного. Но вы уж хотя бы не следили за мной, когда я один.

– Спасибо, я знал, что вы нас поймете. Кстати, не хотите ли вы для начала осмотреть более современное
17

жилище, чем то, в котором мы сейчас находимся? Это рядом.

3. СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ...

Комната, в которую они вошли, была с голубоватыми стенами с разноцветными квадратами и
прямоугольниками, напоминающими следы от вынесен-

ной

мебели. Мебель же комнаты состояла из дивана, двух кресел и столика: кресла были похожи на шары, диван на приплюснутый шар. Василий Семенович опустился в кресло, тут же пришедшее в какое-то странное шевеление,

и

и через секунду сидящему показалось, что он просто покоится в нем.

– Не удивляйтесь, – сказал старший восстановитель, – это кресло-робот. Привыкайте, что теперь большинство предметов – роботы.

Нефедов уже чисто экспериментально навалился на спинку, наклониться в одну, в другую сторону и всякий раз

кресло по восковому переплавлялось под его позу.

Старший восстановитель смотрел на эти испытания с теплой понимающей улыбкой.

– А мы-то думали, что роботы со временем станут такими, что их и от людей не отличишь, – сказал Василий Семенович.

– Чтобы вздрагивать потом от встречи с ними где-нибудь в темном месте? – засмеявшись, заметил старший восстановитель. – Нет уж, машина, есть машина.

Говорящим роботам мы намеренно придаем особый, отличительный тембр... Хотя роботы, которых и впрямь не

отличишь от людей, у нас есть. Их намеренно делали такими. Одно время с ними были серьезные проблемы (да и сейчас они еще кое у кого остались). И мужчины и женщины приобретали их себе в качестве половых партнеров. Это казалось, удобным, ведь интеллект,

18

привычки и принципы у такого партнера могут быть ровно

такими, как тебе хочется. Берешь его, обучаешь всему, делаешь, по сути, почти зеркальное отражение себя и он нравится тебе ровно столько же, сколько ты можешь нравиться себе, да еще, к тому же, может удовлетворить любые твои потребности. Но постепенно это сошло на нет. Даже хорошие роботы надоедают. . Но давайте-ка, решим такой вопрос: вам ведь эта больничная палата уже не нужна?

– А что вы с ней сделаете?

– Распылим.

– То есть уничтожите? А что же останется мне?

– Современное жилище. Но если хотите, мы восстановим квартиру, в которой вы когда-то жили.

– Как вы это сделаете?

– Воскрешать предметы куда проще, чем человека, – сказал старший восстановитель, с улыбкой показав ладонью на самого же Нефедова.

– Н-да, – с растяжкой произнес тот, – наверное, прежде всего мне теперь надо научиться ничему не удивляться. . .

– Будем считать, что с квартирой решено, – подвел итог старший восстановитель. – Она будет за этой дверью, вместо палаты. Ассистенты слышат нас и сейчас все сделают. А эту комнату мы, пожалуй, оставим. Привыкайте

к современному образу жизни. Здесь оборудование и роботы, без которых вам не обойтись. Кстати, вы ведь еще

не завтракали...

Это предложение было весьма своевременным. Голод ощущался не меньшей страстью, чем недавнее желание потянуться. Нефедов был даже чуть недоволен собой: о желудке ли думать сейчас!

– Да я б, конечно, не отказался, – как можно сдержанней согласился он.

– Ну, хорошо, тогда нам нужно... – старший восстановитель казалось, задумался над тем, что им нуж-

но

19

для завтрака, – и, пожалуй, помидоры, – закончил вслух

он

свою мысль. – Сейчас завтрак будет подан, – сказал он уже Василию Семеновичу.

– Откуда? – изумился тот. – Ведь вы даже не поднялись с дивана. Вы ничего не сделали...

– Я подумал о завтраке, – сказал старший восстановитель.

Они заговорили о чем-то другом, как вдруг минут через пять один из цветных квадратов в стене открылся, оттуда выкатился и остановился прямо перед ними столик с помидорами, огурцами, яблоками, с тарелкой желтовато-

го

дымящегося куриного бульона.

– Когда вы в следующий раз захотите есть, то сделайте

то же самое, – объяснил старший восстановитель, – то есть, просто вообразите все, чего хочется. Не забудьте, кстати, подумать о температуре заказываемого. Если поначалу вам покажется это сложным, то произнесите заказ вслух. Вы будете поняты и услышаны. Кстати, эта система действует и автоматически, то есть, анализируя ваше физическое состояние, она в тот момент, когда вы начнете испытывать голод, сама выставит все, в чем вы нуждаетесь и чего можете захотеть. Количество поданного будет соответствовать вашими потребностям: система не оставит голодным, но и не перекормит.

Не успев вникнуть в сказанное, Василий Семенович кивнул, жадно глядя на столик. На помидорах и огурчиках поблескивали капельки воды. Яблоки источали приятнейший аромат, вроде смеси яблока и земляники, видимо, новый сорт какого-то более позднего века. – И вы хотите сказать, что это натуральные продукты? – сказал Нефедов.

– Разумеется, – ответил восстановитель, с аппетитом высасывая из помидора сок, чтобы он потом не брызнул, – все это выращено на земле, на черноземе, если хотите. С

20
бульоном сложнее. Он выработан из растительной пищи, но точно так же, как это произошло бы и в живой курице. Нефедов начал с молоденького огурчика в мелких пупырышках. Ох, уж и огурчик: закроешь глаза и неволь-

НО

увидишь себя пацаном, поливающим из водопроводного шланга на огороде, и решившим тут же подзакусить ополоснутым овощем с парника.

Как ни странно, но именно голод, как наиболее жизненное желание, а после и сама еда, позволили Нефедову реальной приблизиться к этой невероятной действительности.

– Вы так пристрастно выведывали мое имя, – добродушно сказал он, – а сами не назвались.

– Меня зовут Юрием.

– А по бабушке?

– Юрий Евдокимович. Но можно и не величать. А моих ассистентов... Тот, что с бородкой – Виктор, а второй – Толик. Собственно, Толик – это мой сын, хотя на меня он, конечно, совсем не похож. Что поделаешь: между нами большая временная разница, он относится совсем к другому поколению...

– Послушайте, – пользуясь приоритетом старшего, сказал Нефедов, уже переходя к дымящемуся бульону, приправленному зеленым лучком и укропчиком, – а, мо-

жет

быть, нам лучше на «ты»? А то уж как-то слишком официально.

– Принимается, – радостно и даже с каким-то внутренним распрямлением, согласился Юрий

Евдокимович.

– Надеюсь, вас это не обидит, – все же деликатно уточнил Нефедов, – вы ведь совсем молодой. Сколько вам,

если не секрет?

– Да понимаете... понимаешь, – смешался Юрий Евдокимович, – мои годы вряд ли покажутся тебе

21

молодостью. Хотя, того понятия молодости, какое было у вас, сейчас нет. .

– Да ладно, чего уж там... Так, сколько же тебе?

– В апреле этого года исполнилось четыреста четырнадцать...

Нефедов застыл с ложкой неподвижного, отсвечивающего бульона, поднятой над тарелкой. Он заставил себя сглотнуть этот бульон и немного помедлил.

– Ну, уж это ты загнул, – заключил он, наконец. – По виду-то вам всего лет тридцать.

– Если «по виду», то тридцать три. Мы что уже снова на «вы»?

– Не могу же я «тыкать», если вам столько лет. . Н-да-а, ну и дела... Интересно, а день рождения вы отмечаете?

– Иногда... Обычно десятилетия. День рождения с годами становится слишком привычным. Печально, но ценность того факта, что ты, в общем-то, родился на этот свет, со временем как бы нивелируется...

– Я вот не понял, – сказал Нефедов, – как понимать твои слова, что твой сын, относится к другому поколению?

– Ну, а как иначе, если ему еще нет и тридцати? Он моложе меня на двести десять лет. Это мой младшенький

и

к нему я привязан больше, чем к другим детям.

– А много их у тебя всего?

– Ты знаешь, – снова замялся старший восстановитель, – по нашим меркам не много, но тебя это, боюсь, шокирует. Всего у меня тридцать детей...

Нефедов понял, что если он будет так часто открывать рот от удивления, то никогда не наестся.

– А сколько же у тебя тогда было жен? – спросил он.

– Жен? Отношения между мужчинами и женщинами определяются сейчас иначе. Мужчина и женщина живут под одной крышей до тех пор, пока вместе им лучше, чем порознь. Могу сказать, что тридцать моих детей от четырнадцати женщин...

22

– Ну и ну, – только и протянул Нефедов, – хотя, если так долго жить, то, что уж тут дивиться...

– Ну, а вам, сколько лет, как вы думаете? – спросил старший восстановитель.

– А чего мне думать? Я скажу без всяких уверток – семьдесят пять.

– А не меньше? – улыбаясь, спросил Юрий

Евдокимович. – Вон там зеркало, взгляни.

Нефедов положил ложку и с недоумением отправился взглянуть на себя. Теперь он уже не был уверен ни в чем, тем более, что, и впрямь, что-то не ощущал груза своих семидесяти пяти.

То, что называлось зеркалом, издали казалось пустой нишей в стене, но когда Василий Семенович приблизился, то навстречу ему вышел человек в коричневой больничной

пижаме. Нефедов сделал было даже движение поздороваться с ним: никакой разделяющей плоскости между отражением не было, да и отражение выходило не зеркальным, а правильным. Таким Нефедов помнил себя лишь на фотографиях молодости: на лице ни морщинки, в темных, а вовсе не в седых волосах, никакой залысины. Вероятно целую минуту он остолбенело стоял перед красавцем – собой.

– Сколько же мне теперь... здесь? – спросил он, наконец, кивнув на отражение, которое еще не совсем связывал с собой. – Не помню, когда я был таким.

– Тебе тридцать лет. Ты на три года младше меня, – рассмеявшись, сообщил старший восстановитель.

– Вы еще и подмолодили меня... – сказал Нефедов, – но, ведь, простите, я помню, как меня на пенсию провожали. Тогда мне подарили прекрасный набор ручек с золотыми перьями...

– Правда, одна из них оказалась непригодной, – заметил Юрий Евдокимович и, развеивая удивление Нефедова, добавил. – Василий Семенович, я же главный специалист по такому предмету изучения, как «Нефедов Василий Семенович». В том, что вы помните свою жизнь до пенсии и далее, нет ничего удивительного. Свою первую, как сказали бы в прежние времена, естественную жизнь, я прожил до восьмидесяти лет и тоже помню ее. А потом мне откачали биологический возраст до двадцати пяти. И так бывало уже несколько раз. Увы, увы, время как текло, так и течет. И другого способа справиться с ним, как каждые сорок-пятьдесят лет отгребать вверх по течению, нет. Есть у нас, правда, человек, живущий пока что естественной жизнью. Это – Сай Ши, китаец. Сейчас ему что-то около двухсот лет и все его именуют не иначе как Великим Старцем. У Сай Ши своя философия. Он утверждает, что бесконечная жизнь – это нарушение естественных законов. Ну, ясно, что в такие-то годы он уже дряхлая развалина. Не знаю, что с ним будет: может быть,

и умрет. Правда, говорят, недавно он, якобы, произнес такую фразу: «Кажется, жизнь меня побеждает». Мы понимаем это как постепенный отказ и от своих взглядов, и от смерти. Но, кстати, дом стариков у нас есть ...

– Может быть, дом престарелых? – поправил Василий Семенович.

– Да, у вас это называлось так, но то, что существует теперь – это нечто иное, потому и называется это место более откровенно. Помните, у вас были своеобразные кабинеты психологической разгрузки? Так вот этот дом у нас выполняет примерно такую же роль. То есть, на са-

мом-

то деле, там живут, конечно же, молодые люди, играющие роль стариков. Кому-то из них хочется просто испытать старость, кому-то хочется некоторое время побыть в состоянии старости. Странно, но в нас почему-то осталась такая потребность.

25

– Но что же мешает им состариться естественно?

– Но ведь этого нельзя сделать сразу, как захочется.

Хотя, скажем так, пожилые люди у нас есть и кроме Сай Ши. Ну, это, знаешь, как бывает. Вот вроде бы тебе пора уже и восстановительный курс пройти, да все как-то некогда, все дела какие-то. Вот и тянешь до последнего...

– Вроде, как у нас, когда нужно сходить к зубному врачу,
– добавил Нефедов, – выпал зуб, нужно идти вставлять, а

он не болит, вот и ходишь беззубым...

– Может быть, и так, – согласился восстановитель, хотя, кажется, сравнение с зубами его удивило. Вероятно, и с зубами у них было как-то иначе.

– Ну, хорошо, – сказал Нефедов, – а что будет со мной дальше?

– Ты будешь жить, как и все. И ожидать общего воскрешения. Думаю, что ты будешь ждать его больше всех.

– А когда оно начнется?

– Уже через пятьсот-шестьсот лет.

– Уже?! Да вы что!

– Но это очень грандиозное событие... У нас еще нет полной информации о сотнях миллионов человек. Ты сам когда-то писал, что «для восстановления надо знать о прошлом все, вплоть до дрожания паутинки на ветру, до лепета каждого листка на каждом дереве доисторического леса». Мы часто вспоминаем эти слова, принимая их, правда, с оговоркой. Лепет каждого листка нам не нужен, но что касается человека, то тут: да и да! Тут необходима даже куда большая точность.

Завтрак был окончен. Когда это стало всем очевидно, столик сам собой вместе с использованной посудой скрылся в нише.

– Страшно представить, что теперь я буду жить так долго, – сказал Нефедов.

– Страшно?! ...Хотя, это понятно. Тебе надо принять жизнь иначе: в образе чего-то открытого, безграничного. Принять нормой то, что у нас все неизвестно, все распахнуто... Если б ты знал, как много мы не знаем...

Кто

знает, например, какую форму приобретет наша жизнь в будущем? Сколько фантазий существует на этот счет! С другой стороны, современная цивилизация мудрей: она

не

забывает человека массой информации, особенно, в ка-

ком-

нибудь извращенном виде, вроде рекламы, считавшейся когда-то чуть ли не искусством. В нашем веке установки иные. У нас каждый идет от себя и берет из накопления цивилизации лишь то, что ему нужно. Очень скоро ты тоже обживешься у нас, вживешься в наше мировоззре-

ние.

Тебе, кстати, очень нравится эта пижама? От нее же лекарством за версту несет.

– А сейчас есть лекарства?

– Таких вот «ароматных» нет.

– А почему моя пижама так воняет?

– Потому что такой она когда-то была. Вот оно «дрожание паутинки». Нет более или менее точного воспроизведения, есть лишь точное. Иначе ничего не

выйдет. Но теперь тебе нужен костюм. Хочешь взглянуть, что у нас носят?

– Наверное, мне будет комфортнее в костюме своего времени, – сказал Нефедов и поспешил оправдаться. – Странно все это... Когда-то в юности у меня была зависть

к

людям будущего, которые будут пользоваться благами невиданной цивилизации, а теперь цепляюсь за свое. Старший восстановитель попросил его подняться и прямо, как бы сквозь свое отражение пройти в нишу. Ниша засветилась ровным сиреневым светом, потом свет слегка качнулся и погас.

– Все – мерка снята, – сказал Юрий Евдокимович, направляясь к дивану.

27

Нефедов последовал за ним, оглядываясь и ничего не понимая.

– Уточните покрой костюма, – раздался приятный женский голос со стороны ниши, и Нефедов догадался,

что

это голос робота, в котором, и впрямь, был какой-то странноватый, дополнительный тембр, вроде вплетенной медной нитки.

– Ах, да! – спохватился Юрий Евдокимович. – Костюм-тройка тебе нравится? Согласен?

– Еще бы!

– А цвет? Серый, темно-синий?

Нефедов, растерявшись, не сразу вспомнил, что ему больше нравится, и лишь махнул рукой, мол, все сойдет. Юрий Евдокимович заказал все по своему вкусу, добавив еще белую рубашку, галстук и туфли.

– Все по моде одна тысяча девятьсот девяносто первого года, – особенно внушающе уточнил он неизвестно кому, казалось какому-то духу, витающему вокруг них.

– Это тоже робот? – спросил Нефедов.

– Тут все вместе. Точнее сказать, это специальная служба изготовления и доставки.

– В мое время такое было возможно только в сказках, – сказал Нефедов.

– Что ж, ведь и сказки для чего-то складывались, – улыбнувшись, заметил старший восстановитель.

4. КВАРТИРА С ПРЕДБАННИКОМ

Нефедов подошел к окну и стал смотреть на город.

– До меня жили миллиарды и миллиарды людей, – задумчиво проговорил он, – но почему восстановили именно меня?

– Если бы сейчас вместо тебя у этого окна стоял другой человек, – ответил Юрий Евдокимович, – то, наверняка, и

28
он спросил бы себя о том же. Но ведь надо же было с кого-то начинать...

– Но почему не с какой-нибудь замечательной личности?

– А ты разве против? Спросить разрешения мы не имели возможности. Но такая замечательная личность

для

нас – ты. Мы выбирали кандидата по степени гибкости психики и по потенциальной, предполагаемой, конечно, способности мягко адаптироваться к новому.

– А какой чистый воздух в городе, – проговорил Нефедов, как бы не слыша объяснений. – Значит, это четыре тысячи триста...

– ...шестьдесят пятый год, – подсказал старший восстановитель.

Юрий Евдокимович не успел среагировать: он видел только, как воскрешенный повернулся от окна с отсутствующим лицом и рухнул на пол.

Помощь пришла мгновенно. Одна из стен комнаты тут же ушла вместе с потолком, и в комнату опустилось то самое сооружение, на котором Василий Семенович впервые очнулся в этом мире. Ассистенты, вбежавшие следом, подхватили Нефедова и с помощью Юрия Евдокимовича уложили на толстый, обнимающий настил машины.

– У пациента обморок, – тут же сообщила машина. Все облегченно вздохнули.

– Пациент очнется через десять секунд, – продолжал робот.

– Давайте-ка его на диван, – поторопил Юрий

Евдокимович, – но нет, не успеем. Ладно, оставьте.

Нефедов открыл глаза, сел на лежанке, и восстановители помогли ему перейти на диван.

– Что это было? – спросил он.

– Обыкновенный обморок.

– Обморок?! Разве у мужиков бывают обмороки? Прямо, как барышня какая-то... Со мной никогда такого не было.

29

– Значит, у нас в сорок четвертом столетии впечатлений побольше, – пошутил Толик.

– А-а, да и у нас хватало, – ответил Нефедов, как бы защищая свое время. – Просто я хотел представить, все годы, которые прошли. И тут все поплыло...

Робот, на котором только что лежал Василий

Семенович, неслышно удалился. Оба ассистента: Виктор

и

Толик ушли следом. Проводив их взглядом, Нефедов с удивлением уставился на оборудование, которым было нашпиговано все за стеной. Стена и потолок, словно театральная декорация, отгораживающая комнату от машинного цеха, медленно возвращалась на место.

– Да я здесь, будто в пробирке, – сказал Василий

Семенович, – за мной, наблюдают, а я в обмороки падаю...

Да и болтаем-то мы с тобой о чем попало...

– А что мы должны рассуждать непременно о судьбах

человечества? Можем и об этом поговорить, если есть желание.

В это время ниша, где с Нефедова была снята мерка, снова засветилась. Василий Семенович подошел к ней и увидел на невесть откуда взявшейся полочке и плечиках: серый костюм, шикарные туфли в розовой прозрачной коробке, в пакетах: рубашка и галстук. Все это, пахнущее магазином, он перенес на диван и начал с любопытством разворачивать.

– Ну, как? Нравиться? – спросил старший восстановитель. – Примерь...

– А, куда спешить, – вздохнув, сказал Нефедов. – Конечно, все это красиво, да не мое.

– Ох, да что же это я! – воскликнул Юрий Евдокимович, шлепнув ладонью по лбу. – Зачем этот заказ? Ведь за дверью уже готова твоя квартира, со всем твоим гардеробом.

Оставив обновки, Нефедов с недоверием подошел к двери из какого-то белого пористого материала. Он

30
протянул к ней руку, но дверь тут же открылась сама, и за ней обнаружилась прихожая его квартиры. Изнутри дверь оказалась обитой дерматином: Нефедов специально обил ее для большей звукоизоляции, и не узнать свою работу просто не мог. Невольно он все же потрогал обивку пальцами, все верно: хотел еще тогда положить под

дерматин поролон, но не нашел и обошелся ватой. А дерматин и эти гвоздики с медными фигурными шляпками

купил в хозмаге около рынка. В прихожей было сумрачно, как всегда. Протянув руку, Василий Семенович безошибочно отыскал выключатель и включил светильник.

Потом, уже в состоянии какого-то рассеянного сознания, не понимая, как вместо крохотной больничной палаты тут образовалась целая четырехкомнатная квартира, и как вообще могла его квартира мгновенно вырасти здесь, он прошел на кухню, подозрительно осмотрелся там. В суши-

ке ребрами стояли тарелки, в поддоне россыпью лежали ложки и среди них одна самодельная, алюминиевая, доставшаяся еще от деда: ручка у нее была вылита в форме

рыбки. А на отключенном холодильнике, который Наташа,

видимо, еще с вечера оставила оттаивать, чтобы помыть, оказывается, спокойно тикал, отсчитывая неизвестно какое

время, будильник. Василий Семенович взглянул на руку и впервые обнаружил на ней свои часы. Было десять часов утра, но будильник, как обычно, убежал на пять минут. Восприятие Нефедова снова сбилось: то, что он видел

сейчас вокруг себя, показалось ему единственно возможной реальностью, а все только что происходившее

В

той светлой комнате с изощренной мебелью, сном или розыгрышем воображения. Ну, а этот человек – восстановитель, вошедший следом за ним?

– Тебе, наверное, смешны эти обои, стулья, – сказал ему Нефедов.

– Ничуть. Ты не волнуйся... Я ж говорил, что мы специалисты по двадцатому веку. Мы уже просто вжились

31
в него. Разве ты не заметил, что мы и говорим на языке твоего времени.

– Честно сказать, о языке я еще не подумал.

Нефедов взглянул в окно, ожидая увидеть привычный уголок двора с натянутыми там бельевыми веревками, с ребячней, прыгающей на панцирных сетках, выброшен-

ных

кем-то кроватей, но там был все тот же причудливый, разноцветный город.

– Мы бы, конечно, могли восстановить тебе и прежний вид из окна, но сам понимаешь, это было бы грубым обманом, – сказал старший восстановитель.

– Конечно, конечно, – согласился Василий Семенович, совсем не понимая, как это они могли бы сделать и вид за окном.

Они вернулись в белую комнату, куда Нефедову, в общем-то, уже не хотелось идти.

– Как же к этому привыкнуть, – сказал он Юрию Евдокимовичу, сев на диван и задумавшись. – Это что-то невозможное. Или, может быть, я только что был под гипнозом? Но пыль-то вот она, – он показал свои пальцы. – Она была там на подоконнике.

– Конечно, пыль-то надо было сразу убрать, – ответил Юрий Евдокимович. – Сейчас я распоряжусь. Есть тут у нас один способный робот. Не переживай он ничего не разобьет. .

– Ну, уж нет! – запротестовал Нефедов. – У меня, слава богу, и у самого еще руки-ноги не отсохли. Только зачем мне одному четыре комнаты? Мне бы хватило и кухни с кабинетом. Ну, пусть еще этот предбанник, без которого, как ты говоришь, не обойтись.

Юрий Евдокимович рассмеялся, позабавленный тем, что «предбанником» была названа современная комната, предваряющая такое древнее жилище. Вообще ему нравилось, что у Нефедова не находилось и тени заискивания перед этим далеким для него веком, что он

32

даже «спасибо» не сказал за свою жизнь и бессмертие. Восстановитель подумал даже, что именно так: спокойно,

с достоинством, должны будут принять бессмертие и дру-

предки.

– Нет уж, живи, как привык, – сказал он Нефедову. – Побудешь с недельку под нашим чутким, как у вас выражались, наблюдением, а когда адаптируешься, перекочуешь в другое место.

– Послушай-ка, – вдруг как-то «секретно» прошептал Нефедов, – а сам-то я случаем не робот? Ведь вы же слепили меня из другого материала.

– А ты что ты этот материал как-то ощущаешь? – уже чисто профессионально и настороженно спросил старший восстановитель.

– Нет, я чувствую все своим. Более того, я давно уже не ощущал своего тела вот так: каждым нервом, каждой жилочкой.

– Тогда в чем же дело? – уже улыбнувшись, спросил Юрий Евдокимович. – Ну, если ты робот, то и мы роботы, ведь время от времени мы проходим через откачку возраста, а это немного схоже с восстановлением.

– Ну, ладно уж хоть не робот. Но вы изучили меня настолько, что наперед знаете все мои реакции.

– Куда уж там... Работая над твоим восстановлением, мы постоянно телепатически общались с тобой, но это походило на общение с суммой знаний о тебе. А уж как поведет себя живой человек, толком не знали. Каждый представлял тебя по-своему. А ты явился такой, как есть.

Ну, вот назвал ты эту комнату «предбанником», и кто из нас

мог бы придумать такое за тебя? Так что у нас полный успех: ты воссоздан, как абсолютно самостоятельная личность, за которую другие думать не могут. Наверное, здесь ты даже сможешь продолжить писать.

– Вряд ли, – раздумывая, ответил Нефедов. – О чем? И для кого? Вы же и так все знаете...

33

– Э-э, нет – душа-то еще не изучена. Вот мы ее, можно сказать, уже в руках держим, вылавливаем из мирового духовного эфира, помещаем в тело (как было с тобой), заставляем жить, а что это такое не знаем. А любовь? А прочие вечные страсти? Хотя, конечно, ты можешь освоить

и другую профессию. У нас есть программы, которые помогут быстро освоить все, что хочешь.

«Да уж поздно мне осваивать-то», – чуть было не сказал Нефедов. А ведь, и впрямь, по-новому надо было как-то на

все смотреть, по-новому. .

Через полчаса старший восстановитель собрался уходить: Василий Семенович нуждался в отдыхе. Было решено, что утром они наметят программу адаптации.

– Если тебе что-нибудь потребуется, то вызови меня, – прощаясь, сказал Юрий Евдокимович. – Набери по свое-

му

телефону... ну, скажем, шесть нолей. Я сейчас домой. Нынешняя ночка, признаться, была у нас не легкой. Сегодня Юрий Евдокимович уезжал с работы с таким редким ощущением удовлетворения, какого не испыты-

вал

давно. А еще он чувствовал усталость, ведь все это время он ощущал на себе взоры миллиардов глаз людей цивилизации, которые, следили сегодня за ним и воскрешенным. Разговоры с человеком из такого дальнего столетия по-настоящему разволновали Юрия Евдокимовича. Как многое хотелось рассказать этому человеку, для которого, казалось бы, любой незначительный факт – уже событие. Как хотелось рассказать именно ему, а не кому-то из своих друзей многое из своей личной жизни, что тоже, наверняка, потрясло бы Василия Семеновича. Но не мог же он сегодня исповедоваться на всю цивилизацию.

Толик, его последний сын достался ему благодаря неизмеримой жертве: его мать, последняя любимая женщина Юрия Евдокимовича, которую звали Ирина, умерла при родах. Такое случалось исключительно редко

и

34

случалось, пожалуй, от излишнего успокоения, от излишней веры во всемогущество медицины, когда срывы

случаются, кажется, в самом гарантированном месте. Ни одну из своих женщин не любил Юрий Евдокимович так, как Ирину и после ее смерти сделал глупость, рабом которой был уже почти, что тридцать лет. Он изготовил робота точно по облику своей женщины, вложив в ее сознание все понятия, которыми, по его разумению, обладала Ирина и, в конце концов, понял, что получил не любимую женщину, а лишь свое представление о ней. Сделав ее идеальной, он запутался в чувствах, не в силах понять: любит ли он ее или уже ненавидит. Во всяком случае, иллюзией, что рядом с ним находится существо, которому можно довериться, он жил не долго. Самое же мучительное и печальное состояло в том, что он привязался к этому существу: женщина могла ласково гладить его по голове, могла говорить с ним и даже высказывать какие-то свои мысли, могла заказать ему

ужин

и ужинать вместе с ним. У нее было сердце, в ее жилах текла настоящая горячая, живая кровь. Однако у нее отсутствовало самоосознание, у нее отсутствовал уникальный человеческий код, и потому чему бы он ни учил ее, как бы не приближал к себе, она оставалась **вне людей, вне человечества**. Юрий Евдокимович пони-

мал,

что когда-нибудь ему придется расстаться с ней, но он не мог перенести той воображаемой картины: как приведет

ОН

ее в лабораторию для распыления, как усадит в кресло и попросит немого подождать. И она будет ждать, зная, что сейчас ее не станет, она будет даже испытывать страх, но не запротестует, понимая, что она не человек, а всего

ЛИШЬ

биологическая машина...

Если он решится на этот шаг, то никто его не осудит, ведь это будет распыление предмета, а не человека.

Напротив, его друзья даже поприветствуют этот поступок, видя, что наконец-то, справившись с собой, он выходит из своего не самого лучшего способа скорби и памяти по любимому человеку.

Тридцать лет назад Юрий Евдокимович жил рядом с лабораторией, в которой работал, но потом вместе с тенью любимой женщины вынужден был переселиться подальше,

чтобы не давать друзьям и коллегам лишнего повода к сочувствию, чтобы Толик не видел своей ложной матери...

5. ТЕЛЕФОН

Войдя в квартиру, Нефедов, кажется лишь для того, чтобы надежней отгородиться от сорок четвертого века, до

отказа вывинтил собачки обоих замков. Для начала стоило,

пусть хотя бы в беспорядочную кучу сгрести все свои впечатления. Пытаясь сосредоточиться или принять какое-

то решение, он обычно не сидел, стискивая голову руками,

а брался за любые домашние дела, и на нитку привычных дел легко нанизывались все рассыпающиеся мысли.

Василий Семенович прошел на кухню, а там сработал инстинкт: захотелось выпить чая. Этому не помешал даже недавний завтрак, потому что без этого традиционного чаепития по приходу домой, он словно бы не чувствовал себя дома.

Оставался вопрос: как возможно было за считанные минуты восстановить его большую квартиру с такой точностью, чтобы сейчас из этого крана могла политься вода? Он начал осторожно откручивать кран, и кран выстрелил вдруг воздушной пробкой, как бывает после отключения воды для ремонта труб. Никогда не вздраги-

вал

Нефедов так от этого водяного выстрела. А в раковину уже

текла ржавая, застоявшаяся вода. Да, конечно же, никуда он не переносился... Не возможно, чтобы там, в каком-то сорок четвертом веке была ржавая вода... Кто же станет там подавать воду по железным трубам? Переждав ржавчину, Нефедов нацедил воду в тонкостенный стакан с ободком и посмотрел сквозь нее на свет. Вода была прозрачной, но Василий Семенович смотрел уже дальше,

37

на переливающиеся бусинки в небе города. Все тот же причудливый город за окном... «Ну, и какую же воду вы

здесь пьете? – подумал Нефедов. – При ваших-то чистейших помидорчиках и огурчиках не иначе, как ключевую или колодезную». Он набрал в рот воды, подержал и разочарованно выплюнул. Вода была с хлоркой. Это была вода его времени. Так, где же он все-таки сейчас?! Слоистость реальности его потрясала. В каком веке было сейчас его сознание? Пожалуй, сознание его разлетелось на два века, расщепленное бездной тысячелетий, мера которой – недавний обморок.

Забыв про чайник и открытый кран, Нефедов подошел к окну. На город, поглощая своим чревом леттрамы, надвигалась темно-фиолетовая грозовая туча, от которой на земле все меркло и настораживалось. Василий Семенович распахнул форточку и в застоявшуюся кубыш-

ку

кухни волной вплеснулся такой воздух, каким он никогда не дышал. Никогда в воздухе своего города не ощущал он запахов смешанного леса вперемешку с ароматом яблоневых и грушевых садов. От преддождевой, тенистой прохлады этот живой воздух был освежающим и тяжелым,

лым,

как холодная вода. А еще его поразило банальнейшее, базарное чириканье дерущихся воробьев. Василий Семенович тут же закрытил брызжущийся кран, убрал с подоконника литровую эмалированную кружку, в кото-

рую

обычно по стариковской экономии сливал старую заварку от чая и настезь распахнул обе рамы. Воробьи дрались совсем рядом, на ветке ближайшего дерева, а потом вслепую ссыпались на траву. В этом городе были прежние воробьи! Конечно, тут и люди были такими же, но воробьи показались куда более верным связующим звеном. Они показались не потомками неисчислимых воробьиных поколений, а теми же живыми комочками его времени. Подойдя к электроплите, Нефедов произвел еще одно испытание: включил конфорку с перегоревшей спиралью

и

38

минуты две постоял, положив ладонь прямо на кружок,

но,

увы, увы, конфорка так и не нагрелась. Ожидая пока закипит чайник, он заглянул в спальню. Кровать была аккуратно застелена. И застелена именно им, это он клал подушку под покрывало, чтобы можно было прилечь и днем. Да и кому было прибираться в этой спальне, если последние пять лет после смерти жены, он занимал ее один. Створка шкафа была чуть-чуть приоткрыта. Нефе-

дов

заглянул на сложенное там белье, которое обычно утюжи-

ла

дочь Наташа, и закрыл дверку на ключик. Зеркало на дверце отразило его, и он снова принялся рассматривать

свою кожу без морщин и морщинок, потемневшие волосы,

яркую радужку глаз. Как бы не проворачивалось вхолостую

его сознание, не способное перевернуть такой массив информации, но не ликовать от своего чудесного превращения он не мог. Радость портилась лишь одним вопросом: для чего все это? Для чего, если нет уже никого... Для кого твой молодой, цветущий вид? Кто его может оценить? Но с другой стороны душа ликовала от гордости первопроходца: там за окном, новый мир и ты в нем первый из всего прошлого...

Он провел рукой по щетинистому подбородку и привычно отметил, что нужно побриться. А почему дома он в этой нелепой больничной пижаме? Как же он по улице шел? Ах, да... никуда он ни шел, ведь все это происходит на одном пяточке. Он достал из шкафа чистое белье, рубашку, просторные домашние брюки, вошел в ванную, включил воду. Слив ржавчину и первую холодную

воду из крана с горячей водой, отрегулировал температуру,

заткнул пробкой слив, разделся и тут, сквозь шум воды, услышал уже прямо-таки истошный свист чайника на кухне. Он рванулся туда нагишом, но вдруг представил, что

квартира еще просматривается восстановителями. Голый

В

ванной – это понятно, но метаться голым по квартире...
Зачем их смешить? Он быстро надернул те же пузырчатые
39

коричневые штаны, побежал на кухню и сорвал с плиты уже просто плюющийся чайник. Но любопытство: наблюдают за ним или нет, осталось. Нефедов вышел в прихожую, осторожно поднял трубку телефона и услышал привычный длинный тон. Он подумал, что до Юрия Евдокимовича, который сейчас, наверняка, где-нибудь по пути к дому, вряд ли дозвонишься, однако почему бы ни попробовать? Нефедов набрал шесть нолей. Где-то на том конце раздался гудок вызова.

– Я слушаю тебя, дружище, – тут же ответил Юрий Евдокимович.

– Ты что уже дома? – спросил Нефедов.

– Нет, еще в пути.

– Долго едешь. Ты летом, наверное, где-нибудь на даче живешь?

– Нет, я живу только в одном месте. На Аляске.

– На Аляске?! Ничего себе!

– У нас очень хороший климат, – поневоле оправдываясь, сказал старший восстановитель. – Во всяком случае, мне нравится.

– Ну-ну, – пробормотал Нефедов и едва вспомнил, о чем

хотел спросить, – слышь, Евдокимыч, прости, что я дергаю

тебя по мелочам. Скажи: сейчас мою квартиру просматривают или нет? А то мне что-то не по себе.

– Мы ж договорились, что когда ты один, то никаких наблюдений...

Положив трубку, Нефедов решил просто посидеть, расслабиться. К чему это его просто чрезмерное напряжение при каждом обычном шаге? Пора уж, наверное, брать себя в руки. А Юрий Евдокимович-то... Ничего себе: работает здесь, а живет у черта на куличках.

На столике рядом с телефоном лежал телефонный справочник, невольно напомнивший о возможности других звонков. Нефедов снова поднял трубку,

41

взволнованно набрал номер Сережиного телефона. Другой,

неизвестно где находящийся, конец провода отозвался тугими, призывными гудками. Василий Семенович сидел

с

окаменевшим голым торсом. А что если и тут все предусмотрено, как с той же ржавчиной? Вдруг ему ответят? Однако сигналы шли, а трубку не поднимали. Нефедов автоматически взглянул на часы: обычно в это время сын еще находился в своем инженерском кабинете. Скоро длинные гудки сменились короткими гудками отбоя.

Что ж, и это выглядело вполне естественно: трубку не брали, просто все куда-то отлучились, вроде как на картошку в колхоз уехали, хоть это и не по сезону...

Нефедов испытал и другие номера, но всюду было одно и то же: трубку или не поднимали или для разнообразия раздавались короткие гудки «занято». Потеряв всякую, в общем-то, и не очень великую надежду, Нефедов некото-

рое

время сидел, глядя на телефон. Кто тут мог ему ответить?

Этот аппарат, чего доброго, сейчас на Земле вообще в единственном экземпляре. Это ж понятно, что с Юрием Евдокимовичем он связался не по телефону, а как-то иначе,

просто телефон подключен к этому «иначе...» Его аппарат

здесь не более чем игрушка для щекотания нервов.

6. МЕЖДУ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Из задумчивости Нефедова вывел ручеек, вдруг шустро пробежавший из ванной в коридор. Охнув и забыв обо всем на свете, кроме соседки снизу, Василий Семенович влетел в ванную, одним движением обеих рук закрутил краны, и до самого плеча сунув руку в ванну, изливающуюся через край тонкой рваной пленкой, выдернул пробку. Уж при таком-то потопе скандал сегодня

неминуем. Потом лихорадочно отыскал тряпку и принялся

собирать воду.

42

Минут через десять мокрый от пара и пота, он присел на край ванны: теперь тут было сыро, слегка пахло известкой. Конечно же, заблуждение о соседке развеялось еще в работе, но это не успокоило, ведь если квартира повторена до мелочей, то вода все равно куда-нибудь протечет. А куда? Конечно, уж сюда-то дорогая соседка

Зинаида Михайловна не прибежит. Как глупо она, кстати, поступала, постоянно скандаля, если жизнь была такой, какой оказывалась теперь. И все равно уж соседку-то с ее крашенной перекрашенной головой Нефедов встретил бы сейчас с распростертыми объятиями. А если он промочит, да замкнет что-нибудь восстановителям? «Ну, – скажут они, – кого мы и воскресили...»

Еще несколько минут Нефедов сидел, ожидая неизвестно кого и чего. Потом, понемногу отойдя, сбросил

больничные штаны, надетые прямо на голое тело, и опустил во вновь наполняемую ванну. Вода приятно омывала молодое, упругое тело. Хошь не хошь, но все же это – ты. Ты молодой в этой старой, привычной ванной. А, может быть, будущее со всеми его событиями, с болезнями

детей, с рождением внуков и с их именами, которые не надо придумывать, а достаточно вспомнить, с книгами, которые еще не написаны, но уже созрели в голове: просто привиделось? Привиделось и воскрешение. На самом же деле все идет, как шло, и смерть существует настолько,

что если сейчас глубоко задуматься о ней, то она той же ледяной когтистой лапой стиснет твое сердчишко. Но опять же, если ему сейчас тридцать и все привиделось, то, как очутился он в этой четырехкомнатной квартире? В

тридцать-то лет они с Сашенькой жили в коммуналке. Там у них родился Сережа, а после и Наташа. А эту квартиру они получили лишь после того, как он ночами на общей кухне написал два своих романа, и его признали писателем. И когда стены этой ванной он собственноруч-

но

отделывал вот этим самым молочным кафелем, то помогал

гал

43

ему уже десятилетний Сережка. Так что, какой тут сон...

А

психика его, кстати, не столь и пластична, как надеялись восстановители.

Когда Нефедов, порозовевший от горячей воды, побрившийся, благоухающий шампунем «зеленое яблоко»,

ко»,

в свежем белье, прошел на кухню, то за окном была гроза не гроза, а что-то странное. Привычной молнии не было: небесный разряд происходил не ярким разрывом неба, а густой паутиной разбегающейся по всему небесному сво-

ду

и оттого необычно ярко освещающей землю. Гром после этого долетал не сочным высоким перекатом, а рассеивающимся треском, похожим на рассыпающийся горох. И Василий Семенович, потомственный гуманитарий, мало что смыслящий в физике, догадался,

что эта сеть забирает в себя энергию молнии: люди просто обуздали ее. Но дождь был, как дождь. Хорошо было пить чай в сорок четвертом веке под густой шум воды, падающей с неба, скатывающейся с листьев, журчащей с крыш...

Только что сомневающийся в самой реальности бессмертия, Нефедов залюбовался этой необычной грозой

и как-то обыденно подумал, что все же странным было бы и в самом деле не существовать на свете сейчас, когда шумел этот обширный и, наверное, в чем-то во все времена одинаковый дождь, когда продолжалось само время и эта зеленая земная жизнь. «Да уж, – заметив такой поворот в своем настроении, подумал Василий Семенович,

– гибкость психики...» На улице было много людей, и все-таки в этой картине городского дождя чего-то не доставало.

Пожалуй, того, что у людей не было зонтиков. Одетые во все легкое, а под дождями в вовсе просвечиваемое (что, впрочем, никого не смущало) они не бежали, не спешили прятаться. «Не берегут здоровье, – слегка недовольно подумал Нефедов, – чего ж его беречь, если оно ничего не стоит.» Но тут же и присек свое брзжание. У них совсем

44
другое восприятие дождя. Дождь вроде даже забавлял их.

Почему бы и нет, если его капли чище воды из крана, а среди прохожих нет ни дряхлых, ни больных.

После чая Нефедов продолжил инспекцию квартиры.

Судя по тому, что на кухне было много еды и, главное по остаткам торта, выходило, что такой квартира была наут-

ро

после дня рождения Андрейки. Василий Семенович взял маленькую ложку и попробовал торт – он был еще све-

жим!

А ведь этот день рождения был далеко не вчера...

В комнате Наташи он присел в кресло, осмотрелся. Под кроватью застрял игрушечный грузовик, на котором продолжатель его рода Андрейка возил кубики с облупленными буквами, заявляя, что обязательно станет шофером. Нефедов поставил на колени грузовичок, покрутил его скрипящие колесики с черными резиновы-

ми

шинами. Память, со своей способностью затушевывать детали, мягка и щадяща, а в этой точной достоверности было нечто жутковатое. Давным-давно умерли и Сережа,

и

Наташа, давным-давно нет и Андрейки. Странно было представить внука старым: каким он был, каким стал? Конечно же, он оставил после себя детей и внуков... И внуки оставили своих внуков. А все вместе это называ-

лось

«вчера».

Нефедов вошел в кабинет. Вот отсюда-то, с этой тахты его и увезли. После того, как на вечеринке иссякли поздравления, он, почувствовав боль в груди, скрылся от своей молодежи сюда, где и случился приступ.

Чуть передохнув от воспоминаний, Василий Семенович подсел к столу и взялся перебирать страницы своего последнего романа, лежащего раскрытым. Любопытно

как

поступили потом с этой рукописью? Наверное, увязали в папку и сдали в архив, где она лежала до тех пор, пока бумага не рассыпалась в пыль... Но как все это буковка по буковке могло восстановиться сегодня здесь, на этом столе?! Нет, работа сегодня определенно не шла.

45

Василий Семенович снял с полки фотоальбом, влажной тряпочкой протер его толстые бархатные обложки и корешок. За долгую жизнь с Сашенькой у них накопилось

с

десяток альбомов, но этот, заведенный сразу после женитьбы, считался избранным, в него клеивали самое важное: свадьба, первые снимки новорожденных детей,

их

свадеб (к сожалению, у Наташи, оставшейся с ребенком у родителей, личная жизнь не удалась), рождение внуков. Одной из последних была фотография золотой свадьбы,

над которой, казалось, сама душа Василия Семеновича, уже глубоко растроганная предыдущими снимками, тихо, как бы украдкой, заплакала. Вот Сашеньку-то, умершую спустя четыре года после этой свадьбы, было жаль больше всех. Незадолго до ухода она была сухонькой, ласковой, доброй, волосы ее были седые, просвечивающие и лишь глаза оставались глазами той же девчонки, с которой он, салага-токарь, познакомился на заводе. «Сашенькой» он звал ее еще молоденькой, а потом, уже где-то на подходе к этой золотой, не очень веселой свадьбе, открыл, что имя «Сашенька» подходит к ней, старенькой, еще больше. Жаль, что в это время он уже не говорил ей о любви. Это казалось неловким, как бы уже не по годам. А после кончины Сашеньки любовь к ней, как бы, даже увеличилась, приросла тяжестью горькой печали. Лишь после ее ухода жизнь с ней была осмыслена, как счастье. Именно тогда-то, под старость лет, он и сделал вывод о нравственной обусловленности восстановления, о вечности человека, согласившись в этом со всеми философами и фантастами, видевшими перспективу человечества именно такой. Но теперь-то ему было совершенно очевидно, что когда-нибудь он снова увидит свою жену. И она будет уже не такой старенькой, а... Нефедов начал быстро откидывать назад картонные страницы. Остановился на снимке красивой двадцатипятилетней жены. Светящаяся счастьем, она

показывала фотографу, то есть ему же, новорожденную Наташку. И что же, Сашенька снова будет такой?! Потом, первым встретив ее воскрешенной, он расскажет о том,

как

долго ее ждал, и вообще скажет все, чего не сказал прежде... Как прекрасно, что теперь у него будет эта возможность!

Долго не мог Нефедов преодолеть эту страницу, и вышло, что он посвятил воспоминаниям весь остаток дня, смахнув потом и пыль с других альбомов. Страдая о Сашеньке, Василий Семенович все-таки с недовольством чувствовал, как быстро и гладко он принял пустоту родного вокруг себя. Да узнай он в той жизни о смерти сына или внука, то, наверное, не пережил бы этого. А утрату сразу всех родных воспринимает совсем легко. Хо-

тя

утрата ли это? Ведь все они, пережив его, умерли, наверное, в свои отмеренные сроки. И как же их жалеть, какие испытывать чувства? Таких чувств еще просто не существовало. Как относиться теперь к родным, друзьям, ко всему человеческому океану, в котором он существо-

вал,

но которого уже нет? Как относиться к потерянному, зная, что оно еще вернется?

7. К ВОПРОСУ О ДУХОВНОСТИ

Когда начало темнеть, Нефедов вышел в комнату с люстрой и сел в глубокое кресло перед телевизором. Несколько минут он задумчиво смотрел на стеклянный прямоугольник экрана. Конечно, если включить этот ламповый громадный, как комод, «Рубин», то его, несколько осевший кинескоп, засветится, да только что покажет? У этой цивилизации уже другая техника. Что ж, пусть экран посветится хотя бы символически... Нефедо-

ву

стало даже жалко себя за эту картину, вмиг нарисованную его писательским воображением: мерцает его несчастный телевизор, а он одинокий, единственный, попавший в 47

сверхцивилизацию, человек сидит и печально смотрит на него... Василий Семенович поднялся с кресла, щелкнул выключателем и опустился на место. Экран медленно нагревался, сначала послышался длинный звуковой тон, потом (Нефедов даже оторопел) на экране прорисовалась знакомая сетка настройки. Ну, понятно: отбой здесь будет именно таким. Дальше этой картинки, застывшей как в детском телевизоре, дело не пойдет. С иронической усмешкой он переключился на другой канал и вздрогнул. На экране оказалась знакомая миловидная женщина-диктор. Нефедов плюхнулся в кресло и влип в него. Уж что-что, а это было просто невозможно. Глупо было предполагать, что радиоволны этой передачи витали где-

то

в нынешнем эфире – это было устроено специально. Нефедов хорошо помнил имя этой популярной ведущей музыкальной программы. И в передаче оказалось как раз все то, что он любил. Концерт начался с романса Булахова «Колокольчики мои, цветики степные...» Как волновал когда-то этот романс! Особенно этот лирический момент: «Красна девка подбежала и целует ямщика...» Василий Семенович всегда словно бы видел эту сцену со стороны барина, сидевшего за спиной ямщика. С этим ямщиком они за всю дорогу, может быть, и словом не перемолвились, и вдруг на шею ямщику бросается красивая девушка. И чего только не было в этом взгляде

со

стороны: и чисто мужская зависть и радость, и почему-то даже гордость за этого парня. И снова, как и тысячелетия назад повторилось в Нефедове прежнее волнение. А дальше в концерте были: Бах, Моцарт, Чайковский. И теперь Василий Семенович воспринял все это, пожалуй, даже куда ярче, чем раньше. Любимая музыка воспринялась некой связующей категорией, как те же серенькие воробьи, как дождь за окном. Музыка шла к нему сквозь утомительные тысячелетия. Легко вообразалось, как музыка Баха раздвигала толщу време-

ни

широким, мощным, громовым потоком. Чистейшая музыка Моцарта просачивалась сквозь время, как вода сквозь песок. А музыка Чайковского, как излучение, меняло саму структуру временного пространства, делая

его

высокопроводимым. Господи, да какая же прекрасная музыка была в этом прекрасном мире! Так вот почему прекрасное не умирает: потому что время обладает лишь духовной проводимостью, отсеивая недуховное.

После музыкальной передачи начался выпуск новостей за шестнадцатое июня тысяча девятьсот девяносто перво-

го

года. Когда-то Нефедов ревностно следил за всеми политическими зигзагами, но теперь, если новости и были чем-то любопытны, то лишь тем казусом, что он, казалось бы, никогда не должен был их узнать. Тут Василий Семенович решил, что, пожалуй, новости местной телестанции поинтересней и вернулся на канал, где только что была сетка. Теперь заработал и он. В местных ново-

стях

тоже не было ничего особенного, кроме одного: когда пошли новости культуры, то позади диктора появился его собственный портрет в траурной рамочке и диктор зачитал

тал

некролог. Василий Семенович слушал и никак не мог догадаться, кто же из коллег по перу составил текст. По

некрологу он был, конечно, безупречен: перечислялись его

книги и все замечательные человеческие качества, упоминалось об общественной работе, которой он якобы активно занимался. Кончилось все это трогательным обращением: «Спи спокойно, наш дорогой друг. Память о тебе навсегда останется в наших сердцах...» Нефедов не выдержал и смахнул слезу. Но не из-за жалости к себе, а так неизвестно от чего, от самой трогательности момента, что ли... Или от их искреннего обещания **навсегда** сохранить память...

Досмотрев телепередачи до коротких гудков, призывающих разбудить уснувших и до знакомых заставок:

«спокойной ночи» – на одном канале и: «не забудьте
49

выключить телевизор» – на другом, Нефедов пошел в спальню, поменял простыни с наволочкой, с минуту постоял перед окном и лег. В квартире стояла непривычная

и, как подумалось, бездушная тишина. Теперь шумы, слышимые когда-то от соседей, вспоминались как теплые человеческие излучения. Наверху, например, жила молодая

семья. У них родилась девочка, и по топоту ножек можно было догадаться, что ребенок уже начал бегать. Она и

бегала-то как раз тогда, когда нужно было спать: ребенка никогда не укладывали вовремя, или, возможно, придерживались какого-то своего режима. Нефедов и не подозревал, что шаги маленького человечка могут быть громче шагов взрослого и однажды, вот так же лежа и глядя в потолок, догадался, что просто ребенок бежит на пятках: вот тебе и стук. Но теперь от этой тишины было жутковато. «Ну, да я уж не мальчик мучаться разными страхами», – подумал Нефедов, и, вздохнув, выключил торшер. Сон, однако, не шел. Расслабив свою до скрипа новую грудную клетку, Василий Семенович ждал его прихода и вдруг: слышалось? Наверху... топот быстрых детских ножек! Нефедов махом сел, включил торшер, словно при свете было слышнее, и уставился в потолок. Направив все внимание на топот, он даже с раздражением отмахнулся от какой-то другой помехи, но тут же, напротив, всем слухом обратился к новым звукам: легкой песенки за стенкой. Песенка была модная и пустая, Нефедов не раз ее слышал, но все равно не знал. Потом там раздались громкие позывные «Маяка» и диктор принялся за последние известия. Нефедов разряжающе выдохнул. Ну что ж, все верно: одинокий молодой сосед-очкарик за стенкой перед сном обычно на всю катушку врубал радиоприемник, который до двенадцати часов не давал сомкнуть глаза ни ему, ни соседям, зато, заорав в шесть утра, служил всем безотказным будильником.

Нефедову стало грустно от этих, конечно же,

50

запрограммированных, как бы для его психологического комфорта, шумов, но какой комфорт, если от этого ты чувствуешь себя жалким подопытным. Лучше бы уж откровенная, честная тишина. Не выключая торшера, Нефедов лег и закрыл глаза. Диктор за стенкой вещал глуховатым, как и полагается, застенным голосом. Нет,

вся

эта имитация была не по душе. Пусть бы хотя бы какой-то небольшой, но настоящий звук прямо здесь.

«Холодильник!» – вспомнил Нефедов. Он встал, прошел

на

кухню и вставил вилку в розетку. Холодильник вздрогнул

и

мягко замурлыкал. Вот это была музыка! Пусть этот холодильник, опустошенный за праздник и помытый дочерью, поработает теперь в качестве успокаивателя. Много энергии он не нажмет. Но спать теперь мешало другое. Засыпание показалось вдруг таким же страшным, как погружение в настоящее небытие. А что, если душа

его

каким-то чудом заглянула в этот мир лишь на один раз? Вдруг во сне она, снова освобожденная сознанием, потеряется уже навсегда? Заснешь и оборвешь ниточку... Нефедов поднялся, присел к окну и стал смотреть на

разноцветье ночного города. Огней было так много, что они сливались в общее пестрое свечение. Бусинок леттрамов в небе почти не было. Нефедов просидел минут десять, как город начал внезапно погружаться в темноту. На дорожках под самыми ногами прохожих оставалась лишь самая малая подсветка, а главный свет, словно освещение в театре, пошел на убыль. Нефедов ничего не понимал. Что это, экономия энергии? А, может быть, теперь принято вести лишь дневной, наиболее здоровый образ жизни? Не найдя уверенного объяснения этому, Нефедов взглянул вверх и замер. Чистое небо с уже разошедшимися дневными тучами было усеяно мириада-

ми

звезд. Кое-где в небе беззвучно проносились по своим невидимым маршрутам совсем редкие, «дежурные», как подумал Нефедов, леттрамы. Василий Семенович даже 51

заволновался от этого монументального зрелища. «Тише! Его величество великое человечество спит. .» – так могла бы называться эта картина. На звезды за всю жизнь Нефедов смотрел не много: только лишь оказавшись на даче, или когда оказывался далеко от городских огней, засвечивающих звездное небо. Так не для того ли погашен теперь целый город, или, возможно, значительная часть полушария? Ведь если не гасить земной свет, то люди за всю свою бесконечную жизнь не увидят звезд. А видеть их

было теперь необходимостью, ведь там, в космосе у людей были родные, близкие, друзья. Нефедову вспомнилась

своя

давняя мысль. Он высказывался как-то, что духовность любого человека начинается с возможности время от времени быть наедине с собой. Человеку необходимо осознавать, что он значит сам по себе без чужих песен и стихов, без чужих идей и мыслей. Человек должен почаще вытаскивать свою душу из внешнего мира, куда она постоянно убегает, потому что жить на всем готовеньком ей проще. Возвращай ее и спрашивай: а сама-то ты – что? Способна ли ты сама на стихи, музыку, на мысли, поступки? Может быть, духовность состоит в умении постоянно возвращать к себе свою душу? Так вот, наверное, для того, чтобы общение человека с душой происходило на глазах самой вечности, и открывается

небо

в нынешнем мире. Быть может, вечным людям эта духовная подпитка нужна для бесконечной энергии? Нефедов даже заволновался от этих размышлений. Будь

он

каким-то агентом из прошлого, заброшенным сюда для разведки, то, вернувшись, он доложил бы, что за будущее можно быть спокойным: его нравственное, духовное состояние не может быть лучшим.

Около часа Василий Семенович сидел, глядя на небо и

напряжение тысячелетий, сконцентрированных в нем, постепенно словно бы разряжалось этим вечным, свободным небом. Именно через небо он, кажется, 52

приходил в равновесие, как тому и положено быть, когда ты дома.

8. МИДА

Проснулся Нефедов раньше будильника. Голова была настолько чистой, что еще минут десять он лежал, размышляюще глядя на освещенную солнцем стену. А, поднявшись, сразу подошел к окну взглянуть на город, и удивился тому, что внизу было столько людей, сколько он не видел и днем. Все были заняты гимнастикой. И как только он увидел бегающих, делающие различные накло-

ны

людей, так у него снова, как и вчера, в палате, заныли от нетерпения кости и суставы. Хорошо бы сейчас тоже прогнать по легким свежий, утренний воздух, хорошо бы, чувствуя напряженность и крепость икр и бедер, пробежаться по этому коричневому мягкому настилу, который был всюду, где не росла трава и который, видимо, заменял асфальт. Но в чем выйти? Был у него, конечно, неплохой спортивный костюм, но выбеги-ка сейчас в таком! Их костюмы были очень яркими с разными даже дисгармоничными сочетаниями. Нефедов решил действовать смелее: вышел в «предбанник» и в сиреневой

нише заказал спортивный костюм, выбрав сочетание голубого и зеленого. Покрой определил просто: по последней моде. Ожидая костюм, он снова, теперь уже в «предбаннике», подошел к окну. Жаль, что он не поднял-

ся

с постели сразу как проснулся, потому что люди, наверное,

уже скоро разойдутся. Со стороны можно было предположить, что там одни профессионалы: мужчины были подтянутыми и мускулистыми, женщины тонкими и стройными. На перекладине легко, словно забавляясь собственным телом, работал мужчина с короткой прической и с рыжеватой бородкой. А когда он закончил упражнения безукоризненным «солнышком», Нефедову

53

расхотелось выходить: среди них он будет хиляком, тем более что этим спортсменом, оказался Виктор. В это вре-

мя

краем глаза он заметил, что ниша сиренево засветилась.

На

пакете, который Нефедов взял оттуда, значилась дата изготовления: «4365 год 17 июня 7 часов 35 минут». «Что делается, что твориться! – восхитился Нефедов. – Свежую бы газету так получать». Судя по указанным часам и минутам, он был сейчас самым модным спортсменом, во всяком случае, моднее каждого из тех, кто заказал костюм

даже сегодня, но вышел на зарядку пораньше.

На воздух Нефедов выбрался без особых приключений.

Одна из дверей, как он догадался, вела не в глубь лаборатории, а наружу. Как открываются нынешние две-

ри,

он уже понял. За дверью оказался лифт, на пульте которого

вместе с указанием этажей был столбик символов.

Светился, конечно же, квадратик того этажа, где находился

лифт и Нефедов подивился, что этим символом был его собственный объемный портрет. Видимо, лаборатория по его восстановлению занимала весь этаж. Не вникая в остальные, он коснулся самого нижнего квадратика.

Дверь,

состоящая из четырех треугольников, вышедших со всех сторон сразу, легко сомкнулась и тут же разошлась.

Нефедов уж было подумал, что сделал что-то не то и лифт отказывается везти, как вдруг обнаружил себя внизу,

потому что вместе с дверями лифта открылась дверь на улицу, где были видны люди. Как произошло это

стремительное, но незаметное перемещение Нефедов не понял: казалось, лифт просто моргнул своими глазами и

все. Но, вероятно, сейчас было разумней принимать все

без

объяснений.

Оказавшись среди людей, он удивился, что не может понять их речи. Некоторые слова были вроде знакомы, но не сразу узнавались или из-за неправильного ударения,

или

из-за неизвестных слов-приставок. Большинство же слов было просто неизвестно. Немного побродив между

54

гимнастами, людьми разных национальностей и не отыскав Виктора, он пристроился к группе бегунов.

Нефедов предполагал, что они бегут по какому-то кругу, однако в какой-то части этого круга, группа замедлила бег

и

остановилась. Взбудораженные, разгоряченные мужчины

и

женщины в промокших от пота футболках и майках стали прощаться друг с другом. Кое-кто, не разобравшись, по-

жал

руку и Нефедову. Как ни было это смешно, но Василий Семенович потерял путь к лаборатории. Он стоял, озираясь по сторонам, когда к нему робко подошла девушка, которая очень пристально присматривалась к нему еще во время бега.

– Кажется, вы заблудились, – сильно волнуясь, сказала она, – я вас провожу.

– Да, – смутившись, ответил Нефедов, – я заблудился. Но почему вы говорите... на моем языке?

– Наверное, для того, чтобы вы поняли меня, – засмеявшись, ответила она. – Увы, язык за то время... ну, пока вы не жили, сильно изменился. А я знаю ваш язык, потому что работала в группе по вашему восстановлению.

– А ребята мне ничего не сказали.

– Но зачем? У нас ведь было несколько таких групп, а Виктор, Анатолий и Юрий Евдокимович были уже последним звеном.

– А как вас звать?

– Мида.

– Интересное имя. А меня Василием Семеновичем.

– Я знаю.

– А ну, конечно, конечно. Значит, мне придется переучиваться на ваш язык?

– Это не сложно. По специальной программе вы освоите его за несколько дней. Ну, а если изучать основательней, то я могла бы помочь. За многими слова-

ми

уже целые пласты истории. Хотя есть и очень легкие случаи. Ну, вот, например, что такое «леттрам»?

55

– Летающий трамвай – это я уже знаю, – смеясь, сказал Нефедов.

– Ну, вот... – разочарованно сказала девушка, – видите, как просто. Вначале кто-то из изобретателей назвал его

так

в шутку, но это прижилось. А вообще-то, наш язык – это далеко не совершенство. Язык вашего времени был куда выразительней. Наш язык – это упадок. Развитие техники окончательно доконало его.

У спасительницы Нефедова было интересно не только имя. Она была очень красива, как были красивы здесь все женщины. У Мида была гибкая, миниатюрная фигурка, зеленоватые глаза, длинные, прибранные с помощью хитроумной заколки, рыжие волосы и, пожалуй, самое потрясающее – веснушки, рассыпающиеся с носа на щеки. При каждом взгляде, бросаемом на нее, она краснела и смущенно отворачивалась.

– Одного не могу понять, – сказал Нефедов, – зачем людям, которые живут не умирая, какая-то утренняя гимнастика, какие-то упражнения?

– Да, – согласилась Мида, – физические упражнения, как средство поддержания здоровья, нам вроде бы и не нужны, но для нас это удовольствие. Говорят, что нечто похожее, правда, как бы сказать с некоторой натяжкой, произошло когда-то с сексуальными влечениями. Если вначале они были необходимы лишь для продолжения рода, то после, когда человек стал культурней, эти влечения

превратилось в одно из удовольствий...

Еще издали у входа в лабораторию Нефедов увидел двух мужчин в спортивных костюмах. Высокого Виктора с его

бородкой и атлетическим сложением он узнал теперь сразу,

а Толика, низкого и чуть округлого, как его улыбка и, пожалуй, как сама его натура, признал уже вблизи.

Нефедов сконфужено, оттого, что заблудился, торопливо попрощался с Мидой.

56

– А мы уж потеряли тебя, – пожимая руку, сказал Виктор.

– Ну, старина! – восхищенно воскликнул Толик, хлопнув по плечу и без того смущенного своим приключением Нефедова, – не ожидали мы, что ты начнешь новую жизнь с хорошеньких девушек. Даю голову на отсечение, что она влюбилась в тебя.

– Да брось ты, когда бы она успела, – ответил Нефедов на это дружеское подтрунивание. – Просто помогла мне. Я заблудился.

– Ну, уж, конечно, заблудился, – нарочно не верил Толик, – как у нас можно заблудиться? Да, если хочешь знать, мы для того и создаем все лишь в одном неповторимом экземпляре, чтобы ориентация происходи-

ла

подсознательно: зачем человеку лишние заботы? А ты заблудился...

– Ну, черт его знает! – даже рассерженно сказал Нефедов. – Да у меня в глазах рябит от вашего

неповторимого! Может мне привычней в стандартном.

– Ну, ладно, хватит, хватит, – остановил их Виктор. – Юрий Евдокимович ждет нас наверху.

– Интересно, что язык у вас изменился, а имена остались, – сказал Нефедов, когда они подходили к лифту.

– И у вас, и у этой девушки очень простые имена.

– Во! Видел! – снова поддел Толик, толкнув Виктора. – Они уже и познакомились.

– Не удивляйся, если теперь тебе будут встречаться Харлампии, Ксении, Афродиты (в основном гречанки), Серафимы, Капитолины, Матвеи, – сказал Виктор. – В нашей цивилизации культ прошлого. Движением вперед мы не озабочены, оно происходит и так. Но мы озабочены тем, чтобы ничего не потерять. Сорок четвертый век мы считаем эрой всеохватности, и это невольно сказывается

на

именах. К тому же, мы ведь знаем, что будущее за полным,
57

восстановленным человечеством, а значит, в нем будут

все

имена. Имен, навсегда исчезнувших, нет.

9. СЮРПРИЗ К ЗАВТРАКУ

Нефедов шагнул в свой «предбанник» и застыл около дверей. В нос ударил смрад горящего тряпья, пороха, бензиновой гари. В комнате были видны лишь столик и диван с креслами, но дальше была не комната, а

необъятное поле какой-то жуткой битвы: все было заполнено дымом, огнем, железным скрежетом, ревом танков невиданных конструкций, ревом людей с дикими искаженными лицами, пробежавшими и теряющимися в дыму. На одном из кресел спиной к двери сидел старший восстановитель. Неизвестно как, услышав и оглянувшись на вошедших, он потянулся к какому-то блестящему предмету в форме точильного бруска на столике. И тут же вся битва вместе с дымом, с массивными железными чудовищами и бегущими людьми исчезла. Вместо задымленной дали, были голубоватые стены, вместо грома,

лишь звон в ушах от внезапной тишины, вместо смрада, совершенно чистый воздух.

– Ага, струсил, – засмеявшись, проговорил Юрий Евдокимович, пожимая Нефедову руку, – это то, что, в конце концов, вышло из вашего телевизора. Только вместо

программ у нас тот же единый банк информации и ты можешь составлять себе любую программу. Эта штука называется УП, то есть универсальный прибор, потому что

у него еще масса и других функций.

Он протянул Нефедову блестящий брусок без всяких кнопочек.

– Собственно, все это как раз относится к теме нашей

предстоящей экскурсии, – сказал Юрий Евдокимович, – сегодня я хочу показать тебе один из филиалов банка

58

памяти, как раз тот, что ориентирован на институт восстановления.

– А что это было? Что такое ты смотрел? – спросил Нефедов, еще не отойдя от такой прямо-таки невозможной

реальности исчезнувшей картины.

– Это я на себя самого себя молодого хотел взглянуть.

Это был один из последних вооруженных конфликтов на планете, в котором я умудрился поучаствовать в качестве сержанта. В этом бою меня, можно сказать, убили. Я был в таком состоянии, что тогдашняя наука была бессильна.

Они

просто заморозили меня и подняли только через пятьде-

сят

лет. Так что, к сожалению, не все годы своей жизни я жил.

В каком-то смысле, я и сам был подопытным... Так потом

и

пошел в этом направлении... А ты ведь еще не завтракал.

Сейчас я закажу...

– А ребята где? – спросил Нефедов, заметив, что Виктора и Толика уже нет в комнате.

– Пошли искупаться и переодеться. Они живут поблизости. Позавтракают и за работу.

– А давайте позавтракаем вместе, – предложил Нефедов,
– я сейчас тоже в душ, а ты забирай продукты, зови ребят и
ко мне на кухню.

– Ну что ж, идет! – с удовольствием согласился Юрий
Евдокимович.

Когда минут через десять Нефедов появился на кухне,
Толик, Виктор и Юрий Евдокимович уже расположились
там на кухонных табуретках. Обе створки окна были
распахнуты, так что завтрак предстоял на свежем воздухе.
И вся эта свежесть как бы продолжалась в свежести и
здоровье одинаково молодых, жизнерадостных мужчин.
Юрий Евдокимович был в желтой рубашке. Толик и
Виктор тоже были в светлом и выглядели очень элегантно.
Нефедов, надев после душа белую рубашку с узким чер-

НЫМ

галстуком, попал в общий стиль. На плите уже закипал
чайник. На столе были масло, сыр, сливки. Посредине
59

стола стояло что-то накинутое белым полотенцем, но в
кухне разносился такой знакомый, родной запах, от
которого закружилась голова, и в котором нельзя было
ошибиться.

– Это тебе сюрприз от Толика, – торопливо проговорил
Юрий Евдокимович, опасаясь, что Нефедов угадает
быстрее, чем это будет представлено.

– Каравай горячего хлеба! – сразу выпалил Нефедов.

– Ну-у, вот, – с наигранным разочарованием протянул Толик. – Удиви его...

Он снял полотенце. Круглый каравай поджаристого деревенского хлеба дохнул забытым теплом русской печи. Но и это еще не все. Рядом стояла двухлитровая (кажется, даже на вид теплая) банка парного молока. Нефедов не удержался, потрогал ладонью и банку, и каравай. Детство, все детство всколыхнулось в Василии Семеновиче.

– Толик уверял, что ты будешь в восторге, – сказал Юрий Евдокимович.

– Еще бы! Давайте-ка, я вам молочка налью.

– Ну, уж, нет, – отказался старший восстановитель, – мы все равно не пойдем этого удовольствия, завари-ка нам лучше свой чай.

Нефедов начал споласкивать заварник.

– Вы как хотите, – сказал Толик, – пейте свой чай, а я поддержу Василия Семеновича.

Он взял ножик и, еле удерживая в руках горячий шероховатый каравай, начал резать его, осыпая мелкие, хрустящие крошки.

– А ведь это даже интересно, – сказал Виктор, с любопытством рассматривая хромированную вилку, – мы постоянно работаем над восстановлением всего этого, а просто так по-житейски попользоваться какой-нибудь вещью и в голову не приходит.

– Как же вы без этого можете понять человека другого

времени? – заметил Нефедов.

60

– Верно, – согласился Юрий Евдокимович, – понять трудно. Но восстановление не в понимании. Если бы мы восстанавливали тебя в соответствии со своим пониманием, то твое «я» никогда бы не воскресло.

Воскрешать нужно математически точно. Человек для нас – это формулы и последовательность длинного столбика многозначных чисел. Природой каждому определено

лишь

его индивидуальное, генетическое место, и все эти возможные человеческие, варианты четко зафиксированы.

ны.

Так что, если абсолютно точно создать конкретную биологическую ситуацию (то есть, одного конкретного человека), то в это гнездо непременно влетит именно та душа, именно то «я», которое единственно подходит. Не прими нас за циников, но, увы, без расчетов человека не получается.

– А если воскресить меня еще один раз? Какое «я» будет у двойника?

– Никакого. Твой двойник просто не оживет или не будет полноценным, потому, что твоя душа уже, можно сказать, занята, уже использована тобой.

Пока заваривался чай для Виктора и Юрия Евдокимовича, Нефедов с Толиком принялись за хлеб с

молоком: терпения у хозяина не хватало.

– А что, вкусно, – оценил Толик, – а Василий Семенович так и вовсе заурчит сейчас от удовольствия.

– Ты еще маслом, маслом намажь, – подсказал Нефедов, – язык проглотишь.

Самому ему пришлось оторваться, чтобы налить чаю остальным.

– Слушайте, ребята, а чего вы со мной возитесь? – пошутил он, охваченный особенной симпатией к ним. – Опыт воскрешения удался и что я вам теперь, а?

Толик в это время на удивление неумело намазывал масло на кусок горячего хлеба: масло плавало по ломтю и капало на стол.

61

– А что, граждане, ведь Василий Семенович прав, – со значением проговорил он, приняв чересчур серьезное, не очень естественное для него, выражение, – давайте бро-

сим

его.

– Давайте, – согласился Юрий Евдокимович, – вот напьемся чаю и пошлем его к чертовой бабушке...

Нефедов на мгновение растерялся, и они прыснули со смеху. Виктор, к тому же, захлебнулся чаем и потом долго со слезами откашливался.

– Ну, вас, с вашими шуточками...

Но смеялись не от шуточек, которые и не были столь

остроумны, а от хорошего настроения, от особого теплого расположения друг к другу. Потом, просмеявшись, напротив, некоторое время молча и осторожно прихлебывали горячий чай.

– Знаете, ребята, – заговорил Нефедов, зараженный этой молчаливой и оттого еще более дружеской атмосферой, надеясь, что его растроганно заблестевшие глаза, отнесут на счет горячего чая, – я не могу освободиться от ощущения нереальности. Лишь отвернусь от окна, как

мне

начинает казаться, будто я в своем времени, а вы просто знакомые или друзья, зашедшие на чашку чая. Мне даже легче поверить в более фантастическую ситуацию, в то,

что

это я в своем времени, а вы – пришельцы из будущего у меня в гостях...

– Увы, увы, – сочувственно проговорил Юрий Евдокимович. – теперь у нас и фантасты перестали заикаться про обратимость времени.

– У тебя чувство нереальности, – добавил Виктор, – а для нас факт существования человека из прошлого уже норма. Мы к этому так долго шли, что привыкли.

– Я еще вот о чем хотел спросить, – робко произнес Нефедов, – моя жена, понимаете...

Он замолчал, подыскивая слова, чтобы удобнее изложить просьбу.

– Мы понимаем твои чувства, – вздохнув, сказал Юрий Евдокимович, – но, видишь ли, твоим воскрешением мы занимались более пятидесяти лет. Вот почему, кстати, мы не можем так просто отвернуться от тебя. Внешне мы встретили тебя очень сдержанно, но на самом-то деле, от того, что ты вот так просто можешь заварить свой чай, спать, думать о чем-то своем, выбегать на зарядку, от того, что ты сейчас такой, каким в точности был когда-то, и в том числе, вот с этой печалью по жене, – от всего этого по нашей цивилизации идет гул ликования. Причем, знаешь ли, такой сдержанный, осторожный гул: твое восстановление настолько крупная удача, что все бояться, как говорили у вас, сглазить. И теперь дальнейший этап нашей программы – это восстановление сразу крупного человеческого массива, на что мы и должны направить все свои силы. А восстанови мы, опять же через пятьдесят лет твою жену, то вам станет не хватать ваших детей. Так что это не выход...

– Ну, все, все, – сказал Нефедов, – я все понял.

Простите, что заговорил об этом.

– Тут вот еще что, – продолжил Виктор, – чтобы уж ты понял все до конца. Мы с Юрием Евдокимовичем принадлежим поколению, которое первым получило бессмертие. Все, кто жил до нас, умерли, прожив до ста пятидесяти – двухсот лет. Это были наши отцы. Может

быть, поэтому все восстановители, как говорится, родом
из

нашего поколения. Конечно же, нам хотелось бы вернуть в первую очередь своих отцов, которые для нас уже, как бы растаяли в дымке времени, но теория доказывает, что людей нужно восстанавливать крупными, неразрывными массивами. С тобой же – это особый, экспериментальный, случай.

– Да ладно тебе, не обижайся, – сказал Юрий Евдокимович, приобняв Нефедова за плечи, – прости, что мы сразу тебе всего не объяснили.

63

– Давайте-ка перейдем к вещам более реальным, – предложил Виктор. – Нужно устранить твои сложности с языком. Толик, подай...

Толик вынул из кармана коричневую, бархатистую на вид коробочку и передал Виктору. Тот осторожно подцепил

из нее на палец какую-то маленькую черную точку.

– Это переводчик, – пояснил Виктор, – прилепи его внутрь ушной раковины. Выглядит он как маленькая родинка. Этот компьютер будет переводить слова, кото-
рых

нет в твоем словарном запасе. Он, кстати, переводит и с иностранных языков.

– А у нас пророчили, что языки и нации перемешаются.

– Пожалуй, это было самой великой чепухой, – сказал Виктор, прилепляя «родинку». – Так удобно? Зачем же их перемешивать? Перемешивать, значит, уничтожить самое уникальное и тонкое, что не укладывается в общие рамки. Позже мы возродим и все исчезнувшие языки. Вместе с людьми, разумеется. Пустот не должно быть ни в одной сфере. Пусть существует все, что может существовать безвредно. Хотя полезно и вредное сохранить. Почти каждый у нас владеет десятью-пятнадцатью языками, многие знают древнейшие языки, ну это так без помощи «родинок». Изучение научных работ или чтение литературных произведений в переводах – это признак крайнего дилетантизма, бескультурья. Многие, особенно те, кто относится к славянской ветви, знают «Слово о полку Игореве» и многие другие памятники этого пласта, которые были утрачены в ваше время, на языке оригинала.

Многие, так же на языке оригиналов, знают и «Библию», и «Коран». Ну, а нюансы языков, относящиеся к каким-то переходным фазам, скажем, языка твоего двадцатого века,

знают только специалисты. А твой язык, чего доброго, так, кроме нас троих, больше никто и не знает.

– Мида знает, – сказал Нефедов, – и, кстати, очень хорошо о нем отзывается.

– Какая Мида? – удивился Юрий Евдокимович.

– Да из четвертой техгруппы, веснушчатая такая, – подсказал Толик, – сегодня они на зарядке познакомились.

– Она знает твой язык? – удивился Юрий Евдокимович,

– Любопытно. Их задача не требовала этого. Вот молодчина...

Минут через десять завтрак был окончен.

– Ну, все, спасибо за чай, – сказал Юрий Евдокимович, отставляя пустую чашку. – Чай был прекрасен. Хотя, отчего

у него какой-то странный привкус?

– Так вода-то с хлоркой.

– С хлоркой? Н-да... Тебе это тоже не нравится?

– А вам как? Понравилось?

– Все ясно, эту излишнюю точность восстановления лучше устранить... Толик...

– Я уловил, – сказал Толик.

– А вообще-то, – уже поднимаясь из-за стола, заключил Юрий Евдокимович, – в такой квартире и для нас есть что-

то уютное.

Все поднялись, повернулись, чтобы выйти из кухни и здесь, неожиданно вздрогнул и мягко заработал холодильник. Восстановители замерли на месте. Нефедов видел лишь лицо Толика и был потрясен тем, что его лицо

вдруг побледнело.

– Что это? – спросил Виктор, – повернув к Василию Семеновичу такое же испуганное лицо.

– Как что? – в свою очередь удивился Нефедов. – Обычный холодильник. Вы что не знаете?

– Знаем, – сказал старший восстановитель, – знаем и то, что он должен охлаждать и даже замораживать продукты. У нас такого оборудования нет, потому что мы продукты

не

храним. Но что это с ним? Это не опасно?

Василий Семенович не знал что делать – засмеяться над ними или что? И это специалисты по двадцатому веку!

65

– Ничего с ним не происходит. Он так и работает. Это нормально. У некоторых так он вообще ходуном ходит... Их конфуз было даже неприятно видеть. Покраснев, они прятали глаза не только от него, но и друг от друга.

– Ну, вот, – пробормотал Виктор, – как я и говорил, предметы восстанавливаем, а в деле их не видим.

Понимаешь, дружище, – наконец, повернувшись к Нефедову, с неловкостью продолжил он, – теперь все оборудование бесшумно. Бывает, что некоторой действующей аппаратуре, чтобы отличать ее от недействующей, мы специально придаем какой-нибудь приятный звуковой тон. Ну, а вот это... Это явный при-

знак

близкой серьезной аварии.

– Да нет, все нормально, – заверил Нефедов.

Виктор и Юрий Евдокимович вышли в коридор, и Нефедов услышал, как Виктор начала объяснять своему шефу другому устройству холодильника и принцип, по которому он работает. Объясняя, он все время делал паузы,

вспоминая необходимые термины, для описания принципа действия электродвигателя.

– У нас ведь теперь все иначе, – сказал Толик Нефедову, – у нас давно уже нет ни паровых двигателей, ни двигателей внутреннего сгорания, ни реактивных двигателей, ни электродвигателей.

– Но что же у вас тогда есть? – даже с некоторой обидой удивился Василий Семенович.

– Да много чего, – сказал Толик, он, видимо, хотел добавить что-то по поводу двигателей, от которых они давным-давно отказались, но побоялся еще больше обидеть Нефедова, и смолчал.

Уже на пороге он остановился и беспокожно оглянулся в комнату.

– Так он что, так и будет работать?

– Да не беспокойся ты, – сказал Василий Семенович, – он годами так молотит. Я ж говорю, все нормально.

– Ну, хорошо, – согласился Толик, – надо предупредить ребят в лаборатории, – обратился он уже к остальным восстановителям, поджидающим их в предбаннике, – чтобы они не волновались, если вдруг обнаружат или уже обнаружили

какой-то

неизвестный

объект

электромагнитного излучения. Хотя... – вдруг улыбнувшись, сказал он, в предвкушении розыгрыша потер ладони, – ничего не нужно говорить. Сейчас я загадаю им загадку. Век не разгадают.

– Снова шуточки, – неодобрительно пробормотал его отец.

– А что? Я ничего? – сказал Толик, тут же приняв совершенно невинный вид.

«Вот так-так, – подумал Нефедов, – а я ведь им тут мешаю. И угораздило меня с этим холодильником».

– Давайте, я вернусь и выключу, – предложил Василий Семенович.

– Да ты что! Ни в коем случае! – сказал Толик и даже схватил его за плечи, направляя к лифту. – Подумаешь холодильник. Пусть себе работает...

10. ЭНЕРГОВОЛНА

Толик и Виктор остались в лаборатории, а Василий Семенович и старший восстановитель спустились вниз. Теперь все реплики прохожих на улице были Нефедову понятны. Переводчик, работал так, что все вполне синхронно и даже тем же тоном говорили на его языке.

– Откуда же этот переводчик питается? –

поинтересовался он.

– Из воздуха, – просто сообщил Юрий Евдокимович и засмеялся над недоверчивым выражением на лице Нефедова. – Теперь уж я буду тебя удивлять. Ну, надо же...

– сказал он, снова со вздохом, вспомнив конфуз в квартире.

– Твои современники сказали бы про нас, что мы

67

опозорились. Так оно и есть. Ну, да что ж, теперь... Так вот о питании. Все от светильников до леттрамов и каботажных космолетов питается сейчас как бы из воздуха. Вы такой энергии не знали. Ее можно предста-

вить

в виде некой эфирной радиоволны, только это энерговолна.

Она была не изобретена, а открыта, потому что существовала всегда. Сейчас появились догадки, что она обладает некими фиксационными свойствами и на ней

(даже без всяких наших восстановительных усилий) уже записано все, как ты говорил, с точностью паутинки и листка. Кстати, если это подтвердится, и мы найдем ключ

к

прочтению этой записи, то процесс восстановления может ускориться. Хотя необходимости в этом нет: все равно земель обитания у нас еще мало. Да и с готовыми землями еще не все гладко. Тридцать с лишним лет назад у нас бы-

ла

великая катастрофа: погибло все население планеты Гея. Но об этом потом. А что касается энерговолны, то, по всей видимости, она подзаряжается Солнцем. Ну, а мы научились подпитывать ее при помощи атомных энергостанций, молний и прочих источников.

– Но она не опасна? – спросил Нефедов. – Стукнуть от нее не может?

– Может, но через какой-либо преобразователь-потребитель. Через тот же светильник, например.

Потребители легко настраиваются на энерговолну, а для живого она не заметна, потому что по своей природе не похожа даже на радиоволну и находится, можно сказать, в другом измерении. О том, что пространство куда сложнее, чем предполагалось, я уже говорил. Лет триста назад у нас был открыт и своеобразный телепатический канал, который легко проводит любые послания. Правда, как я уже говорил, пользование телепатией, особенно для

считывания мыслей аморально, и этим почти никто не пользуется. УП для передачи информации куда эффективней. Он, кстати, тоже питается от энергиволны.

68

День был жаркий, и от влаги после дождя, долго сохраняющейся в бурной зелени, парило.

– Давай-ка, попьем, – предложил Юрий Евдокимович, когда они проходили мимо яркого автомата с тремя десятками кнопок с символами различных ягод и фруктов.

Сам он выбрал себе сок какого-то экзотического фрукта, а Нефедов, не желая рисковать, выбрал яблочный сок.

– А что это у вас бесплатно? – спросил он.

Юрий Евдокимович склонился было над стаканом, поданным ему автоматом, но остановился и некоторое время недоуменно смотрел на Нефедова. Василий Семенович, глядя на изумленного гида, на его нос с мелкими капельками испарины, уже понял неуместность вопроса и засмеялся над его замешательством.

– Ну, конечно, бесплатно, – отпив глоток и сообразив, наконец, о чем вопрос, ответил Юрий Евдокимович.

– Так у вас что, коммунизм, да?

– Да нет, коммунизм-то, кажется, уже прошел, – неуверенно ответил Юрий Евдокимович. – Надо Толика спросить, он лучше знает. А, кстати, и в самом деле, что у нас сейчас? Наверное, ничего нет. У нас же везде одно и то

же: сравнивать не с чем. Это вы были сильны в определении строя. И слова «строй» у нас в том, вашем значении, нет. Ну, вот когда все имеют все – это что? – Коммунизм, конечно, – сказал Нефедов, даже чуть обиженный за свое время.

– Короче, тут я тебе не помощник, – сказал Юрий Евдокимович. – Слышал, правда, как-то мельком мысль, что, коммунизм, мол, был бы не плох, если бы его не строили специально. Что, в этом специальном усилении бы-

ла

одна из великих трагедий истории... Да ты не сердись, я, конечно, специалист по двадцатому веку, но в иной сфере

и

такими тонкостями не интересовался. Ну, что? Еще по стакану?

69

Сок, выпитый Нефедовым, был какого-то изысканного вкуса, если изысканным может быть просто яблочный сок. Видимо, это были яблоки неизвестного, ароматического сорта. Нефедов был бы не прочь и повторить, но из гордости и некоторой обиды отказался.

Прошагав метров сто, они вошли внутрь оранжевого сооружения, распахнувшего перед ними двери. Здесь бы-

ли

только лифты. Юрий Евдокимович объяснил, что это вход не только в один из филиалов банка памяти, но и на

фабрики, заводы, энергостанции, находящиеся куда глубже.

Все эти предприятия работают в автоматическом режиме, и

люди опускаются туда лишь в особо сложных случаях.

– Глубже всего у нас атомные станции, – сказал он. –

Когда-то от атомной энергии пытались отказаться, но потом был найден безопасный способ переработки атомного топлива, очень условно называемый «холодной возгонкой».

Столбик указателей в этом лифте располагался в несколько рядов. Юрий Евдокимович прикоснулся к указателю, расположенному примерно в конце первого столбика, пояснив, что им надо опуститься на девятьсот восемьдесят метров. Пока Нефедов пытался вообразить эти метры, мысленно ставя на попа почти километровое расстояние, двери лифта перед ними открылись, и они вышли в ярко освещенный зал, от которого лучами в разные стороны уходили коридоры. Около лифтов стояли маленькие автобусики, но опустившимся было недалеко,

и они решили пройтись. Свет от невидимых источников сопровождал их по коридору, загораясь впереди и, потухая

сзади, причем, стоило им посмотреть далеко вперед или оглянуться, свет появлялся и там. Для его включения

хватало усилия взгляда. В стенах коридора встречались высокие двери с какими-то обозначениями.

– Здесь всюду элементы банка памяти, – пояснил Юрий Евдокимович, – но сначала навестим наших ребят из 70

технической группы, которые тоже корпели над твоим воскрешением. Вообще они работают наверху, но сегодня у них тут что-то вроде профилактического осмотра. Когда они узнали, что мы придем сюда, то попросили о встрече. Так что подтянись.

11. МИЛЛИОНЫ НЕВИДИМЫХ

В подземной лаборатории было девять сотрудников, одетых в свежие оранжевые комбинезоны, которые, казалось, уже из-за самого цвета должны были пахнуть апельсинами. Они сразу же обступили Нефедова, и букет благоухающих роз преподнесла ему взволнованная Мида.

– Молодцы, молодцы, – похвалил их старший восстановитель, – мы-то встретили его куда суше.

Было много смеха и шуток. Василия Семеновича обнимали, шутливо дотрагивались до него, делая вид, что не до конца верят в его реальность. Никакого языкового барьера тут не было, потому что все они были заранее вооружены переводчиками-«родинками». Нефедову было неловко оттого, что лично его-то заслуги в успехе этого эксперимента не было: он сам по себе был этим успехом. Мида не сводила с него глаз, и Нефедов волей-неволей

убеждался, что намеки Толика о ее влюбленности были, кажется, не безосновательны. Только этого ему тут не хватало.

Когда визит был закончен, они с Юрием Евдокимовичем вышли в коридор.

– А теперь о главном, – с торжественным волнением заговорил старший восстановитель.

Войдя в следующие двери, они оказались в объемном зале, похожем на заводской цех, все пространство которо-

го

было заставлено кристаллическими гранеными колоннами.

Колонны переливались радужными бликами и были испещрены мельчайшими трещинками– Волосками.

71

– Во! – сам же и восхитился Юрий Евдокимович. – Сокровищница! Подземное царство!

Они устроились на мягком диване около двери.

– Итак, – воодушевлено, словно перед чтением поэмы, продолжил старший восстановитель, – структура банка такова: одна такая колонна, или по-нашему просто «столб»,

содержит информацию, равную, примерно, всему напечатанному в двадцатом веке. Я имею в виду все книги,

газеты, рукописи и вообще все, что было на бумаге на

языках народов всего мира. Таких столбов в этом зале девяносто штук. Этот филиал состоит из ста пятидесяти таких залов. А всего на Земле более сотни таких, связанных в единую систему, филиалов. И в этом мозге все, все, все созданное до нас: художественные произведения, научные разработки, вся историческая информация и самое главное, в нем почти полная информация о каждом человеке, когда-либо жившем на планете. Нам необходимо, чтобы каждый человек был восстановлен вначале полностью, но без материального воплощения. Теперь одно уточнение. До сих пор под полным человечеством мы подразумевали лишь тех, кто жили и живут. И это не верно. Веками о родившемся говорят, что ему выпал шанс из миллионов, что, мол, вместо него мог бы родиться кто-нибудь другой. Так вот в полном человечестве должны присутствовать и все те миллионы, которые **могли бы** родиться. Человечество должно быть воплощено во всей его полноте, какая определена ему природой, со стопроцентным составом всех генетических вариантов. Примерно двести лет тому назад нам теоретически удалось создать полную генетическую решетку всего возможного человечества. Когда мы разместили в этой сетке (чисто теоретически, конечно) людей, которые уже живут и жили, то оказалось, что они удалены друг от друга, примерно так же, звезды на небе. Однако же, эта решетка позволила нам понять

каких именно людей, с какими генетическими «лицами»

не

достаёт в человечестве. Говорят, что лишь сам Создатель знает полное число человечества, но теперь оно известно

и

нам. Число это поистине астрономическое. Но почему волей случая кто-то живёт, а кто-то остаётся нереализованным? Один из наших философов сказал, что человечество – это Человек, распластанный на тысячелетиях. Пока что большинство его клеток мертвы, но когда все они будут оживлены, то тогда Человек поднимется, что и ознаменует новое состояние человечества: Человек Идущий.

– А куда идущий?

– В глубины космоса, конечно. Десятки наших миллионных космогородов в окрестностях Земли, деся-

ток

искусственных планет – это пока лишь робкие шажки. Главный признак цивилизации – это плотность общечеловеческого организма, полнота освоенности всех сфер жизни и всех структур пространства. Когда не станет пустот, тогда человечество превратится в единый творческий мозг. И у этого мозга, представь себе, возможно единое, цельное самоосознание, такое же «Я», какое может быть у отдельного человека. И сила этого

мозга будет колоссальной! Это будет то, что можно будет назвать «мозгом космоса». В твоё время философы утверждали, что на Земле не исчезает ничто: ни мельчайшее дело, ни взгляд, ни поступок, ни мысль. Но это было скорее декларацией, предположением, чем истиной, потому что у вас-то всё исчезало. А исчезало, потому что в твоём времени не находилось всеобщей свя-

зи

всего со всем: одного дела с делом другого, слова одного человека со словом другого. В новом состоянии человечества будут задействованы все способности и таланты каждого. Какой мощный нереализованный творческий и духовный потенциал исчез с ушедшими! Вспомни-ка безликие массы рабов, массы крестьян, мас-

сы

73

солдат... Неужели их природная данность могла реализоваться лишь их примитивным ремеслом? А зале-

жи

миллионов ущербных, недоразвитых, олигофренов? Эти люди не реализовались лишь в силу каких-то мелких аномалий.

Глядя на эти столпы с массой знаний, Нефедов отвлекся, вспомнив вдруг одно своё прежнее недоумение. Прежде, слыша о каких-нибудь тонких и сложных науках, вроде реставрации древних языков, он недоумевал – зачем все

это

нужно? И вот, оказывается, после всех его недоумений люди еще сотни и тысячи лет изучали и реставрировали и эти языки, и еще многое другое, чтобы слить потом все

это

с цельным единым знанием о человечестве.

– Да, да, – сказал он, возвращаясь к теме, – такое число воскрешенных и просто вытщенных из небытия даже представить нельзя.

– Ну и что? А число десять ты представляешь? Ты видишь его внутренним взглядом?

– Вижу.

– А миллион?

– Пожалуй, нет. . Это уже как облако.

– А между тем, уже в твоё время жили миллиарды людей. Ты и тогда не представлял, сколько это есть. Так почему же нас должна смущать невоображаемость цифр? Всех когда-либо живших мы восстановим, а остальных, заполняющих все генетические варианты, мы должны будем просто по-человечески родить, чтобы им был при-

дан

конкретный облик. О месте можно не беспокоиться, потому что пространство и впрямь бесконечно. А вот рожать-то стали совсем редко. Ты заметил как мало на улице детей? Знаешь, как бывает: говорим, говорим, а как до дела, так и в кусты. – Юрий Евдокимович засмеялся

неловкой двусмысленности фразы и продолжил. – Увы, эгоизм, эгоизм... Если у тебя складывается розовое представление о нашей цивилизации, то ты ошибаешься.

У

74

нас есть и убийцы, и самоубийцы. Конечно, все это бывает редко и в основном по несчастью. На преступления у нас идут лишь тот, кто иного выхода просто не видит, кто уже по какой-то причине не может с собой совладать, кто не может не пойти на это, зная, что преступление тут же раскроется, ведь в нашей действительности все очень плотно увязано одно с другим. Бывает, что сейчас гибнут от любви и ревности.

– Все это, конечно, не то, – сказал Нефедов, – с нашим временем это не сравнить. То-то и интересно, как же после

воскрешения

уживутся грабители и ограбленные, убийцы

и

убитые?

– Бессмертие помирит всех. Вечность и ненависть – понятия несовместимые. Бессмертие вообще меняет взгляды на многое. Ну вот, например, что такое память о себе? Память нужна смертным, когда они хотят что-ни-

будь

оставить о себе или помнить о ком-то. А если все бессмертны? Если реально существуешь и ты, и те о ком

ты хотел бы помнить? Зачем их помнить, если они есть? И если любой эпизод прошлого тебе куда достоверней воспроизведет не память, а тот же наш примитивный УП или нечто другое, что будет изобретено после УПа?

– Н-да, – только и протянул Василий Семенович. – А как вы все-таки поступаете с убийцам?

– Лечим. Ведь это же патология. Но об этом мы можем поговорить и на солнышке. А здесь мы не за тем. – Юрий Евдокимович снова начал загораться. – Не буду рассказывать, как мы крупницу по крупнице копим про-

шное,

просто покажу, что из этого выходит. В твое время этот банк памяти могли бы назвать машиной времени, ведь она легко перенесет тебя в любой день прошлого.

12. ПРОГУЛКА У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

75

С помощью УПа, как пояснил Юрий Евдокимович, можно вызывать любые картины, находясь где угодно, и что здесь он демонстрирует их лишь для того, что бы чи-

сто

наглядней продемонстрировать связь этих картин с их источником, то есть, это все равно, если бы он включил радиоприемник, находясь рядом с радиопередатчиком.

– Какое время ты хотел бы увидеть? – спросил старший восстановитель, – задай параметры.

– Ну, хорошо, – сказал Василий Семенович, прикрыв

глаза, чтобы сосредоточиться, – пусть будет одна тысяча девятьсот семьдесят седьмой год... четырнадцатое января,

скажем... пять часов вечера... Москва... сквер у памятника

Пушкину.

– Подожди, – сказал Юрий Евдокимович, положив УП перед собой на столик, – я сейчас лишь мысленно повторю это про себя... Что ж, пожалуйста...

Будь возникшее перед Нефедовым так же фантастично, как картина, виденная утром в «предбаннике», то это потрясло бы его не так, чем та совершенно обыденная панорама, когда сквозь потолок и километровую толщу земли прорвалось седое, зимнее небо и они оба, сидящие на диване, оказались перед памятником Пушкину. Мимо них по распичканному снегу шли люди, словно из воздуха возникающие по мере приближения к их сектору и так же медленно растворяющиеся дальше. Недалеко от памятника, сидели ребята с букетиками в блестящих бумажках, на другой скамейке уж как-то намеренно напоз

курили девушки. Потрясенный Нефедов не находил слов для выражения нахлынувшего, а на лице Юрий Евдокимовича было недоумение.

– Ах, да! – спохватившись, воскликнул он. – Звук!

Эффект был похож на внезапное распахивание окна во

всю величину сектора в сто восемьдесят градусов. До этого все происходящее было только зримо, и вдруг широкой волной плеснул гул улицы: реплики людей, шум

76

«Жигулей», грузовиков, мощных рефрижераторов с надписью «молоко» на белых, боках забрызганных грязью провинциального Подмосковья. Но и это было не все: наблюдателей обдало бензинной атмосферой и запахом волглого воздуха вялой московской зимы.

– Все это не заснято и не срежиссировано, – сказал Юрий Евдокимович, – это даже не документ – это реальность тех минут и того места. Нам известно почти

все

и об этой минуте, и обо всех людях, которых ты видишь там лишь мелькнувшими прохожими. Конечно, от них

уже

давным-давно не осталось и следа, не осталось и всех забот, написанных на их лицах, но для нас все это словно бы реально. Кстати, можешь пройти там, если хочешь. Нефедов поднялся и ступил в сектор. Снег шуршал под ногами прохожих, но своими ногами он, ясно видя снег, ощущал все же твердый, мраморный пол зала. Все видимое им, нельзя было назвать даже объемным, потому что оно было более чем объемно. Предметность окружающего была такова, что, оглянувшись, Нефедов даже не увидел за прохожими сидящего на диване

старшего восстановителя. Огорошенный этим фокусом, Василий Семенович некоторое время простоял, уставясь в сторону дивана. Недоумение добавилось еще и от легкого пара, вылетающего изо рта и от того, что в своей летней рубашке он начал застывать на холодной улице. Тут он должен был отскочить в сторону, чтобы пропустить студента с дипломатом, бежавшего прямо на него.

– Да ты можешь не отпрыгивать, – невольно засмеявшись над его финтом, сказал Юрий Евдокимович, который, поднявшись на ноги, уже высматривал его по-

верх

голов прохожих, – пока это лишь призраки.

Василий Семенович тут же намеренно заслонил путь мужчине плотного сложения и тот вместо того, чтобы сбить его с ног, словно прошел насквозь. Обернувшись, Василий Семенович увидел уже удаляющуюся спину

77

прохожего. Переведя дух от неожиданного эффекта, Нефедов захотел пройти до входа в метро.

– Стоп, стоп! – тут же предупредил Юрий Евдокимович. – туда не ходи.

Но этот запрет вдруг подстегнул Василия Семеновича – ага, возможно, там-то и осталось что-то, неподвластное их восстановлению. Он ускорил шаг, и уже само это стремление мгновенно родило сумасшедшую идею не только дойти до перехода, но опуститься до поездов и

мотануть куда-нибудь... А что если подняться из метро на соседней станции, сесть на автобус, потом на самолет и долететь до своего города? Вдруг удастся хотя бы на время скрыться в этом тысяча девятьсот семьдесят седьмом го-

ду:

пусть поищут. . Все это мелькнуло как сон, как мгновенная

фантазия: до какого города и откуда он хотел долететь? Но вдруг все исчезло: не стало ни холода, ни шума, ни людей. И только прямо перед носом массивный, исчерканный серебристыми нитями сверкающий столб. Нефедов даже протянул руку и тронул кончиками пальцев его холодную блестящую поверхность.

– Что, твердый, да? – с иронической улыбкой осведомился Юрий Евдокимович, с УПом в руке. – Ты,

что

хотел его лбом попробовать? Я же кричал – не ходи!

– Мне было интересно, есть ли в переходе ступеньки, – сконфуженно пробормотал Нефедов.

– А у вас были лестницы без ступенек? – сдерживая улыбку, спросил старший восстановитель. – Конечно же, все там есть: и ступеньки, и эскалатор, и поезда. Только перемещаться надо при помощи УПа: он сам придвинет к тебе все, что угодно. Так на какую станцию ты хотел?

– Нет уж, хватит, – сказал Нефедов, возвращаясь к дивану, – давай что-нибудь другое.

– Что-нибудь из твоей жизни? Вот об этом мы знаем все досконально. Какой день, какие минуты ты хотел бы видеть?

78

– Даже не знаю. Пусть, последний день, когда я был дома.

13. ОДИНОЧЕСТВО?!

Они сидели на том же диване, и перед ними возник кабинет Нефедова, в который они смотрели словно бы со стороны открытой стены. Человека, сидящего за столом, Нефедов и узнал и не узнал. Это был он сам – старый, рыхлый, седой. Как легко и успешно принималось им обновление, если свой недавний старческий вид уже удивлял. Старик за столом одной рукой перелистывал страницы рукописи, а другой слабо массировал левую сторону груди.

– Да, да, – подтвердил Василий Семенович, – сердце у меня побаливало тогда с самого утра. А это уже вечер...

– Это, когда ты ушел к себе, оставив гостей за столом, – уточнил старший восстановитель, – мы их можем увидеть сейчас в гостиной.

В это время старик в кабинете приподнялся из-за стола и придавлено, испуганно крикнул: «Сережа!» В кабинет сначала осторожно заглянул, но потом, увидев странный вид отца, стремительно ворвался сын. Он был в голубой рубашке и в галстукe с расслабленным узлом. Из откры-

той

двери слышалась какая-то популярная песенка: там работал телевизор. «Мне плохо. Скорую!» – задыхаясь, сказал «тот» Нефедов. Сын уложил его на тахту и бросил-

ся

к телефону. Пальцы сына дрожали, и простой номер скорой помощи он набрал лишь со второй попытки. – У телефона очень тугой диск, – оправдывая сына, сказал Нефедов, – но, может быть, хватит? Не могу об этом. Я хотел бы заглянуть в то время, где была живой Сашенька.

79

Новая картина возникла так же скоро, хотя тут-то Нефедов был бы не прочь и передохнуть, чтобы подготовиться к такой встрече.

Теперь перед ним была кухня, в которой сегодня утром он завтракал с восстановителями. Но только теперь у мойки в своем домашнем ситцевом переднике стояла Сашенька и потрясающе привычно чистила картошку. Неизвестно, что это был за год: пожалуй, Сашеньке не было здесь и пятидесяти. Сердце Нефедова пошатнуло волнистым теплом. Он поднялся, ступил на кухню. Осторожно, не сводя глаз с жены (заметит или нет?) подошел вплотную. Она совершенно реальная, видимая

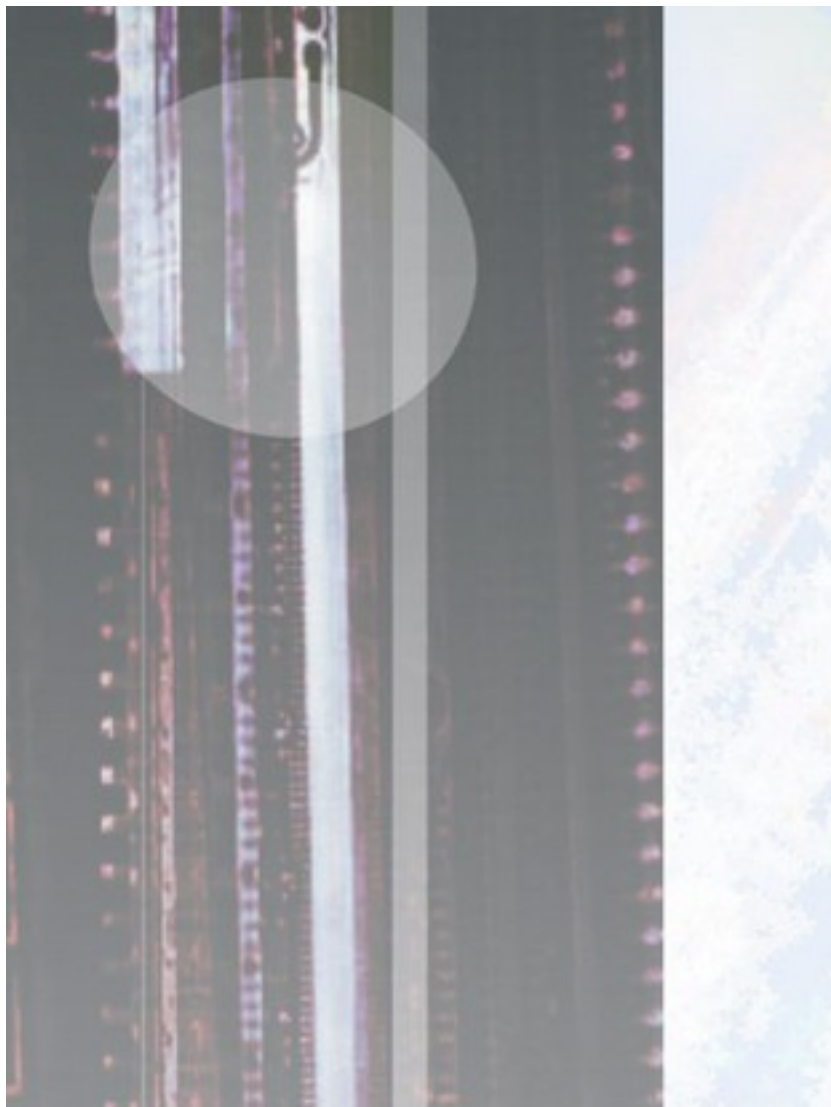
до

каждой пряди закрывающей лицо, до каждого

серебристого волоска в этой пряди, до каждой реснички, была совсем рядом. Нефедов нагнулся к ней и вдруг ощутил особенный запах ее волос, которого не знал уже столько лет, но который иногда словно вспыхивал в нем. Этим запахом была осенена вся его жизнь, а теперь этот запах и вовсе был воплощением всей его жизни.

– Сашенька, – тихо, с подступившими слезами, позвал Нефедов.

Не слышать его в такой близости она просто не могла. И все-таки не слышала. Из-под ножа, тонко отточенного Нефедовым на оселке, распускалась длинная лента кожуры. Для кого она чистит сейчас свою картошку?!

Василий Семенович прикоснулся к ее локтю и тут же отдернул руку: локтя просто не было. Не поверив в это, он тут же обеими руками попытался осторожно, словно песочную, взять ее за плечи, но там вообще ничего не было кроме пустой, хотя и вполне предметной иллюзии.

Нефедов остолбенел. Одно дело, когда такая иллюзия: московский прохожий и другое, когда родной человек...

Растерянный Нефедов продолжал стоять рядом с ней.

Жена, собрав все очистки, бросила их в ведро под мойкой, стала наливать воду в кастрюльку и вдруг, кажется, от то-

го,

что шум воды напомнил ей о возможности звуков, что-то тихонько запела. Нефедову показалось, что его новое, сильное сердце вот-вот сорвется от такой нагрузки.

Совершенно обессиленный он вышел из кухни и как-то боком, вяло опустился на диван.

– Не думал, что ты будешь так переживать, – сочувственно и даже виновато сказал Юрий Евдокимович.

– Ты же понимаешь, что там ничего не было... Только

видимость одна...

– Да понимаю я, понимаю! – с отчаянием проговорил Нефедов, закрыв лицо ладонями.

Приходя в себя, он с минуту просидел неподвижно.

Юрий Евдокимович не тревожил его.

– Прости, пожалуйста, меня за слабость, – снова заговорил Василий Семенович, – но ведь она, как живая...

– В том-то и дело, что «как». Удивительно, что, обретя бессмертие, ты продолжаешь жить чувствами жизни, в которой была смерть. Тебя почему-то не утешает мысль, что все потом будет.

– Ты прав, – успокаиваясь, согласился Нефедов, – надо как-то перестроить себя, но если б ты знал, какое одиночество я здесь чувствую.

– Одиночество? – даже с некоторой обидой переспросил Юрий Евдокимович.

82

– Нет, вы, конечно, хорошие люди. Вы, как боги, сделали для меня нечто сверхвозможное, но мое одиночество в разрыве связей с другими людьми. И даже та истина, что смерти нет, для меня вроде бы и не истина, ведь я не могу разделить ее с тем, с кем единственно я соотносим.

Старший восстановитель слушал, грустно покачивая головой.

– И все же человек, личность – это чудо необъяснимое, – проговорил он, будто сам для себя. – Ты ведь, можно сказать, был просеян нами на атомарном сите. Ради любопытства мы даже прогнозировали твое поведение, мысли, чувства и все выходило, как нам казалось, достоверно. А ты вдруг зажил совершенно непредсказуемо...

– Ну, что я поделаю с собой, – пожав плечами, сказал Нефедов.

Юрий Евдокимович, растрогавшись его неуместной виноватостью, ободряюще хлопнул по плечу и поднялся.

– Ну, все! На сегодня хватит, – подвел он итог. – Пообедаем и отдыхать. Я тебя понимаю. Это синдром адаптации. После откочки возраста нечто похожее бывает

и

с нами. А у тебя это, конечно, потяжелее.

Вернувшись домой, Василий Семенович весь остаток дня провел в кабинете, листая собственные книги, просматривая неоконченную рукопись романа. Конечно, новый мир был прекрасен, и Нефедову хотелось понять отразилась ли искра его прошлой мизерной жизни на что-нибудь в этом мире. Любопытно было беспристрастно взглянуть теперь на свою давно отшумевшую жизнь. Когда на город опустились теплые, уютные сумерки, он устроился у телевизора и стал смотреть программу очередного дня своего времени, как бы продолжая жить

там. По программе начинался какой-то многосерийный фильм и Василий Семенович, игнорировавший обычно

83

длинные фильмы, теперь обрадовался ему, как некому стержню своего времени в несколько дней. Читая титры, он с особым удовольствием обнаруживал имена знакомых актеров. Он уже увлекся действием, полностью уйдя в

свое

время, как вдруг зазвонил телефон. Нефедов заполошно, ничего не соображая, бросился в кабинет, схватил трубку

и

потом, слушая то, что ему говорили, еще целую минуту не мог сообразить, из какого времени ему говорят.

– Добрый вечер, Василий Семенович, – звучал там приятный женский голос. – Простите за беспокойство. Я узнала, как с вами связаться, и уже не удержалась, чтобы

не

позвонить. Не сердитесь, что я так сбивчиво тараторю. Я очень волнуюсь. Вы можете со мной поговорить?

Нефедов с трудом догадался, что это Мида.

– Могу, – ответил он, как-то не очень все это понимая, – но о чем?

– Да о чем угодно... Знали б вы, как я ждала вашего воскрешения. Уверяю вас, никто на планете не ждал этого так, как я. Я вас изучила – вы такой замечательный. И чтобы вы не терялись в догадках, почему я вам звоню, я

должна сразу же сказать главное... Впрочем, многое я уже сказала... вот. . Вы еще не заметили, что я призналась вам

В

любви?

– Кажется, заметил, – растерянно промямлил Нефедов, – но как же вас угораздило?

– Не знаю. Видимо, это происходит само собой. Я так много думала о вас, о том, как вы будете здесь жить, о том, как вам станет одиноко. Да, я знаю, что у вас есть семья.

Но ведь вам ждать ее сотни лет. По вашим меркам это несколько отдельных жизней. Я просто не знала, как вам помочь. Я поняла лишь одно: здесь вас кто-то должен поддержать. Поддержать заботой, лаской, любовью...

– Хорошая ты моя, – растроганно сказал Нефедов, – спасибо тебе за добрые слова. Но ты мне ничем не

84

поможешь. Моим другом, близким другом быть невозможно. Ведь я из такого далека...

– Ну и что? Ваш век был замечательным, хотя в нем было много жестокости. Но я бы с удовольствием согласилась в нем пожить.

– Пожить ради развлечения, – заметил Нефедов, – пожить, зная, что в любом случае все окончится бессмертием... А в наше время умирали навсегда. Все-

рьез

навсегда, понимаете!? Знаете как мне жалко сейчас людей

моего времени, которые были такими беспомощными перед временем, которые трепетали от сознания неминуемого конца. Вообразите-ка себе такое реально, да почувствуйте судорогу, сжимающую сердце.

– И все равно я бы согласилась. Согласилась знать, что конец абсолютен.

– Стопроцентного знания уже не получилось бы, – ответил Нефедов. – Вы просто очень романтическая девушка.

– Можете надо мной смеяться, – взволнованно продолжала Мида, – но я думаю, что вы суждены мне всем существованием человечества!

– Господи, – сказал Нефедов, чтобы хоть как-то охладить ее, – Такая высокопарность в ваше такое техническое время ...

– Здесь нет ничего высокопарного! Просто вы еще не знаете, что самая большая боль и проблема нашего общества – это одиночество. Помните ли вы ту древнюю легенду о том, что когда-то мужчина и женщина были единым целым, но потом рассерженный Господь разделил их на половинки и разбросал по свету, чтобы они вечно искали друг друга? Сейчас нас уже десятки, если не сотни миллиардов, у нас действуют такие информационные системы, которые подскажут только что родившемуся человеку кто его половинка и где она находится: среди уже живущих, среди тех, кого еще предстоит восстановить или

среди тех, кто еще не родился. Но, увы, пока что таких совпадений ничтожно мало. Совпадения будут массовы-

ми

лишь в полном человечестве. Но на примере этих немногих совпадений мы уже знаем, что когда эти «половинки» встречаются, то происходит нечто необычное: они и впрямь становятся единым целым.

Боюсь, что в ваше время люди еще не испытывали такого. Не обижайтесь, но все выдающиеся произведения вашего времени о небывалой любви были на самом деле лишь мечтами, сказками об этом великом чувстве. В действительности же, соединившиеся половинки начина-

ют

жить необычно: они даже физически благотворно влияют друг на друга. Одно прикосновение, одно объятие «половинки», освобождают и от недомогания и от любой хандры. «Половинки» могут жить одной жизнью, как бы увеличивая собой жизнь другого.

Мида говорила вздохом, и Нефедов заворожено слушал это необычное продолжение древней легенды, в которой, возможно, и вправду, не все было лишь легендой. Ведь все это легко перекликалось с тем, о чем говорил сегодня Юрий Евдокимович. Так, может быть, перед тем как стать единым космическим мозгом, человечеству суждено соединиться вначале на уровне «половинок»?

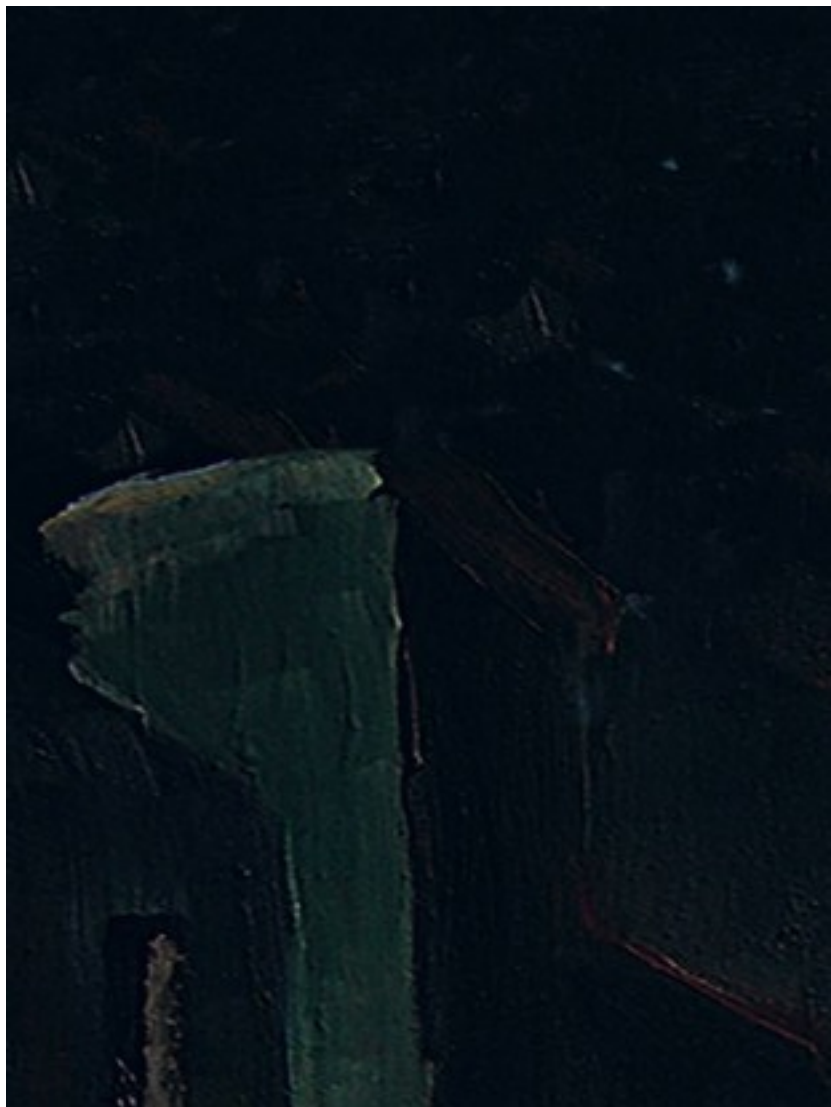

– Послушайте, Мида, – сказал Василий Семенович, – возможно, что все, о чем вы говорите – это правда, но простите, при чем здесь я?

– Так ведь вы-то и есть моя половинка, – напрямую выпалила девушка. – При помощи УПа вы можете легко отыскать в информационном поле раздел, который покажет

вам вашу истинную половинку и подскажет, где она находится – это дано знать каждому. Я не знаю во благо это

создано или во зло. Может быть, во благо, потому что человек, зная, что его половинка не среди живущих, будет каждым своим шагом стремиться к тому, чтобы ускорить полное восстановление. А, может быть, во зло, потому что

человек, живущий с кем-то и знающий, что истинная его половинка кто-то, уже проживший или еще не родившийся, становится неуверенным в сегодняшней жизни. Потому-то многие из молодежи игнорируют эту информацию и живут не ожиданием, а тем днем, в котором

находятся и тем человеком, который рядом. Так же поступаю и я. Мне кажется, куда человечней почувствовать свою половинку вот так, как это сейчас у меня: одной душой... Но вы можете проверить и убедиться. Ожидая вас, я написала вам

массу писем. Написала ручкой на бумаге, так как это делали

в ваше время. У меня даже выработался почерк, ведь ручкой

у нас давно не пишут. Я написала вам не только на русском,

но и на французском, на английском, на испанском языках,

ведь разные языки несут разные оттенки чувства.

– Бог ты мой! – воскликнул Нефедов. – Как бы я их читал?

Потом, положив трубку, Василий Семенович ощутил

даже усталость от этого неожиданного разговора. «Надо ж было такому случиться», – с грустью думал он, еще некоторое время, застыло сидя у телефона. Да, Мида красивая, милая девушка и хорошо угадала состояние его души, но со своей романтичностью и двадцатью с небольшим годами жизни, она была паутинкой, а он был многовековой скалой. И этим все сказано. Да и мог ли он отречься от Сашеньки, которую видел сегодня такой живой. А ее запах... После экскурсии в банк памяти Нефедов всеми силами старался не вспоминать об этом, потому что это выбивало его из колеи, но после разговора с Мидой уже не мог уйти от этого. Он выключил телевизор, раскрыл альбом с фотографиями... Кощунственно было думать, но все-таки, если вероятность совпадения половинок так мала, то наверня-

ка,

они с Сашенькой не могли быть такими половинками: глупо было предположить, что для всеобщего, как он теперь понимал, общечеловеческого совпадения, могло хватить их случайного заводского знакомства. Но узнать сейчас, что истинная твоя половинка не Сашенька означало отказаться от всей прожитой жизни, от всего своего прошлого. Лишь когда-нибудь после, когда память

и

в самом деле будет иметь другое значение, можно будет

все

это открыть для себя и сразу всем все переосмыслить по-новому и без всяких обид.

14. ПЕРЕДЫШКА

88

Утром, когда Нефедов выбежал на зарядку, Мида уже поджидала его внизу. Они отправились на открытую спортивную площадку с каким-то упругим покрытием и с массой всевозможных снарядов. Мида волновалась и смущалась по любому малейшему поводу, и Василий Семенович чувствовал себя от этого не в своей тарелке.

– Вы не сердитесь на меня за мою назойливость? – спросила Мида, когда взбодренные хорошей разминкой они уже спокойным шагом возвращались назад.

– Не сержусь, – ответил Нефедов. – Просто я вас понимаю.

– Вчера, когда я вас вот так просто увидела на улице, то чуть в обморок не упала. Накануне я весь день провела с родителями на озере. И как это я не догадалась, что восстановление будет совмещено с днем вашего ухода оттуда. Простить себе этого не могу. С озера мы вернулись затемно и сразу легли спать. А утром выбегаю на зарядку и вдруг – вы! Я даже глазам не поверила. А вы, к тому же, как ни в чем ни бывало, пристраиваетесь к каким-то спортсменам и бежите...

Отвлекая ее, Нефедов стал спрашивать обо всем, что было вокруг, хотя вчерашнего, сжигающего любопытства

он уже не чувствовал. Даже этот необыкновенный насыщенный воздух не вызывал сегодня особого восхищения. Мида с удовольствием отвечала на его вопросы, и все было бы прекрасно, если бы уже около лаборатории она не пообещала и завтра утром ждать его здесь.

В «предбаннике» Нефедова встретили Юрий Евдокимович и Толик. Старший восстановитель был в той же желтой рубашке, что и накануне, а Толик во всем но-

вом:

в светлых брюках, в новой тенниске с коротким рукавом.

В

новом тут можно было ходить каждый день, хотя, как заметил Нефедов и что пришлось ему по душе, у многих, 89

напротив, было пристрастие к поношенным и, видимо, привычным вещам.

– Видели, видели твои беседы с прекрасной рыжей нимфой, – вместо приветствия сказал Толик. – Ты дела-

ешь

успехи. Сам-то еще не влюбился?

– О чем ты говоришь! – отмахнувшись, сказал Нефедов.

– Это теперь-то мне влюбляться? Теперь, когда я знаю, что все равно когда-нибудь встречу с женой?

– Ну, вот, – с притворным недоумением сказал Толик, – я ему про влюбиться, а он мне про жену.

– О, да ты, оказывается, еще тот тип-то, – даже с некоторым раздражением проговорил Нефедов.

– Ну, не надо, не надо, – тоже вспыхнул Толик. – Не надо меня воспитывать. Подождем, что ты скажешь через год, через десять, через пятьдесят лет...

Нефедов даже зажмурился от его слов.

– Ну, все достаточно, – пресек их перепалку старший восстановитель, – чего это вы с самого утра?!

– Да, – спохватился Толик, – мне пора. Красивого вам сегодня путешествия.

Ушел он несколько раздосадованный этим неловким разговором.

– Да уж, совсем он у меня распустился, – с огорчением сказал Юрий Евдокимович, – много баловали его в свое время. Извини, пожалуйста.

– А, да ладно, чего там...

– А тебя видно, зацепили наши вчерашние просмотры?

– Еще бы, – ответил Нефедов, со вздохом опускаясь на диван.

– Ну, ничего, сегодня развеешься, – пообещал старший восстановитель. – Сегодня мы взглянем на места расселения, которые мы готовим для восстановленных людей. Возможно, эти наши достижения удивят тебя еще больше... А чего это я все время говорю «мы», если мы просто продолжаем вас?

Он дружески приобнял Василия Семеновича.

– А, можно я денька два посижу дома? – попросил Нефедов. – Мне бы сначала привыкнуть к тому, что я уже знаю. А то вся эта действительность уже начинает казаться мне сплошным фантастическим сном.

Эта просьба меняла планы старшего восстановителя, и он на минуту задумался.

– Что ж, резонно, – тем не менее, легко согласился он, – спешить нам некуда. И еще ты, наверное, хочешь посмотреть что-нибудь из прошлого?

– Если можно. Для ощущения реальности мне надо как-то соединиться со своим временем. Но я не умею обращаться с этим прибором, – сказал он, кивнув на УП, который так и лежал на столике.

– Ничего сложного. Положи его перед собой и четко, фиксировано задавай все, что тебе нужно. Захочешь остановить, тоже четко и фиксировано подумай об этом.

И

все.

Вышло так, что дома Василий Семенович просидел не два дня, а целую неделю. Целую неделю он не подавал о себе никаких признаков жизни. Восстановители его не тревожили. Два раза ему звонила Мида, но, почувствовав

В

его голосе полное равнодушие и нежелание говорить, запальчиво заявила о своем разбитом сердце и решении

забыть о Нефедове навсегда.

В каких только временах, в каких точках цивилизации не побывал Нефедов за эту неделю. Он был и в гуще древних побоищ, и на каторгах, и на кораблях, открывающих но-

вые

земли, и в древних храмах, и в жилищах гениев. Поначалу он задавал точные события, время и место, а после ему понравилось вызывать эти координаты наугад. В некоторые времена он входил и дышал воздухом других столетий. Лишь осязания не хватало до полной материальности картин, до ощущения полного могуще-

ства

над реальным временем, по которому он путешествовал.

91

Единственно, на что он натыкался, гуляя в разных эпохах, были стены и мебель собственной квартиры. Зато, когда

он

вызывал жизнь, некогда шумевшую в этой квартире, то

тут

обнаружилась одна невероятная особенность: простым перемещением УПа иллюзорная картина комнаты легко совмещалась с реальной. И тогда призраками оставались только люди. Потрясающе больно было видеть и слышать, как кричат его маленькие дети, как Сашенька кормит грудью Сережку или несколькими годами позже Наташу, видеть себя играющим с детьми или, напротив, не

замечающем их, когда они надоедали. Для детей и жены существовал лишь тот он, который был в том времени, но его нынешнего они, конечно, не видели. Иногда дети влезали в то же кресло, где сидел он. Иногда в это кресло садилась Сашенька и Нефедов, как бы сливаясь с женой, переставал ее видеть. Тогда он пересаживался на другой стул, чтобы видеть, как Сашенька, сидя в этом кресле,

что-

нибудь штопает, читает книжку или смотрит телевизор,

как

разговаривает с его собственной тенью. Но больше всего ему нравилось сливаться с «тем» собой, чтобы видеть гла-

за

жены и детей, устремленные на него. Жаль только, что долго продержаться в этом положение не удавалось: там все шло по раз и навсегда установленному руслу, из которого он просто выпадал. Жутковатым все это каза-

лось

лишь вначале, а потом, напротив, жутковатым стало исчезновение призраков, после отключения УПа, когда Нефедов вновь обнаруживал себя в сорок четвертом веке, видя из окна своей квартиры стремительные леттрамы в небе города.

А еще Василию Семеновичу понравились путешествия в разные волнующие моменты детства, когда он мог видеть себя босым и таким маленьким, каким себя и не

помнил, видеть себя со стаканом парного Зорькиного
молока, видеть мать, которая колола лучины перед двер-
цей
печки, видеть отца, возвращающегося с работы с темными

от вьевшегося мазута руками, видеть троих своих братьев

и

двух сестренок. Многое, казалось, уже напрочь забытым, но включалась конкретная картина, и Нефедов тут же обнаруживал все это в собственной памяти. И все это бы-

ло

бы потеряно, не случись воскрешения! Как же мало знал и помнил он тогда собственную жизнь! Он любил музыку, книги, живопись, но самым волнующим произведением оказывалось для него собственное прошлое. Да и у кого это не так?

И все же это была лишь информация, со своими логическими законами. Чисто теоретически в ней можно было изменить что угодно и тогда весь мощный информационный материк, как бы «пересчитывался» по новому варианту. Каких только поправок не вносил Нефедов в прошлое, чтобы понять значимость того или иного события, того или иного человека. Ради интереса он убрал однажды из этой системы социалистическую революцию семнадцатого года и в новом варианте действительности не обнаружил вдруг ни себя, ни Сашеньки, ни даже своих родителей. В новом варианте на месте его города был совсем другой город, с другими заводами, улицами и другим названием. Но этот вариант

был уже как-то не интересен...

Заглянул Нефедов и на рабочий канал своего восстановления. И тут он был просто обескуражен. Его жизнь для восстановителей, и впрямь, было лишь суммой материала. Каждое его шевеление, жест отображались тут массой цифр, графиков, демонстрируемых на параллельных экранах. Тут же шли цифры, характеризующие изменение различных его биологиче-

ских

характеристик, химических показателей, счет количества молекул, из которых он состоял в ту или иную секунду жизни и прочее, прочее, прочее... В рамках рабочего ка-

нала

находился еще некий монологовый подканал, по которо-

му

шел его воссозданный, постоянный внутренний монолог, выражаемый словами, вереницей различных представлений, цветов, запахов. Василий Семенович был поражен тем, как точно соответствовало это тому, что и впрямь происходит в голове... И тогда он отыскал время

94
молодости, время любовных интрижек, если не сказать о них проще. Обнаруженное повергло его в отчаяние: восстановители знали обо всех его мелких, иной раз не особенно чистых, как ему казалось, мыслишках и намерениях. Конечно, чего не бывает в молодости, но кто

же все это открывает?! А тут это мог узнать любой любопытный. Знает это и Мида! «Я вас изучила...» И после

этого она называет его необыкновенным?! «Да кто же позволил вам так вивисекировать мою жизнь!» – оскорблено воскликнул Нефедов в адрес восстановителей,

однако, сразу и успокоился: да ведь не сделай они этого, ему бы и раздражаться сейчас не пришлось.

15. ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Юрий Евдокимович появился, как они и условились, в конце недельного затворничества Нефедова.

– Что-то помято выглядишь, – заметил он. – Мида говорит, ты даже на зарядку перестал выбегать. Что, все просмотры?

– Они...

– У нас к тебе дело. Не хочешь ли ты переселиться в другое место?

– Давно пора, – согласился Василий Семенович. – Я же мешаю вам здесь. Кстати, жилплощадь при переезде можно и урезать.

– Зачем? Живи, как привык... Мы хотели переселить тебя прямо сегодня.

– Но пусть все мои вещи сохраняются, – предупредил Нефедов, не зная чего ожидать от такого кочевья.

– Это само собой.

– А на завтра можно отложить?

– Можно и на завтра, – пожав плечами, согласился Юрий Евдокимович.

95

Как только он ушел, Нефедов бросился в квартиру, схватил тряпку и ведро. Стыдно сказать, но за последнюю неделю он даже пыль в квартире не протер. Конечно, все эти шкафы будут ворочать какие-нибудь механические помощники, но грязь-то увидят все.

С уборкой он закрутился часов до четырех и обедал почти на ходу. Однако, уже все промыв и протерев, обнаружил полную несуразность своей суеты. Ведь теперь предстояло увязывать книги, рукописи, тряпки, так что пыли и мусора из разных углов еще натрясется. В этот день ему было не до телевизора, и не до УПа. Работал он до той поры, пока город не погасил огни, пока на его бытовую суету двадцатого века не взглянули все такие же бесстрастные звезды вечного космоса. Уставший Нефе-

дов

махнул рукой на эту бесконечную работу, охолонулся под душем, доплелся до кровати и отключился.

Утром вместе с Толиком и Юрием Евдокимовичем в «предбанник» пришли двое подтянутых мускулистых ре-

бят

в голубых брюках и рубашках с «родинками»-переводчиками в ушах. Здраваясь с ними и чувствуя их

жесткие ладони, видя мускулы под короткими рукавами рубашек, Нефедов подумал, что он ошибся, ожидая роботов. Решив, что тянуть с канительным делом нечего, тем более что последние узлы были довязаны с утра, он, как хозяин, предложил начинать.

– Проходите, пожалуйста, – пригласил он, распахивая дверь.

– Зачем? – с недоумением спросил один из помощников с усами Ивана Поддубного, – давайте сразу за дело.

– А почему бы и нет? – сказал другой культурист. – Любопытно взглянуть на берлогу человека двадцатого века.

Восстановители с помощниками вошли в квартиру и запутались в узлах у двери. Усатый культурист постучал костяшками пальцев по колоде.

96

– О-го-го, настоящее дерево, – определил он. – Все-таки была в этом своя прелесть...

– А что это ты тут нагромоздил? – спросил старший восстановитель. – Зачем?

– Так переезжаем же, – растерянно напомнил Нефедов.

– Умотался вчера. Не зря говорят, что один переезд равен трем пожарам.

– Ах, так, вот почему ты отложил переезд, – догадался Юрий Евдокимович, сдержанно улыбнувшись. – Прости, что я не предупредил... Но я и не подумал... Твое

переселение будет совсем иным.

Все вернулись в «предбанник». Ребята в голубом, как оказалось, техники, раскрыли одну из стен, впустили какой-то сложный агрегат и принялись готовить его к включению.

– Приступайте, – распорядился старший восстановитель, когда усатый сделал условный знак. Агрегат включили и тут же квартира Нефедова начала становиться все прозрачней и прозрачней. Она просто таяла на глазах! Нефедов даже невольно шагнул вперед,

но

Юрий Евдокимович даже более цепко, чем достаточно ухватил за локоть.

– Сейчас туда лучше не соваться, – сказал он, – рассеешься вместе со шкафами и стульями...

У Нефедова заныла душа: понятно, что потом эту квартиру восстановят в другом месте, но ее, как некую стабильную категорию, не хотелось терять даже временно. Техники внимательно следили за приборами, перекидываясь репликами об изменении каких-то характеристиках плотности, хотя контуры квартиры оставались прежними. Все это происходило в полной тишине, в которой вдруг возник шум льющейся воды. Василий Семенович не поверил в воду, решив, что это какой-то специфический шум. Потом агрегат был отключен, и квартира тоже выключилась, словно свет в

комнате. Осталось лишь пустое пеналообразное пространство с такими же, как и в «предбаннике» белыми стенами. Со стен в нескольких местах свисали провода, из трубы текла вода. Толик прошел в пенал по натекшей лу-

же

и закрыл какой-то невидимый кран.

Нефедов неприкаянно смотрел в эту безликую пустоту. Таковую же белую пустоту чувствовал он и в себе. Ему и впрямь показалось, что вместе с квартирой расплылось и все его прошлое. Беспомощная, отвязанная душа начала, как льдинка, рассасываться временной бездной в две тысячи триста семьдесят лет.

– А теперь, Василий Семенович, такой вопрос, – вернул его к действительности старший восстановитель, – какую квартиру соорудить тебе на новом месте? Ту, что была вначале или ту, у порога которой стоят чемоданы?

Ох, уж лучше б не напоминал он про эти чемоданы, не заставлял краснеть! Да, чемоданы придется снова распаковывать, узлы развязывать... Но в этой квартире на столике остался УП, без которого он уже не мог обходиться. Не просить же у них новый. Значит, лучше было вернуть эту квартиру.

Было решено, что Толик, с техниками и оборудованием отправятся на новое место по подземному каналу, а Юрий Евдокимович и Нефедов прогуляются пешком, чтобы

потом новоселу было легче ориентироваться.

– Вообще-то все грузовые перевозки происходят у нас автоматически, – пояснил старший восстановитель, когда перед ними закрылась дверь лифта, – но наше оборудование настолько уникально и чувствительно, что лучше его сопровождать. Неудобство состоит еще и в том, что на новое место приходится перевозить специальные, тяжелые и довольно-таки пузатые баки.

– Баки? – удивился Нефедов – А баки зачем?

– В них специальное вещество, из которого можно изготовить практически все. Очень условно, конечно, мы
98

называем его «материей». Но, повторяю, очень условно, потому что там находился лишь физическая часть материи, но полная ее многомерность нам еще не по плечу.

Трудно сказать, сумеем ли мы вообще когда-нибудь вот так

же держать в баке материю со всей ее многомерностью.

Ну,

а в данном случае, в этих баках находится все твое жилище.

Василий Семенович уже устал всему удивляться и старался лишь достаточно ровно воспринимать все, что ему говорилось. Потом, подчиняясь ритму прогулки, они говорил обо всем сразу. Старший восстановитель расска-

зал

и об этих друзьях-техниках, которые и в самом деле увлекались силовой подготовкой, за что в лаборатории их иронично окрестили «гренадерами».

Проведя неделю без движения взаперти, Нефедов не мог надыхаться свежим воздухом, тем более что в городе, в отличие от его квартиры, пыли не было. По пути им пришлось пересечь обширный парк. На ветках высоких, диких деревьев, странно уживающихся с грушами, яблонями, персиками, абрикосами и другими фруктовыми

ми

деревьями мелькали белки и еще какие-то зверьки, которых Нефедов попросту не знал. Но дело было не только в этих зверьках. Василий Семенович снова усомнился, что он в своем городе, раньше в этом климате никакие там персики расти не могли. Но, тут, видимо, опять же были какие-то новые устойчивые сорта, о которых раньше и мечтать было нельзя.

– У тебя комар на щеке, – сказал Юрий Евдокимович, – ох, и насосался уже...

Нефедов шлепнул по щеке и взглянул на пальцы.

Непонятно, что обрадовало его: то ли капелька собственной крови, то ли комар, как доказательство полноты мира со всеми его комарами и прочими букашками. Как здорово, что основная среда челове-

ского

обитания оставалась неприкосновенной. Как знать, какие
99

сложные заводы и энергостанции напрягались в глубинах планеты, как знать, что творилось в глубинах океана, трудно было вообразить, что понастроили они в космосе, но в ядре повседневности, как и тысячи лет назад гудели комары, волновало хвоей и яблоневым цветом. И, без сомнения, именно это оставалось для людей эталоном, когда они обживались в океане и вне Земли.

– Удивительно, что у вас остались комары... Ведь вы могли бы легко их уничтожить...

– Не мы их придумывали, не нам их уничтожать, – ответил старший восстановитель. – Тем более, что комары нам не мешают. Они ведь существуют только в природе. А наши жилища устроены так, что комары и мухи в них не залетают. К тому же, комаров сейчас не так уж много...

– Что же ты можешь назвать их точную численность? – с иронией спросил Василий Семенович.

– Нет, их численность на сегодняшний день нам вряд ли известна. Или известно с большой погрешностью, а это, согласитесь, не знание. А вот сколько их было в твоё вре-

мя

можно установить почти без погрешности.

Нефедов не нашелся что на это и ответить.

На одной из полян парка бродила лосиха с лосенком, а в зеркальном эллипсовидном озере плавали лебеди и дикие

гуси. Умиротворенный Нефедов не мог не замедлиться и в том и в другом месте.

– Ребята уже все закончили, и ждут нас, – поторопил его старший восстановитель, неизвестно как получивший это сообщение.

– Перекочевываю, называется, – усмехнувшись, сказал Нефедов, отрываясь от зрелища плавающих птиц, – в наше

время побегал бы... А ведь при помощи вашей аппаратуры

можно, наверное, не только восстанавливать, но и производить новое: продукты, например. Зачем сеять, поливать, убирать...

100

– Но природа делает все это с большим удовольствием и умением, – ответил Юрий Евдокимович. – К тому же, машине все равно потребовались бы те же материалы, что и природе. Увы, чудес на свете нет: ничто не берется из ниоткуда и не исчезает никуда. Заметь, что это очень хороший закон, который ты подтверждаешь самым фак-

том

своего существования.

16. ГДЕ ВЗЯТЬ ТОПОР?

Наконец, подойдя к одному причудливому зданию, они поднялись в лифте до широкой, очень светлой площадки величиной с целую комнату. Толик с помощниками и

впрямь поджидали их здесь, загнав агрегат в грузовой лифт и уже приготовив его для отправки.

Юрий Евдокимович дал им «добро». Толик с «гренадерами» вошли в лифт, прощально помахали, и дверь сомкнулась.

– Что ж, угадай, которая из этих квартир твоя, – разведя руками, предложил Юрий Евдокимович. – Твоя дверь откроется сама, потому что запрограммирована на твой биологический код и на коды нас: восстановителей. Хотя, если ты против, мы оставим только твой.

– Да ладно, – отмахнулся Нефедов, – чего мне от вас скрывать...

Он подошел к ближней из трех дверей и сразу угадал: дверь распахнулась. В этом «предбаннике» были те же разноцветные прямоугольники на стенах, те же диван и столик, но только стены и мебель были чуть желтоватыми, украшенными редким горошком салатного цвета.

– Могу сказать только одно, – заключил Юрий Евдокимович и сам удивленный этой новизной, – если Толик выбрал такую расцветку, то это, наверняка, модно. Наверняка, по его соображениям, это имеет и какое-ни-

будь

психологическое значение. В этом деле он светлейшая

101

голова... Ах, смотри-ка, что они придумали. Ну, это уж точно его почерк.

Да, теперь у квартиры Нефедова была настоящая дверь с металлическим номером «49», с двумя замочными скважинами, с глазком, с кнопкой звонка, с резиновым ковриком на полу. На фоне желтоватой стены из теплого, пористого материала эта дверь показалась старшему восстановителю чем-то вроде входа в пещеру, но Нефедову

захотелось лишь побыстрее юркнуть внутрь. Подойдя к двери, он шаркнул ногами о коврик, привычно хлопнул по карману и растерянно оглянулся.

– Вот черт, – озадаченно пробормотал он, – а ключи-то на гвоздике в прихожей...

Юрий Евдокимович решительно толкнул дверь, полагая, что она не заперта и тоже почесал затылок. Теперь

толкнул дверь Нефедов и тут же по включившейся привычке, надавил кнопку. Сквозь дверь было слышно, как

мелодично дзенькнул звонок и они оба, не осознавая, что делают, прислушались к двери. Уверенность Нефедова невольно подчинила и старшего восстановителя. За какие-

то секунды нелепого ожидания они оба здорово переволновались. Старший восстановитель одумался первым: выдернув из кармашка платочек, он промокнул вспотевший лоб, отошел к дивану и расслабленно

плюхнулся в него.

– Ну, нет, – тряхнув головой, словно освобождаясь от наваждения, сказал он, – мне казалось, что, работая с призраками, я уже привык ко всему. . Но вот такие-то несуразности и выбивают. И как ты додумался позвонить? Ведь это ж глупо...

– Сам не знаю, как вышло... Автоматически... – оправдываясь, проговорил Нефедов и вдруг добавил, – а может, не услышали? – Он повернулся к Юрию Евдокимовичу и неуверенно спросил, – Может еще позвонить?

102

Старший восстановитель смотрел на него с отвалившейся челюстью, с платком застывшим по пути к кармашку.

– Потом, потом позвонишь, – даже как-то ласково ответил он, – присядь, успокойся...

– Тьфу ты! – усмехнувшись, сказал Нефедов. – Прямо заскок какой-то. Названиваю тут...

Он подошел к дивану и сел. Старший восстановитель почти с минуту испытывающе смотрел на него. Ему нужно было и самому придти в себя.

– Напугал ты меня своими странностями, – пробурчал он.

Они еще немного посидели, глядя на запертую дверь.

– Ну что? Топор надо искать, – предложил Нефедов. –

Другого выхода не вижу.

– Ох, уж этот Толик! – рассердился Юрий Евдокимович, потянувшись к своему УПу. – Все со своими розыгрышами! Ты представляешь, что он по поводу тво-

его

холодильника учудил! – вдруг вспомнил он, так и не дотянувшись до прибора. – Правда, я не хотел тебе об

этом

рассказывать, ну да, ладно. Пришел он, значит, в лабораторию, в группу молодых специалистов и объявил, что где-то в объеме нашей лаборатории обнаружен источник сигналов от некой внеземной цивилизации. Что он, якобы, их расшифровал и даже представил им расшифровку примерно следующего содержания:

«находимся в параллельном измерении, видим вас, наблюдаем вас, но материализоваться не можем, помога-

те.

Инструкцию по нашей материализации в зашифрованном виде получите после». Почему в «зашифрованном» не понять – просто Толику так захотелось. Ну что, они ринулись это излучение искать, настроили аппаратуру – нашли, записали. Попытались дешифровать, ничего не выходит. Они начали втягивать в это всю лабораторию. Толик же в это время, тоже ходит что-то, морщит лоб, но

103

занимается своими обычными делами. Конечно,

что они там могли расшифровать, разошлись по домам. А один остался. Я утром прихожу, у него глаза красные, не выспался. Но, главное, все разгадал – предъявляет Толику полное описание источника данного излучения – электродвигатель марки такой-то, использована проволо-

ка

сечением таким-то, дата производства такая-то, установлен

в таком-то холодильнике, приобретенном в таком-то году Нефедовым Сергеем Васильевичем, твоим сыном, то есть. Вот это специалист! Надо будет обязательно подумать о его

повышении. Я как взглянул на него, не знал, куда глаза от стыда спрятать, а моему оболтусу хоть бы что – стоит, улыбается.

Нефедову снова было неловко из-за своего злополучного холодильника, который он в тот же вечер отключил, но уже, видимо, после того, как его «послание» было зафиксировано приборами.

– Зря ты про него так! Какой же он оболтус?

Нормальный человек.

– Ну, а сейчас?! Ну, ничего-о, сейчас он скажет, где ключ... – сказал старший восстановитель, снова потянувшись к Упу.

– Погоди-ка! – остановил его Нефедов, шлепнув ладонью по лбу.

Он подошел к двери, приподнял коврик и обнаружил там ключи.

– Вообще-то милиция не приветствовала такое, – облегченно вздохнув, прокомментировал он, – но иногда мы все равно прятали сюда.

– Нет, но ведь надо ж было додуматься, – сказал старший восстановитель, теперь уж не понятно толи с раздражением, толи с восхищением, – и вот так всегда.

Без

шуточек никак...

Нефедов отомкнул дверь. В прихожей стояли чемоданы, лежали узлы и пачки книг.

104

– Вот и переехали, – усмехнулся хозяин, – теперь распаковки на целый день.

В комнатах было все так же. На полированном столе и телевизоре остались высохшие следы от мокрой тряпки. Ведь хотел же еще протереть насухо и забыл. Вид из окна был теперь другим, и к нему еще требовалось привыкнуть. А высота осталась прежней: где-то на уровне шестого-седьмого этажа.

– Поставь, пожалуйста, чайник, – попросил Юрий Евдокимович, – попьем чаю, по-вашему.

Кран на кухне снова выстрелил ржавой водой. Уже не удивляясь этому, Нефедов подождал, пока она стечет, набрал воды в стакан, попробовал и сплюнул.

– Вот еще одна шутка, – сказал он, – вода снова с хлоркой.

– Ну, нет! – возмутился Юрий Евдокимович. – Я ему все же выдам!

– Ладно, ничего, – наливая воду в чайник, успокоил хозяин, которому теперь хотелось защитить Толика, – ты же хотел почаевать «по-вашему»...

Старший восстановитель подумал, примиряюще усмехнулся и сел к столу.

– Должен признаться, – заговорил он, когда они уже начали осторожно прихлебывать чай без молока, – что, несмотря на ту дотошность, с которой я тебя знаю, ты все равно оставался для меня где-то предметом эксперимента.

Хотя, поверь, мы никогда не забывали, что работаем над человеком. Да иначе у нас не вышло бы ничего. И все же, только вот сейчас я понял тебя по-настоящему. И просьбу твою о жене понял... Представляю, как тебе трудно...

– Да не трудно, а сложно, что ли... – сказал Нефедов. – С одной стороны я восторгаюсь тем, что снова дышу, я в постоянном шоке от существования бессмертия, но поделиться этим мне не с кем, ведь ваше отношение к бессмертию настолько обыденно, что потрясением от этой

105

обыденности тоже впору бы поделиться со своими.

Признаться, я и не предполагал в себе такой социально-

сти,

такой привязанности к своему. Я считал себя индивидуалистом, эгоистом даже, часто игнорировавшим свой мир, свое время, но мой эгоизм был отношением к **тому** миру и потому мне без него сложно.

– И потому ты не приживаешься у нас, – продолжил за него Юрий Евдокимович. – Но разве наш мир не увлекает тебя?

– Он перехлестнул мои фантазии, перекрыл их так, что может быть уже только безразличным. С ним надо сначала урównяться. Я постоянно всеми мыслями в прошлом. Бы-
ло

бы куда приемлемей жить в нем и путешествовать в это будущее... И чего, вроде бы, хорошего было в наше абсурдное, дымное, химически грязное время...

– Да-а, – задумчиво протянул Юрий Евдокимович, – но ты все же пойми, что твое воскрешение было необходимо всем.

Нефедов засмеялся.

– Ты будто извиняешься за это. Да ладно, не бойсь, я еще потерплю. Будь что будет...

– Слушай-ка, а, между прочим, около тысячи твоих прямых потомков обращались к нам с просьбой устроить встречи с тобой. Почему бы тебе ни встретиться с ними?

– Я думал об этом. Потрясающе, что от нас с Сашенькой разрослось такое дерево. Я просмотрел многие его ветви.

Мне было интересно проследить, как жили мои дети, как жил и кем стал Андрейка, какие дети были у него. Но следующие поколения оказались уже, как бы, вне моих чувств. Оказывается для удовлетворения инстинкта продолжения, хватает лишь детей и внуков. Далекие же потомки, вроде как, выравниваются с другими. Каких-то особых чувства к ним человеческая природа не предусмотрела. Во всяком случае, со мной она поступила

106
так. О чем я буду говорить с потомками? О чем вспоминать? Не интересно...

– А ведь ты был так прочно слит со своим миром, – задумчиво произнес Юрий Евдокимович. – Почему же твои способности к адаптации не работает здесь? От тебя ведь всего лишь требуется жить, как захочешь...

– В том-то и дело, что я остаюсь слитым со своим.

Умом-то я понимаю, что для того, чтобы дожидаться общего

воскрешения я должен внять вашим советам: приспособиться, завести друзей и с какой-то женщиной, конечно же, сблизиться. Но ведь это значит отречься от своего мира. Но ведь я же, можно сказать, отвечаю за него. Да сам двадцатый век, живущий во мне, не позволяет это-

го

сделать...

Разговор продолжался потом еще с полчаса.

Оказывается, на этом месте недавно жил один сотрудник института, который переехал на Луну. Возвращаться на Землю он не собирался, так что это жилище может по праву и хоть на веки вечные принадлежать Нефедову. Перед расставанием они условились, что их давно намечаемое путешествие завтра все-таки осуществится.

А,

уже пожимая руку Василию Семеновичу в желтоватом «предбаннике», старший восстановитель признался:

– Да, дружище, озадачил ты меня...

Проводив его, Нефедов принялся за узлы. Конечно, на этом месте было спокойней: здесь уже не было ощущения, что ты в пробирке под наблюдением или что ты квартирант.

17. НЕБЕСНЫЕ РЕЛЬСЫ

Утром лишь Нефедов успел побриться и поставить чайник, как дзенькнул дверной звонок.

– Путешествие путешествием, – взбудоражено с самого порога заговорил Юрий Евдокимович, – но у меня еще

107

одна идея... Не завтракал еще? И не надо. Перекусим за городом у одного современного писателя. Я его предупредил. Так что собирайся.

Погода была ясная и столь прозрачная, что казалось, будто каждый предмет очерчен специально. А когда из бодрящей утренней тени здания путешественники вышли

на солнышко, то Нефедов понял, что легкая куртка, которую он впопыхах схватил с вешалки, была ни к чему и теперь придется носить ее весь день на согнутой руке, как официант носит полотенце.

– Может быть, оставим ее дома, – предложил Юрий Евдокимович, заметив, что Нефедов уже расстегивает куртку.

– Да ладно уж, – сказал тот, – возвращаться плохая примета.

Но все оказалось проще. Юрий Евдокимович открыл какую-то створку прямо в стене одного из зданий, вынул оттуда блестящие плечики и словно в какой-то банальный шифоньер повесил куртку Нефедова, произнес новый адрес

Василия Семеновича и закрыл створку. Нефедов не стал ничего спрашивать.

Теперь ему предстояло впервые прокатиться на одном из этих летающих трамваев, целый рой которых постоянно

мельтешил в небе. На остановке леттрамов они оказались

в

эти минуты единственными пассажирами. Небольшие машины представляли собой открытые площадки с четырьмя креслами на каждой. Всего там стояло пять машин. Как только Василий Семенович уселся, на одной из них, старший восстановитель отчетливо произнес

название незнакомого пункта назначения, и у леттрама мгновенно определилась полусфера из простекла: она-то

и

придавала аппаратам форму капли или бусинки. Леттрам еще с полминуты оставался неподвижным, словно чувствуя особенную настороженность одного из пассажиров, но на самом деле, лишь подстраиваясь к

108

ритму других машин в воздухе и вдруг стремительно стартовав, начал втягиваться в совершенно сумасшедшую скорость, которая, впрочем, была заметна лишь мельканием по сторонам. Тело при этом движении не ощущало никакой нагрузки, так что и в самом деле было трудно поверить, что движешься ты, а не окружающие виды. Удивительно, но даже встречный, наверняка, мощнейший встречный поток не создавал шума. «Как на машине с отключенным двигателем, – подумал вначале Нефедов, но должен был тут же поправиться – в машине слышался бы шорох покрышек, а здесь не было и этого. Вот тут-то Юрий Евдокимович в полной мере продемонстрировал возможности простекла. Оно могло быть подкрашено в какой угодно цвет, могло превратиться

ся

и в более привычное для Нефедова стекло, а могло и стать невидимым. Последнее было самым удивительным, потому что когда вокруг тебя исчезало всякое ограниче-

ние,

то становилось и жутко от иллюзии полной незащищенности и распирало грудь восторгом от ощущения собственного, уже как бы не машинного, полета! И это у них называлось ездой!

– Не узнаешь? – спросил старший восстановитель, кивнув вниз на тоненькую голубую нитку. – Это же Ильинка.

– Ильинка?! Фантастика! – восхищенно воскликнул Нефедов. – Как же не истоцилась, не вытекла она вся за эти тысячи лет?

– О, если бы ты знал какие там сейчас караси и сазаны...

– Сазаны? – переспросил Нефедов и замолчал, не зная верить в это или нет, потому что уже при нем никаких сазанов там не было.

Картина города быстро убегала назад. Леттрам, кажущийся ненадежным из-за беззвучного полета, несся очертя голову. Скорость была особенно заметна тогда,
109

когда навстречу или на пересечении мелькали другие машины.

– Интересно, с какой же скоростью мы мчимся? – спросил Нефедов.

– «Мчимся», – усмехнувшись, повторил Юрий Евдокимович. – Не больше семи-восьми километров в минуту. Это скорость местного передвижения. Леттрамы

второго яруса пошустрее. Они в основном для межконтинентальных рейсов. Я до своей Аляски добираюсь за тридцать четыре минуты. Эх, свозить бы тебя как-нибудь в гости...

Никакой четкой границы города не существовало. Город, все более зеленея, перешел в маленькие куполообразные домики, которые вдалеке плавно переходили в большие здания уже другого города. Имя этого города, названного Юрием Евдокимовичем, Нефедову ничего не говорило. Судя по тому, что старший восстановитель начал пристальней всматриваться вперед, они были уже у цели. Скоро леттрам начал так же стремительно снижаться. При торможении около земли Василию Семеновичу хотелось податься вперед, привыч-

но

повинуясь инерции, но инерции не было. И все их перемещение от этого опять же показалось нереальным. Такой полет, когда парит одна твоя бестелесная душа, мог лишь присниться.

Писатель, к которому они ехали, и которого старший восстановитель с уважением называл Григорием Ивановичем, был автором десятка крупных произведений.

Шагая по тропинке меж утопающих в зелени домиков, Нефедов думал, что ехать к коллеге, не зная, что тот со-
здал,

в общем-то, неловко. Книги в их естественном, «бумажном» виде создавались и поныне: сказывались и древняя традиция, и желание видеть культуру прошлого в ее исторической форме, но еще, пожалуй, потому, что в этом стопроцентно машинном веке людям требовался

110

оселок для отточка воображения и фантазии. Немногие жители сорок четвертого столетия имели домашние библиотеки, потому что при необходимости любая книга изготавливалась и доставлялась на дом в течение пяти минут, а в текстовой форме с помощью УПа она поступала мгновенно. Ни одной книги этого века Нефедов еще не прочел. Он просмотрел лишь несколько кусков тех произведений, на которые случайно наткнулся, путешествуя по банку памяти, по своей реалистичности они были похожи на те же визуальные исторические картины. Людей, создающих это, видимо, по привычке называли писателями, хотя с точки зрения Нефедова, их произведения были чем угодно, но не литературой. Этим методом пользовался и писатель Григорий Иванович Берг.

18. ЗАВТРАК В ТЕНИ БОЛЬШОГО ТОПОЛЯ

Когда у одной из калиток (поживи-ка без заборов с лосями, козами и коровами) старшего восстановителя окликнул молодой человек лет девятнадцати, Нефедов понял, что их встречают и, что, это, вероятно, сын

писателя. «Сын писателя Берга – неплохо звучит», – отчего-то даже с какой-то иронией подумал Василий Семенович. Но когда молодой человек, пожав руку и назвавшись, Григорием Ивановичем, оказался тем человеком, о котором сложилось впечатление как о маститом писателе, Нефедов уже не удивился этому.

Трудно

было разобраться в путанице возрастов, когда дед мог выглядеть моложе правнуков, но теперь, когда реально пришлось общаться с таким молодым, но маститым, Василий Семенович невольно начал раздражаться.

Старший восстановитель, представляя их друг другу, по-

нял

настроение подопечного и тут же сообщил, что по общему счету Григорию Ивановичу что-то больше трехсот

111

тридцати. Однако и эта справка Нефедова не очень успокоила. Лишь позже, когда к ним вышла сорокалетняя женщина, назвавшаяся Мариной и женой писателя, Нефедов от удивления смирился уже со всем. Сколько лет по общему летоисчислению было Марине, он спросить не осмелился, думая, что у женщин возраст не спрашивают, хотя теперь это предубеждение было просто нелепо.

Василию Семеновичу за всю жизнь в двадцатом веке так и не заработавшему на собственный пригородный домик, не терпелось изучить круглый, как колобок дом писателя,

поставленный, словно для того, чтобы он не укатился, в кольцо трехступенчатого крылечка. Григорий Иванович с удовольствием сделался гидом.

Шесть просторнейших комнат дома, располагались в два яруса: четыре комнаты с отдельным выходом из каждой на крыльцо, внизу и две комнаты вверху. Изнутри все выпуклые полуокружные стены оказались прозрачными. Стены из того же простекла по желанию хозяина могли быть светофильтрами самых различных оттенков и густо-

ты

света. На прямых стенах квартиры Нефедов узнал разноцветные прямоугольники и квадраты: все те же выходы к благам цивилизации. Но и это не все. По желанию хозяина дом мог, как шляпка подсолнуха, поворачиваться к солнцу любой стороной или комнатой, как, впрочем, мог и отвернуться (вот зачем круговое крылечко). Нефедов хотел было поинтересоваться, как в таком случае срабатывают все снабжающие системы, но решил, что в такие тонкости лучше не соваться.

Осмотр дома закончился на втором ярусе в кабинете, где был стол с каким-то сложным пультом, диван, несколько кресел. Эта просторнейшая, полукруглая комната имела лишь одну прямую стенку и была распахнута яркому

лишь

чуть притененному небу. Нефедов представил, как ночью, лежа на этом диване, можно видеть звезды или луну и

просто задохнуться от зависти к хозяину, над которым все
112

это было каждую ночь. Как, наверное, здорово спать открытым вечному небу...

Когда заговорили о литературе, Нефедов честно признался, что не знает ничего из написанного писателем Бергом.

– И не удивительно, – спокойно отозвался хозяин. – Когда б вы успели? А если учесть, что сейчас почти каждый второй пытается что-то создать и вложить в банк, то случайно выудить оттуда что-нибудь мое, вы просто не могли.

– Создает каждый второй? – ошалело переспросил Нефедов. – Но о чем сейчас писать? Вам же и так все известно...

– Ну, положим, не все, – возразил Берг. – Хотя, если бы и все, то ведь истина – это еще не предмет искусства, а лишь его необходимая основа. Добывание истины – это ремесло, искусство же начинается после примитивизма достоверности... Кроме того, ведь технический прогресс

и

прогресс искусства – есть понятия совершенно равнозначные. Если здание технического прогресса возводится через бесконечные перестройки и даже намеренные разрушения его и, главным образом, людьми последних поколений, то здание искусства создается

пристройками к уже существующему зданию с сохранением всего, что было построено предшественниками. Иначе говоря, если здание технического прогресса возводится лишь «последними» людьми, то здание искусства строится художниками всех эпох. Можно ли сейчас сказать, что наше искусство совершенней искусства античности? Ничуть, а, скорее даже наоборот. Если бы в искусстве существовал закон, по которому сказанное однажды не могло бы быть повторимо,

то после слова, сказанного античностью, все последующее искусство осталось бы сплошным пробелом молчания.

Ведь, по сути, все наше искусство состоит из двух этапов:

113

искусство античности и все, что было после него, лишь на все лады перепевающее созданное в период античности.

Нефедов застыл в изумлении и даже некоторой гордости за искусство античности, которое с высоты такого времени, казалось, было где-то совсем «под боком» у

него.

Что ж, видимо, истина о том, что большое видится на расстоянии, была актуальна и в этом веке. А точнее, мож-

но

сказать, что даже еще более актуальна.

– В том же, что сейчас пишут многие, – продолжал хозяин, – то есть, пытаются как-то творчески выразить

себя, ничего удивительного нет. Человечество ведь должно

становиться все более творческим. Можно было бы задать и такой вопрос – кто же будет читать, если пишут все? Но, как мне кажется, читают-то в основном те, кто пишут. Им просто интересно как это выходит у других.

– А можно взглянуть, как вы работаете?

Берг сел за пульт, притенил солнечный свет в кабинете и для начала в объеме, в цвете, в звуках продемонстрировал несколько различных эпизодов своей работы, потом остановился на одной любовной ссоре своих героев. Сце

на

была проста: девушка и молодой человек обмениваются несколькими обидными словами, и рассерженная девуш

ка

выбегает из комнаты. Действие происходило в совсем иной

обстановке, где очертания предметов были чуть размыты. Видимо, это являлось некой внешней особенностью почерка писателя. Демонстрируя возможность правки, он повторил эпизод, но только теперь убегаящая девушка вдруг споткнулась обо что-то.

– Это я заставил ее споткнуться, – пояснил Григорий Иванович. – Что ей попало под ноги, я пока не придумал, но если нужно, то после подброшу что-нибудь.

В другом месте он заставил девушку говорить более

обиженно, для чего сам же проговорил фразу, и при повторе девушка произнесла ее сама, но уже насупленным тоном.

114

Трудно понять, что это было, но уж, кажется, и не литература, ведь действие, создаваемое Григорием Ивановичем, было посложнее фильма.

– Если я посчитаю эту правку необходимой, – сказал Берг, – то я перенесу ее в оригинал работы, заложенной в банк памяти.

– А кто-нибудь другой может вас там поправить?

– Исключено. Вход в произведение закодирован моим генетическим кодом.

– Так же как входные двери, – напомнил старший восстановитель.

– Кстати, – продолжал Берг, – ваши произведения и черновики тоже в банке, и вы можете продолжать работать над ними, а можете перевести их в такую современную форму.

– Если хочешь, – добавил Юрий Евдокимович, – то мы установим тебе такую аппаратуру.

– Я подумаю, – сказал Нефедов. – А, кстати, – обратился он сразу к обоим, – что же тогда сейчас для вас кино и театр? Зачем нужны актеры, если любого героя можно вообразить и сделать с ним все что угодно: перекрасить, перелепить лицо, сделать толстым или тонким, высоким

или карликом...

– Конечно, кино, привычного вам, сейчас нет, – ответил Григорий Иванович, – а вот театров, тьма. Куда денешься, если у одних людей есть потребность перевоплощаться, а

у

вторых потребность восторгаться тому, как талантливо

это

делают другие.

Вскоре Марина пригласила их завтракать. Завтракали они, однако не в столовой этого прекрасного жилища, как ожидал Нефедов, а в саду на открытом воздухе. Там в тени стоял белый легкий столик с белыми жестковатыми, но

так

же самоподстраивающимися креслами. На столике была белая, до скрипа накрахмаленная скатерть, на скатерти тонкие, даже чуть просвечивающие фарфоровые чашеч-

ки,

115

белый сливочник со сливками. Черным здесь был только дымящийся горячий, ароматный на свежем воздухе кофе, который наливала статная сорокалетняя Марина.

Тень, в которой они расположились, была густой и влажной. На траве еще там да там блестели капельки росы. Нефедов с наслаждением воспринял прохладу, но не сра-

зу

обратил внимание на то, что создавал ее большой

раскидистый тополь.

– Тополей теперь мало, – с огорчением проговорил Берг, заметив интерес гостя. – Все стараются заменить их какими-то полезными деревьями. Но взгляните: как хо-

рош

тополь! А как он пахнет... Особенно в пору молодых листочков. Но более всего мне по душе время пуха, хотя многие, этого не переносят. В это время я люблю сидеть за этим столиком и размышлять. Есть, знаете ли, в этих минутах, что-то нежное и мощное. Грустно видеть тихое оседание пуха, помня, что это же самое ты видел и в прошлом году, и пять, и пятьдесят, и сто лет назад. Этому, тополю восемьдесят три года. Я сам посадил его и отношусь к нему, как к своему ребенку, оберегая от всяческих болезней. Прежний тополь умер от старости. Мне было так жаль его... Но ничего не попишешь, если

мы

научились переживать деревья. Думаю, что было время, когда **они** жалели нас. И, может быть, поэтому, когда опускается пух, мне кажется, что это оседает само седое время... И тогда я пытаюсь ответить на один и тот же вопрос, разгадать главную загадку: отчего человеку и вечная жизнь кажется печальной... Что это за странное существо – человек... Вы знаете, коллега, – раздумывая, сказал Григорий Иванович и на какое-то время замолчал.

И Нефедову от этого слова «коллега», сказанного так спокойно и «на равных» человеком юношеского вида, снова стало не по себе.

– Вчера, – продолжал Берг, – после разговора с Юрием Евдокимовичем, я просмотрел некоторые ваши произведения. К сожалению, лишь просмотрел, времени

117

было слишком мало. Но один из ваших романов даже увлек меня, и после я обязательно дочитаю его. Так вот, нам ведь обоим известно, что главная тема творчества у каждого писателя складывается сама собой. Можно даже сказать, что это не писатель выбирает ее, это тема выбирает писателя. Вашей темой всегда было будущее, бессмертие, перспектива человека. А вот моя тема – тема одиночества. Свой последний роман я написал десять лет назад. Это был роман о гениальнейшем художнике с планеты Гея Андрее Болотове. Кстати, каково ваше отношение к нему?

– Увы, – развел руками Нефедов, – я даже не знаю кто это такой.

Писатель с таким удивлением вонзил в него свой взгляд, что Нефедов понял, насколько чудовищным было это незнание. Что ж, Григорию Ивановичу пришлось лишь вздохнуть и в очередной раз сделать поправку на совершенную уникальность человека, сидящего перед

ним.

– Так вот к чему вся я это рассказываю, – продолжил он,
– дело в том, что мой роман о Болотове называется «Са-
мое

великое одиночество». Но теперь, познакомившись с ва-
ми

(а вчера с вашими работами) я подумал, что зря
использовал это название, потому что если бы я написал
роман о вас (а эта идея пришла мне в голову тоже вчера),
то тогда я не знал бы в какой превосходной степени
назвать ваше одиночество...

Это откровение застигло Василия Семеновича врасплох.
Вот так юноша! Впрочем, никакой он не юноша, да и не
важно кто. Важно как сумел он это постичь? Тем более,
вчера, еще не видя и не зная самого человека, а лишь
воображая его состояние! И этим пониманием он за одни
сутки превзошел всех восстановителей, которые более
пятидесяти лет лепили его внутренний мир. Нефедов
взглянул на внешне спокойного Юрия Евдокимовича. Тот
сидел, сцепив руки на груди, но пальцы одной руки сами
118

собой нервно барабанили по предплечью другой.

Неизвестно о чем они говорили с Бергом вчера, но сего-
дня

восстановитель смотрел на него с явной досадой. Кажется,
вчера он забыл предупредить Берга, чтобы ни о чем

подобном сегодня не говорилось. Хотя, откуда ж было ему знать, что именно у этого писателя главная тема творчества

– одиночество?

Казалось, беседа подошла к логическому концу. Тем более что и кофе был допит. Юрий Евдокимович напомнил, что у них сегодня еще много дел, и, распрощавшись с хозяевами, они отправились на остановку леттрамов. По дороге возникло какое-то нелегкое молчание.

– Ну, так и что? – спросил, наконец, старший восстановитель как-то сразу обо всем, не ожидая, в общем-

то, хорошего продолжения разговора.

– Они замечательные люди, – сказал Нефедов, – спасибо за знакомство.

– А вот мне он что-то не понравился, – пришлось признаться Юрию Евдокимовичу.

– Но разве он не твой приятель?

– Сегодня я увидел его впервые. Просто узнал, что он работает в какой-то прогрессивной форме, вот и подумал, что тебе будет интересно. Вчера связался с ним и договорился о встрече. А творчество его мне не понравилось.

Нефедов лишь усмехнулся про себя: они тут еще и не нравятся друг другу.

– И что же тебе не понравилось?

– Но разве это может называться литературой?

Литература – это, прежде всего, книга...

– Книга?! – с удивлением воскликнул Нефедов, почувствовав, что вся его симпатия мгновенно повернулась к старшему восстановителю. – И ты
119

произносишь это слово?! Да ведь я сам боялся спросить тебя о том, зачем они вам сейчас?

– Мне ли тебе это объяснять? – даже с некоторым недовольством, словно не веря в искренность его вопроса, сказал Юрий Евдокимович, – книга она и есть книга...

Книга из категории тех же вечных категорий, что и колесо... Что еще добавить к тому же колесу? Главные изобретения человечества абсолютны

Василий Семенович просто не имел право на еще больший восторг – это было бы уже не по-мужски, но в душе он чувствовал нечто похожее на тихое торжество. Ничего тут не поймешь – здесь писатель может понять его лучше, чем те люди, которые по крупницам собирали его внутренний мир, а восстановитель лучше писателя понимает, что такое книга.

Теперь Нефедов даже с неким превосходством, как человек, получивший подтверждение в справедливость самых высших истин, смотрел на этот пригород с домиками и лужайками, с обыкновенными приусадебны-

ми

участками, занятыми малиной, смородиной, фруктовыми деревьями, грядками морковки и лука. Значит, и недра этого пасторального пространства были пронизаны хода-

ми

различных транспортных и снабжающих систем, наверняка, действующих здесь так же мгновенно, как и в городе. Уже подходя к станции леттрамов, Василий Семенович увидел впереди себя пасущуюся корову и даже остановился.

– Ты глянь-ка, – неожиданно для старшего восстановителя, по-детски улыбнувшись, сказал он, – прямо-таки копия нашей Зорьки. Надо же, чтобы ка-кую-то

корову помнить всю свою жизнь. А как же кормилица... А коров-то вы, кстати, доите?

– То есть, как это доите?

– Руками. Ну, получаете от них молоко?

Юрий Евдокимович отчего-то смутился.

120

– Боюсь, что ни одна корова не поняла бы нашего намерения...

Василий Семенович даже остановился.

– Что значит «не поняла»?

– Но ведь мы же можем с ней общаться. Конечно, не на человеческом языке. Но мы их понимаем. А они нас,

потому что всегда живут рядом. Особенно в этом преуспевают, конечно, собаки. Но сейчас бы, пожалуй, и

ни

одна корова не поймет, чего от нее хотят. У нас ведь никто никому ничего не должен. Нет такого понятия. Особенно если одно в обмен на другое.

Некоторое время Нефедов стоял, ничего не понимая.

– Нет, жизнь вас не колотила! – сказал он, наконец. – И вы совсем тут озверели...

Теперь уже опешил старший восстановитель.

– Как это «озверели»? – спросил он.

– Да так! – махнул рукой Василий Семенович, не в силах это объяснить, и первым пошел по уже знакомой тропинке. – Нет, – громко рассуждал, этот вполне молодой,

но вдруг по-старчески забрюзжавший человек, – коров они

тут, видите ли, не доят, они их тут понимают... Но я же пил здешнее молоко, – вспомнил он, совершенно забыв объяснение об истинном происхождении животных продуктов, – молоко, как молоко. Меня не обманешь. И кого же они тогда для меня подоили?

Юрий Евдокимович, идущий следом, давился смехом и, прикрыв ладонью лицо, смотрел в сторону, чтобы не быть случайно пойманным. Нефедов снова озадаченно остановился и повернулся к мгновенно посерьезневшему

старшему восстановителю.

– А мясо? – сказал он, и снова махнув рукой, пошел дальше. – Да какое тут, к черту, мясо, если коров не доят...

Интеллигенты...

Юрий Евдокимович шел, уже утирая слезы. Он понимал, что его подопечный, шагающий сейчас среди

121

зелени далекого века, совершенно запутался во временах.

Эта корова мгновенно увела его в сторону. Очень скоро дошло это и до Нефедова. Он оглянулся и теперь они уже оба, схватившись от хохота за животы, повалились в тра-

ву.

– Ох, коров не доят! – постанывая от хохота, кричал Василий Семенович.

– Ох-о-хох, совсем тут озверели! – почти что с каким-то неожиданным визгом вторил ему четырехсотлетний старший восстановитель.

И этим хохотом жители таких разных и далеких веков были совершенно одинаковы. Во всяком случае, корова – единственная свидетельница их внезапного веселья, которая перестав жевать, с недоумением смотрела на этих молодых людей, мнущих ее траву, ни за что бы не различила их, не смотря на ее передовой коровий интеллект сорок четвертого века.

Прохохотавшись, Василий Семенович, не стал сразу

подниматься, а, раскинув руки, еще с минуту полежал на спине и, глядя мимо спящих леттрамов, в такое необычайно прозрачное небо, что было даже не понятно каким образом оно может своей прозрачностью закрывать звездную бездну за ним. Жизнь! Это и есть жизнь!

Оказывается, она может быть и такой! «Бог мой, – подумал

Нефедов, – а ведь об этом еще никто не знает, кроме меня».

На минуту он сам же и удивился – как это не кто, если сейчас живет столько людей! И тут же поправился – никто из «моих» людей. Оторваться от «своих» ему никак было невозможно.

В то же позе, раскинув руки, лежал и, понимающий его Юрий Евдокимович, думая, что, вероятно, Нефедову, этому

первооткрывателю бездны, такие разрядки просто жизненно необходимы. «Знал бы ты, – мысленно говорил ему старший восстановитель, – сколько великих людей нашей цивилизации хотели бы сейчас встретиться с тобой,

просто пожать твою руку или хотя бы заглянуть в глаза...

122

Среди них и выдающиеся писатели, и гениальные художники, и ученые самых высших ступеней. Но пока что

ты должен обжиться в обстановке попроще».

Однако же, у Юрия Евдокимовича было и своя печаль, о которой он почему-то тоже внезапно вспомнил, глядя в

это

бездонное небо. Это его псевдо жена. «А может быть, нечто подобное сделать и для него?» – подсказал ему его ум, постоянно ищущий ответ на вопрос: как помочь Нефедову нормально адаптироваться? «Нет уж, – тут же отверг он эту мысль, – нельзя его обрекать еще и на такую муку». И тут же сам зацепился за определение, которое, в общем-то, давно уже не было открытием для него – все-таки это, действительно, мука. А если так, значит, нужно просто преодолеть себя... Знала бы его псевдо жена, что именно в это светлое мгновенье участь ее была предрешена.

Минуты через три, они поднялись, убрали друг с друга редкие сухие травинки, и отправились к станции. Пожалуй,

чего не мог постичь Нефедов, уходя от коллеги-писателя, так его желания творить для бездонного банка, куда лавиной валятся тысячи, миллионы разных произведений... Какому уму под силу охватить все это? Хотя зачем охватывать все? Раньше, воображая бесконечность небытия, Василий Семенович содрогался, как думалось ему, от страха. Теперь же он содрогался от перспективы бесконечной жизни. Выходит, это был не

страх, а неспособность психики воспринимать бесконечность. Тут требовалась полная перестройка.

Ведь

страх затеряться в толпе был, по сути, лишь страхом обычного смертного человека, для которого эта потеря равнялась забвению. Но в бессмертии, когда ты не исчезаешь из людского океана, а можешь плавать по нему сколько угодно, этот страх становится нелепым. Конечно, умом-то это еще хоть как-то со скрежетом понималось, но если бы чувства тут, же шаг в шаг, следовали за умом...

123

19. ФОНТАН

В общем-то, они потеряли не так много времени, впереди был еще почти весь день. Теперь им предстояло лететь по маршруту межконтинентального сообщения.

– Космодром. Пустыня Сахара, – задал маршрут старший восстановитель.

– Но ведь это же другая страна, – удивился Нефедов.

– Что значит страна? Ах, да... Но теперь нет стран.

Теперь остались только формальные межнациональные,

но

не территориальные границы: вроде границ между большими семьями. Вначале, когда территориальные границы исчезли, весь этот единый конгломерат назывался

ся

«государством Земля», но со временем это название от-

пало

за ненадобностью.

– И как же все это называется теперь?

– Да никак. Просто «Земля», да и все. Потому-то даже сами понятия «государство» и «страна» исчезли.

– Выходит, если нет границ, то нет и вооруженных сил?

– Конечно. Когда-то отказ от них высвободил для цивилизации столько энергии, что это позволило сделать очень большой рывок в освоении космоса.

– И что же это единое государство управляется каким-то единым правительством?

– Да, вначале такое единое правительство было. Для него был даже выстроен специальный правительственный город. Но вскоре оно было заменено обычной вычислительной техникой.

– Но как же без правительства!?

– А какая в нем надобность? Общество стабильно, когда оно неуправляемо или когда управляемо всеми. Каждый, желающий влиять на его жизнь, делает это через общий банк управления. Согласись, что это нравственно, когда каждый имеет прямой выход в человечество, когда каж-

дый

124

вроде члена правительства. Недопустимо, чтобы пропадали идеи и порывы хотя бы одного человека. Ты можешь предложить все что угодно и, если твое

предложение будет одобрено большинством, то оно автоматически примется к исполнению. То же происходит и с толковым протестом. Вот и все правление. Еще в са-

мом

начале формирования современной структуры общества

(а

это было уже давно, еще до бессмертия) кто-то из философов назвал наше общество «обществом постоянного референдума», и это определение до сих пор считается наиболее точным.

– Но в этом случае, – заметил Нефедов, – ваша система нивелируется личность. Авторы предложений остаются неизвестными...

– А что делать, если многие предложения, лежащие на поверхности, поступают одновременно от тысяч ученых?

Бывает, что идеи, логично продолжающие друг друга,

идут

целыми каскадами. Известными у нас становятся лишь те, чьи предложения опережают мысль многих, и с которыми, как это было всегда, большинство вначале не соглашается.

– И давно у вас так?

– Система была введена еще при государствах и правительствах. И первое предложение, к которому мог выразить отношение каждый, было предложение об оружии. Тогда в течение трех суток произошла поистине мировая революция, потому что все страны тут же

втянулись в соревнование за меньшее количество «да». Кому хочется выглядеть агрессивней, а, значит, и трусливей другого? Уже к концу первых суток выяснилось,

что «да» осталось лишь за военными. Но постепенно и они стали отпадать. И вот, в конце концов, вышло так, что за оружие остался... один человек. Вообрази, в мире ликование: оружие есть, отравляющие вещества есть, спутники-шпионы работают, а необходимости в этом уже нет. Ну, просто бросай все и уходи. И вот только одно «да».

125

Конечно, на это можно было бы не обращать внимания, но ведь тем-то это и интересно: кто таков? Оказалось, наш мужичок-сибирячок. Направились к нему этакой праздничной делегацией. А он – охотник. У него егерь уже два раза двустволку отбирал, и он решил, что это разоружение на руку егерям... И ему, между прочим, в честь этого памятник отлили. Ну, это понятно, ведь все крутые повороты истории сопровождаются памятниками

и

анекдотами. Теперь надо уж, пожалуй, в летопись заглянуть, чтобы выяснить правда это или легенда. Но памятник есть.

Скорость машины на маршруте межконтинентального сообщения была потрясающей. Несмотря на то, что вто-

рой

ярус маршрутов был значительно выше первого, земля внизу проходила сразу городами и горными областями. Реактивный самолет двадцатого века был бы тут просто тихоходом...

Минут через двадцать этого молниеносного движения им открылось зрелище, которое Юрий Евдокимович не стал комментировать, чтобы полюбоваться восторгом подопечного. Зрелище состояло в том, что в небо с размеренной ритмичностью стремительно, как бумажки, подхватываемые ветром, уносились какие-то обтекаемые продолговатые предметы.

– Судя по всему, это и есть космодром, – догадался Нефедов, – но где же пустыня?

Старший восстановитель даже крякнул от огорчения.

– Сахара под нами, но понятно, что она давно уже не пустыня... К твоему сведению во время твоей эпохи пустыни занимали одну пятую часть суши, а льды занимали одну десятую часть. Понятно, что такое «безобразие» нельзя было оставлять без изменения. Так что теперь это все, если можно так выразиться, несколько «подправлено»... Эх, если б ты знал, сколько стихов и по-

ЭМ

126

посвящено этой установке, – сказал он, кивнув вперед, – она называется «Фонтан».

– А почему «Фонтан»?

– Поэтам это название кажется символическим. Они пишут, что это фонтан разума, струя духовности в космос. Другой более мощный «фонтан» для транспортных и экспедиционных кораблей вблизи полюса. Но этот малый

у

поэтов более популярен.

Предоставляя возможность полюбоваться космодромом, Юрий Евдокимович остановил леттрам в воздухе. В центре «Фонтана» находилось круглое блестящее пятно диаметром метров в сто. По направлению к нему с противоположных сторон подходили два трамплина, с которых поочередно скатывались аппараты, похожие как раз на те летающие тарелки, или, если точнее, на те спортивные диски, о существовании которых одно время горячо спорили в двадцатом веке. Разогнавшись, они отрывались от трамплинов, потом несколько метров лете-

ли

в свободном падении в центр круга и, вдруг подхватываемые какой-то силой, мгновенно увлекались вверх.

Нефедов и Юрий Евдокимович опустились на вершину одного из трамплинов, где была остановка. Там они увидели целую очередь очень массивных на вид летающих дисков: те, что поменьше, были цвета блестящего графита,

та,

а те, что побольше, цвета металлической изсиза-синей перекаленной стружки. Купола над аппаратами включались

почти в самый момент старта.

Пока старший восстановитель, разминая несколько затекшие ноги, ходил к диспетчеру, Нефедов стоял и заворожено смотрел, как эти аппараты продвигались на старт. Скоро Юрий Евдокимович вернулся с человеком в фиолетовом комбинезоне с замысловатой эмблемой на груди. Он сказал, что специально вышел пожать руку такому необычному, «историческому», как он выразился, 127

клиенту и проводил их до одного аппарата цвета графита. Путешественники поднялись в него с нижнего люка. Там было всего два кресла, быстро подстроившихся под пассажиров. Минут через пять они одновременно заметили, как их аппарат, подавшись в сторону, вышел на главный конвейер и двинулся к точке старта.

– Ты умеешь управлять этой машиной? – на всякий случай поинтересовался Нефедов.

– Тут не сложно, – ответил Юрий Евдокимович, – взлет и полет автоматизированы. А для некоторой корректировки

две эти рукоятки: тоже не запутаешься. Эта техника для дилетантов, она проста как прогулочная лодка.

– А за счет чего мы взлетим?

– За счет той же энергиволны, которая скручена здесь в вертикальную струю, в энергетический поток. Он-то и вынесет нас в космос.

– Вроде выплюнет, – заметил Нефедов.

– Вот-вот, – засмеявшись, подтвердил Юрий Евдокимович.

Они уже видели, как первые аппараты с включенными куполами ныряют вниз, как на мгновение зависают над зеркальным пятном и в мгновение ока исчезают из вида.

– А перегрузками нас не расплющит? – полюбопытствовал Василий Семенович.

– И такое возможно, если откажет балансирующая система, – сообщил старший восстановитель. – Несколько лет назад система отказала в одном из леттграмов, а еще раньше в лифте одного из домов, не помню какого города. А здесь такой случай был восемьдесят лет назад.

– И что стало с людьми?

– Ничего, – печально сказал Юрий Евдокимович и тут же поправил эту нелепую ошибку, – от них не осталось ничего. Их тоже было двое. Они были геологами с одной из осваиваемых планет. Аппарат тут же вернули и даже не стали отключать купол простекла. Корабль запаяли в
128

спецоболочку и поместили в бункер хранения. До будущего
восстановления. Сейчас так делается со всеми,

погибающими. Да ладно тебе! – хлопнув по плечу, сказал он тут же. – Если страшно, зажмурься. Иногда я и сам так делаю: интересно, знаешь ли, открыть их через мгновение и увидеть себя в другом мире. Ну, все, взлетаем...

Нефедов видел, как у их аппарата возник прозрачный купол, потом аппарат, уже не касаясь покрытия трампли-

на,

а словно на воздушной подушке скользнул вниз. И по совету старшего восстановителя, Василий Семенович закрыл глаза. Ощущение движения исчезло, которое тут, так же как и в леттрэме, воспринималось лишь визуально. Внезапно Нефедов ощутил, как на глаза ему упал яркий солнечный свет.

– Ну и что? – спросил он, отвернувшись в другую, напротив, очень темную сторону. – Скоро?

– Можешь открыть, – засмеявшись, сказал Юрий Евдокимович, наблюдая не за тем, что было вокруг, а за реакциями первого воскрешенного.

20. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НОВОСЕЛОВ

Василий Семенович открыл глаза, и первый его взгляд был поглощен бесконечным звездчатым пространством.

«Небо...» – удивился он, и тут же поправил себя, наверное,

это уже не называется небом, ведь небо – это когда в космос смотришь с Земли. Он повернул голову и тут же зажмурился от ярчайшего солнца, хотя купол аппарата

был

уже притенен. Внизу голубела Земля, похожая на огромную

карту. Юрий Евдокимович украдкой поглядывал на Нефедова, давая ему возможность насладиться зрелищем. Что еще было удивительно для новичка, так это странная легкость рук, всего тела, легкое головокружение. Старший

восстановитель, заметив его испытательные вздымания и взвешивание рук, пояснил, что в этом прогулочном

аппарате конструкторы специально оставили частичную невесомость, чтобы у туристов оставалось ощущение космоса.

Земля этим временем медленно отдалялась. Юрий Евдокимович управился с несложной, как он уверял, корректировкой аппарата и потом, полностью обратившись

к Нефедову, принялся рассказывать о звездах и созвездиях,

рассеянных вокруг. Василию Семеновичу все это показалось увлекательной лекцией, хотя его гид постоянно

извинялся за эту общеизвестность информации.

Однако же, полет был жутковатым. Одно дело лететь ты на крупном корабле, ощущая под собой твердь массы,

здесь же под ногами была, по сути, щепка вокруг которой во все стороны лишь сплошная бездна! На щепке через такую бездну – такое и в кошмарном сне не приснится, а для них это просто! А, если вдруг что-то случится, и она просто зависнет или начнет куда-нибудь падать? Пожалуй,

единственное, что еще хоть как-то успокаивало здесь, так это свечение таких же аппаратов на параллельных курсах, а

так же тех, которые мгновенными искрами проносились навстречу.

– А за счет чего мы движемся теперь? – спросил Нефедов, на этот раз уже четко помня, что земная энерговолна здесь уже не действует.

– За счет настройки на определенную гравитационную волну. В Космосе таких волн ровно столько же, сколько и небесных тел. Мы пользуемся ими как некими «резинками», притягивающими корабль. На нашей «таблетке» есть атомная аппаратура, способная ловить и «утолщать» нужные «резинки», одновременно «обрезая» не нужные. И свободное падение на какое-то из небесных тел нам обеспечено. До тех пор, конечно, пока оно нам необходимо. Для движения наиболее мощных кораблей используются одновременно множество таких «резинок», на время «привязываемых» иногда даже к энергиям

«черных дыр», что позволяет развивать практически неограниченную скорость.

– А скорость света уже преодолена?

– Не преодолена, но достигнута. Это уже давно...

И, все-таки, ощущение зыбкости в этой бездне

Нефедова не покидало – слишком уж как-то легко все это

у

них, можно даже сказать, легкомысленно.

– А вот если бы сейчас с нами что-то случилось, то нам пришлось бы вызывать аварийный корабль или как? – спросил он.

– Наверное, лучше один раз показать, чем сто раз объяснить, – сказал старший восстановитель, – ну вот смотри, что сейчас произойдет.

Вглядевшись в пульт управления, он тронул какую-то клавишу.

– Я полностью останавливаю эту, как ты называешь ее, «таблетку».

Василий Семенович похолодел. Не понятно даже по каким приметам он заметил, что их «щепка», мгновенно теряя скорость, и в самом деле, просто начинает неподвижно висеть в пространстве.

– В чем дело? В чем причина вашей остановки? – тут же раздался откуда-то голос робота с вплетенной металлической ниткой. – Ваше физическое состояние нормально.

На светящемся экране возникли все физические характеристики обоих путешественников: их пульс, давление, температура тела, какие-то данные о других органах с выводом в конце, что это состояние соответствует возрасту тридцати и тридцати трем годам.

В

данный момент состояние здоровья – хорошее.

– Вам дается тридцать секунд для продолжения движения, – продолжал робот, – либо для какого-то иного действия. В противном случае будет включен режим

131

экстренного возвращения на базу! Начинаю отсчет.

Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь...

– Ну, все, – сказал старший восстановитель, – больше медлить нельзя. Хватит острых ощущений. Этот желез-

ный

диспетчер шутить не умеет.

Он снова включил полный вперед и отсчет тут же прекратился.

– Счастливого пути, – пожелал «железный диспетчер».

Нефедову от всего этого захотелось просто присвистнуть.

– Вот теперь можно и пояснить, – сказал Юрий Евдокимович. – Дело в том, что все мы, независимо от того, где находимся, незримо подключены к особой медицинской базе данных, постоянно контролирующей

наше здоровье. Именно она-то и предлагает нам то или иное меню для пропитания. За пределами Земли этот контроль еще более жесток. Как видишь, вот наши данные.

И если бы с нами что-то случилось, и мы не среагировали на отсчет робота, то на помощь к нам никто бы не помчался, но нас просто «выдернули» бы на базу. Скорость

такого возвращения стремительна. Могли бы даже возникнуть перегрузки, но перегрузки опять же контролируемые, не допускающие тотального исхода. Если

же ситуация оказалась бы какой-то крайне необъяснимой, опасной для жизни, то нас просто, что называется, законсервировали бы, чтобы потом, получив «целенькими», благополучно оживить. Для этой консервации, срабатывающей в доли секунды, здесь есть все необходимое.

– Ну и ну, – только и проговорил Нефедов.

– Все что касается безопасности для нас свято, – заключил старший восстановитель, – согласись, что нам есть что терять.

Не понятно, сколько времени промелькнуло в этой странной обстановке с непривычными ощущениями, когда

Нефедов заметил, что впереди заголубела и стала увеличиваться одна из звезд, тогда как другие оставались такими же далекими. Старший восстановитель молчал, и Нефедову ничего не оставалось, как поинтересоваться что это такое.

– Это Земля, – спокойно сообщил Юрий Евдокимович. Как можно было в это поверить, если Земля только что скрылась за спиной?

– Это Земля Дубль-А, – невинно уточнил старший восстановитель, заметив, что Нефедов начал озираться, пытаясь как-то сориентироваться и довольный тем, что интрига удалась. – Это и есть планета, для воскрешенных людей. Всего у нас четыре таких, уже готовых искусственных планеты. Все они на той же орбите, что и Земля. А вот Дубль-Д и Дубль-Ж – это пока что коричневые планеты без растительности и атмосферы. Но сейчас еще напыляется Дубль-Зет. Ей-то сейчас и заняты почти все планетные инженеры.

– А из чего строят? Где берут материал?

– В космосе. Всюду в окрестностях Солнечной системы расставлены ловушки, которые захватывают метеориты, астероиды, пыль, лед и по каким-то сложнейшим траекториям и специальным коридорам направляют все

это

в одну точку. Конечно, это строительство очень сильно усложняет навигацию в пределах Солнечной системы, но

что поделать. А на Дубль– Зет и вовсе сплошные
камнепады, взрывы, пламя, дым. Приближаться к ней да-
же

на далекое расстояние запрещено. Планета еще невелика,
но инженеры рассчитывают, что через сотню лет она
созреет: наберет массу Земли. После этого ей подбросят
дрожжей, чтобы все на ней перебродило, прореагировало

и
спеклось, как когда-то не Земле со всеми ее вулканами и
землетрясениями. Правда, все это пройдет там в
ускоренном, результативном темпе. Потом, когда планета
будет испечена, уйдет еще сотня-две лет на ее охлажде-
ние,

133

а дальше начнется период освоения. Ну, а Дубль-А, кото-
рая

уже давно прошла такой путь, ты увидишь сегодня сам.
Там уже работают исследователи, осваивают ее насколько
это необходимо, хотя желающих жить там оседло, не
находится. Всем хочется быть поближе к цивилизации.

– Все планеты, на которых есть люди, находятся в
пределах Солнечной системы? – спросил Нефедов.

– Нет, у нас есть заселенные планеты, которые
находятся на расстоянии тридцати-тридцати пяти лет
полета. На одной такой планете, которую когда-то с
большой надеждой окрестили Гея, более тридцати лет

назад произошла катастрофа: погибло все ее население.

– Да, – тут же вспомнил Нефедов, – так этот художник Андрей Болотов, о котором сегодня говорил Григорий Иванович тоже погиб?

– Разумеется. И попозже тебе стоит узнать о нем подробней. Так вот, – продолжил он свою мысль, – конечно, и у вас тонули лайнеры, унося жизни тысяч людей, погибали города вроде Помпеи или Хиросимы, но

у

нас погибло население целой планеты, исчезла, по сути, отдельная развитая цивилизация. Таких катастроф вы просто не могли знать.

– Но тут одна тонкость, – грустно кивнув головой в знак согласия, все же заметил Нефедов, – мы-то умирали по-настоящему, навсегда и воспринимали смерть не так, как воспринимаете ее вы ...

– А знаешь, ведь мы и сейчас, даже зная о бессмертии и воскрешении, боимся ее, – сказал Юрий Евдокимович. – Может быть, это какой-то рудимент, но воспринимать смерть легко мы так и не научились. Тот факт, что люди не потеряли ощущения трагизма смерти, наш Великий Ста-

рец

Сай Ши, истолковывает как одно из доказательств противоестественности бессмертия и воскрешения. Он утверждает, что человеку в эту сферу вторгаться не следует.

А, кстати, интересно, что бы он сказал, если бы встретился
134

и поговорил с тобой – первым воскрешенным? Думаю, что эта встреча поколебала бы его взгляды. Мы потом к нему съездим, хорошо? Философию Сай Ши воспринимают сейчас не более чем экзотику, но факт остается фактом – трагичность восприятия смерти мы почему-то не утратили.

И потому гибель планеты Гея для нас шок, от которого мы еще не оправались. И самое страшное в этом то, что мы еще не поняли причину гибели. Единственно, что мы перестали делать – это заселять сомнительные планеты. Мы решили, что планеты лучше строить с нуля. Но где гарантия, что нечто вроде того, что произошло на Гее, не случится в масштабах всей цивилизации? Ведь тогда и воскрешать нас будет некому... Так что смерть остается для нас еще вполне реальной и трагичность ее восприятия не должна исчезать. Успокаиваться нам еще рано.

Выход за пределы Солнечной системы оказался драматичен и сам по себе. С первой же экспедицией, цель которой была всего лишь выйти за Систему и вернуться назад, произошло нечто странное: все люди, находившиеся

на корабле, словно испарились. В свое время это тоже было потрясающей загадкой.

С корабля исчезли и пятьдесят человек экипажа, и

животные, и растения, и некоторые материалы органического происхождения. Корабль стал простой металлической болванкой, в которой выгорело все, что, могло выгореть и осталось лишь то, что могло оставаться неистребимым в космосе. Астрономы еще несколько лет после этого по привычке наблюдали за уходом этого куска металла в дальний космос, но эти наблюдения были уже бессмысленны.

Объяснений случившемуся не было. Долгое время самым достоверным предположением было то, что за пределами Солнечной системы существует космическое излучение неизвестной природы, обнаружить, которое могут лишь инструменты, созданными кем-то способным

135

существовать в сфере этого излучения. Это было настоящим тупиком. Истина же, оказалось куда проще, но не менее печальной. Никакого уникального излучения в космосе не было. Просто там уже не было нашего Солнца. Там не было его влияния и все, что было обязано своим появлением Солнцу в результате фотосинтеза, там просто таяло, растворялось в космосе точно так же как горячая капля воды раствориться в холодном океане. Иначе гово-

ря,

выяснилось, что люди в самом прямом смысле дети Солнца и без его сложного постоянного воздействия существовать не могут. В общем, знакомая история: люди

недооценивали для себя значение Солнца, как недооценивают обычно воздух, которым дышат. Когда эта гипотеза была экспериментально подтверждена, то у науки на какое-то время опустились руки. А ведь были уже созданы корабли, приборы и вспомогательные механизмы для преодоления невероятных расстояний, все пространство в окрестностях

Солнечной системы было уже досконально изучено и расписано маршрутами сотен дальних космических экспедиций, и вдруг оказывается, что мы, в некотором смысле, пленники Солнца, от которого нам нельзя отрываться. Дальние пределы, оказывается, предназначены

лишь роботам, в которых не должно быть ни одного органического элемента. Кстати, тогда же, попутно объяснился и тот простой факт, почему никаких инопланетян, за всю историю цивилизации мы не дождались. Видимо любой инопланетянин, не житель Солнечной системы, так же не мог оторваться от собственного уникального светила.

– Но ведь человечество-то все-таки оторвалось, – заметил Нефедов.

– Да, в отличие от каких-то пока еще не обнаруженных инопланетян, выход мы нашли. Более того, вскоре после этого были заселены планеты Гея и Тантал, относящиеся к

двум разным системам. Собственно, выход увиделся сразу,

лишь только проблема оказалась очеркнутой: на корабле требовалось иметь собственное солнце, или, точнее, имитацию его полного воздействия. Конечно, корабли после этого пришлось строить заново. Они значительно увеличились в размерах. Обычно их монтируют в космосе,

а по величине они равны городам со сотысячным населением.

– Кошмар! – невольно воскликнул Василий Семенович.

– Но сейчас у нас хватает космонавтов для формирования таких команд, – любуясь его непосредственным восторгом, сказал старший восстановитель.

Посадка на планету Земля Дубль-А была, пожалуй, лишь чуть-чуть медленнее взлета. Уже на небольшой высоте, после резкого снижения, корабль завис над поверхностью и Василий Семенович сидел, отходя от этого сумасшедшего падения. Старший восстановитель объяснил, что точка снижения приблизительно соответствует координатам их города на Земле. Но только здесь была непроходимая тайга, простирающаяся до горизонтов, где лишь в одной стороне на западе начиналась горная страна, с острыми, молодыми

вершинами.

– Могу ошибиться, но, по-моему, этот пейзаж соответствует примерно началу нашего летоисчисления, – сказал старший восстановитель, – так что мы, можно сказать, в прошлом.

Юрий Евдокимович направил корабль по стрелке, появившейся на экране пульта, и скоро путешественники увидели космодром с одним трамплином, на вершину которого они и опустились. Здесь их ожидало человек восемь женщин и бородатых мужчин. Они вручили Нефедову букет душистых таежных цветов, в которых особенно ярко выделялись темно-желтые жарки. Потом, 137

обнаружив, что гость уже не справляется с цветами, встречающие со смехом забрали всю эту охапку обратно. Нефедова, конечно, уже не надо было представлять, но старшему восстановителю захотелось хотя бы здесь выдержать торжественность встречи.

– Вот, – сказал он, – перед вами представитель новоселов. Покажите ему весь этот большой дом, который вы готовите для его друзей и близких, для всех людей его времени.

– Покажем, все покажем, – с готовностью поддерживая его торжественность, обещали хозяева.

После встречи все спустились в одно из таких же современных, как и на Земле, строений. Воздух, которым

тянуло снизу, был напитан ароматом дикого леса, пронзительными запахами хвои и брусничника. На стене большой светлой комнаты висело несколько медвежьих и тигриных шкур. Нефедов подошел и погладил их: шкуры были настоящими. Хозяева пояснили, что в окрестностях космодрома видимо-невидимо зверья, которое приходит-

ся

отпугивать, но с этими, особенно настырными экземплярами, пришлось покончить. Василию Семеновичу

чу

даже представили бородача, сделавшему это, однако тот

уж

как-то слишком старательно опускал глаза, так что, кажется, дело было не в отпугивании, а в охотничьем азарте, проснувшемся в этом человеке.

Нефедову, которого и впрямь воспринимали, как представителя новоселов, очень долго и обстоятельно рассказывали о новой планете. Если сравнивать ее с Землей, то тут, оказывается, все было не так, здесь была совершенно иная ситуация и с полезными ископаемыми,

и

с радиационной обстановкой, и с климатическими сюрпризами. Однако, как бы там ни было, но жить здесь можно было вполне. На планете строилась подземная энергостанция, первая очередь которой уже работала, обеспечивая в основном энергетический поток

космодрома. Кое-где на полях выращивали пшеницу и овощи.

Встреча закончилась обедом, после которого гостей на пятиместном экспедиционном летатраме прокатили по новой планете с остановками сначала на берегу озера, кипящего рыбой, а потом на берегу широкой реки с синевато-хрустальной водой и длинным песчаным пляжем.

Сидя на песке, Нефедову было удивительно видеть гигантское количество свободно и, как подумалось, бесполезно текущей воды. Здесь по всем древним правилам путешественники разожгли костер, быстро наловили рыбы и сварили уху. Пока она варилась, хозяева предложили гостям искупаться. Нефедов очень хотелось окунуться в воду новой планеты, но как купаться, нырять, фыркать, под этим пристальным наблюдением? Юрий Евдокимович и охотник все же искупнулись, а Нефедов с двумя другими бородачами, предпочли наблюдать.

Задумчиво глядя на огонь, на воду, на купающихся людей, Василий Семенович не мог поверить, что это огонь и вода, по сути, «построенной» планеты, на которую можно вот так банально прилететь и любоваться не только зеленью и водой, но и ее совершенно естественными закатами и рассветами (получается, что тоже «построенными»); как поверить, что перед тобой люди другого времени и других

планет? А, взглянув на какой-то уж слишком «навороченный» карабин, лежащий на всякий случай расчехленным, рядом с одеждой охотника, Нефедов даже усмехнулся тому, что ведь, в общем-то, он находится не только в другом времени, но и в одной из эпох этого времени. В то время как на Земле воздвигнут своеобразный шутовской памятник последнему «человеку

с ружьем», здесь люди спокойно живут и стреляют, что ни для кого не удивительно. Однако и тут в этих далеких мирах было многое, как было всюду и всегда – тепло костра и обжигающая горло наваристая уха, с запахом 139

дымка, черного перца и лаврового листа, с куском настоящего ржаного хлеба, вынутого из походных рюкзаков...

По пути на Землю после целого дня, проведенного на Дубль-А, Юрий Евдокимович и Нефедов пытались еще о чем-то говорить, но от усталости у обоих слипались глаза. Даже на звезды Василий Семенович смотрел уже без всякого трепета. В последний час пути он и вовсе клевал носом, словно ехал на какой-то банальной телеге. Землю они догнали в тот момент, когда их полушарие уходило в ночь. Старший восстановитель растормошил Нефедова, чтобы тот не пропустил восхитительную картину вечерней

Земли. Нефедов глянул и ахнул. Планета была окутана сплошным разноцветным переливанием. Вот он блестящий человеческий муравейник, в котором на самом-

то деле не было никакой суеты. Нефедова охватил восторг от вида живой космической материи, которая теперь уже постоянным фонтаном била в космос... И в порыве восхищения он твердо, как только мог, пообещал себе сделать все возможное, чтобы сжить себя с этой грандиозной сияющей цивилизацией, сделать все, чтобы стать ей полезным.

21. РОБИНЗОН ПЛАНЕТЫ ГЕЯ

Минул месяц, за который Нефедов и старший восстановитель побывали еще в нескольких экскурсионных

экспедициях: на Луне с ее как бы полуподвальными, или, точнее, полуподлунными, причудливыми городами с ее, как уже считалось, коренными жителями, в двух похожих на сказку, подводных городах Тихого океана с их обширными морскими заповедниками и плантациями, в одном из космических городов с восьмимиллионным населением, а в заключение на окраине Солнечной системы, чтобы, как пошутил Юрий Евдокимович,

140

подыгрывая Нефедову, взглянуть из-под козырька за околицу этой «большой деревни». Конечно, люди

заглядывали и дальше, но это было дело кораблей иного типа. Дальше этого предела был лишь Тантал, заселенный людьми и далекая печально известная Гея – планета, на которой с момента гибели ее населения побывала лишь одна экспедиция. Эта экспедиция, стартовав с Геи, нес-
лась

теперь к Земле, ожидаясь здесь уже через пятнадцать лет. Старший восстановитель никогда раньше не совершал таких методичных экскурсий и не раз за это время взволнованно признавался, что и сам уже, как-то подза-
был

об истинной грандиозности своей цивилизации. Видимо, отчасти это было потому, что Юрий Евдокимович поневоле взглянул на все новыми глазами своего подопечного.

В конце этого насыщенного месяца старший восстановитель сообщил, что следующая неделя потребуется ему для своих накопившихся дел, с которыми Виктор и Толик уже не справляются. Эта отсрочка была необходима и по другим причинам: во время путешествий Юрий Евдокимович иногда, как бы в сторону замечал, что та или иная картина, то или иное впечатление, пережитое ими вместе, могло бы служить неплохим материалом для творчества. И аппаратура, позволявшая работать в современном стиле, появилась в «предбаннике» на другой же день после поездки к Бергу. Нефедова, как малого

ребенка, пытались увлечь чем-нибудь не только Юрий Евдокимович, но и Виктор, и Толик, и даже прекрасная Мида, приходившая однажды вместе с ними.

Помня обещание самому себе стать полезным этому миру, Василий Семенович несколько дней после путешествия просидел над машиной, вникая в новый способ работы, а, вникнув, на том и остыл. Интересных мыслей и наметок накопилось не мало, но того писательского зуда, что буквально до самой смерти съедал

141

его в прошлой жизни, не было. Все было под силу воскрешению, кроме писательской тяги, которая, видимо, была порождена исключительно страстями его века. Его почти что законченный роман, и впрямь, остался когда-то

В

архиве, так и не произведя в свое время никакой духовной работы, однако выносить его на публику сейчас казалось просто нелепым.

Что по-настоящему заинтересовало и увлекло в это время Василия Семеновича, так это судьба планеты Гея, которую легко можно было проследить с помощью УПа. Трагедия людей, заселивших эту планету, заключалась, кажется, в том, что их деятельность оказалась неорганичной самой природе планеты и, в конце концов, Гея, как взбрыкнувшая лошадь, просто сбросила человека со своей спины. Трагедия эта закончилась одной

любопытнейшей историей, которая глубоко запала в душу Василия Семеновича.

...Планета Гея предстала пред глазами специальной экспедиции лишь после тридцатилетнего полета.

Космонавты, увидевшие ее впервые, легко согласились с тем, что она и впрямь очень сильно напоминала Землю.

Солнце этой планеты давало почти такой же спектр воздействия, как и Солнце Земли, потому-то земляне и не удержались в свое время, чтобы не заселить ее. Год на Гее так же разделялся на лето, осень, зиму и весну, и на все те же двенадцать месяцев, которые были тут, правда, чуть длиннее земных, потому, что год планеты, состоял из четырехсот четырнадцати суток. Масса планеты была

чуть

больше земной, и здесь наблюдались другие аномальные явления, от чего весь животный и растительный мир на

Гее

был неожиданно причудливым.

Сам полет для космонавтов, участвующих в экспедиции, был той же жизнью, какой она была и на Земле, если не считать некоторых возможностей, которые были доступ-

ны

142

только дома. Семь человек команды провели эти годы в анабиозе. Это состояние не противоречило условиям экспедиции, хотя анабиоз для бессмертных был нелеп.

Семерка решила на эту долгую спячку лишь потому, что ранее не испытывала ее. За месяц до приближения к Гее они были разбужены и, теперь отличались от других разве что тем, что ничего не знали о жизни экспедиции без них. За время полета число участников экспедиции увеличи-

лось

на пятнадцать человек. Это были люди, родившиеся в пути. Самому старшему из них было уже двадцать восемь лет, и безжизненная планета была первой твердью, которую ощутит его нога...

С тех пор как земляне стали обживать вне Земли такое качество, как «патриотизм» несколько поблекло. Люди поневоле уходили в жизнь своей планеты или космического поселения и уже от гордости за место своего обитания считали себя самодостаточными. К моменту, когда жизнь на Гее окончательно определилась, как самостоятельная, философы на Земле заговорили о том, что цивилизация невольно дробиться на разные рукава, со своими отдельными направлениями, хотя ни в одном из этих направлений не отрицалась идея всеобщего воскрешения.

Во время невиданной эпидемии на Гее, люди умирали тысячами, и миллионами в одно мгновение. Причина бы-

ла

кратковременной, вроде какого-то импульсного излучения.

В течение трех недель погибло все население планеты в три миллиарда семьсот миллионов триста двадцать шесть тысяч двести пятьдесят четыре человека. Трагедии такой величины человеческая история еще не знала. Люди при этом не болели и не страдали. Просто жизнь отскакивала от них как резиновый мячик и все. На Землю, как на планету-праматерь неслись трагические репортажи, послания и мольба о помощи. На Земле видели картины этого жуткого мора, но чем можно было помочь на таком

143
безумном расстоянии, да еще не понимая причины происходящего? Все, у кого была возможность, бросились в космические корабли и пытались бежать с планеты, но смерть настигала их и в космосе. Единственно, что могли сделать тогда земляне, кроме различных, бесполезных рекомендаций – это собрать специальную спасательную экспедицию на Гею.

Теперь, три десятка лет спустя, экипаж корабля, достигшего цели, ясно понимал, что они здесь уже не для спасения людей, а для того, чтобы хоть что-то понять в их ужасной гибели. За эти годы было уже много перетолковано о случившемся. Ученые склонялись к тому,

что в дальнейшем Гея может быть пригодна лишь как материал для строительства новых планет, и что, вообще, видимо, не следовало в освоении космоса идти по легкому

пути, обживая готовые планеты, которые все равно не могут быть точной копией планеты-праматери, так привычной людям. Безопасней было строить новые планеты, как можно жестче следуя эталону Земли. Теперь, пожалуй, следовало насторожиться и пристальней изучать

планету Тантал, которая была отыскана в космосе и так же заселена без всякой спец переработки.

Посадка произошла на обветшавшем космодроме.

Пробы воздуха и почвы показали, что на Гее все нормально. На сегодняшний день планета снова была безопасна и страха у экспедиции, численностью сто шестьдесят шесть человек, включая и всех родившихся в пути, не было, тем более что это была команда высококлассных профессионалов. Все уже спокойно знали,

что это поход в пустыню, где сохранилось все, кроме людей.

Весь космодром зарос буйной зеленью: травой и деревьями. Всюду пели птицы, мелькали насекомые: вся живность планеты, издревле существующая на планете, не пострадала, пострадавшими были только пришельцы. Все

144

это, в сущности, казалось раем, который когда-то освоили люди, и который теперь, уже в течение тридцати лет, стирал всякое упоминание о них. Видя прежнее буйство

жизни на планете, космонавты без страха покинули корабль. В административном здании космодрома был сплошной мусор и пыль. По видеозаписи хроники помнилось, что все эти залы были заваленные трупами людей и, вероятно, эта-то пыль и была их прахом.

Первое, что сделала экспедиция, это посетила Центральный Банк Информации, который до сих пор работал, питаемый резервными атомными батареями. В электронной памяти планеты, хранились сведения обо

всех

жителей Геи с отметкой дат рождения и смерти. Досье было настроено на импульсы каждого человека, автоматически фиксируя обрыв любого жизненного импульса. Да, так и есть, все жители Геи умерли тридцать лет назад в течение трех недель. И лишь одна отметка вызвала взрыв изумления. Импульс Андрея Болотова, одного из жителей планеты, оборвался лишь летом прошлого года!

Головная часть экспедиции немедленно понеслась в другое полушарие, чтобы отыскать дом этого человека. Оказалось, что Болотов был художником, владельцем громаднейшей мастерской. Там и нашли его тело, если это можно было так называть. В летнем кресле-качалке лежал скелет с бородой, накрытый истлевшей одеждой. Тело тщательно собрали и поместили в консерватор: теперь оно станет одним из объектов исследования. Мастерская была

заставлена большим количеством запыленных, но не тронутых временем полотен. Работы исчислялось многими сотнями. Все картины были датированы, и легко прослеживалось, что рождались они с невероятной быстротой. Кажется, все двадцать девять лет художник работал без перерывов. Но вот смерть на полотнах этого свидетеля невиданной катастрофы отсутствовала. Всюду

145

были только живые люди и, в целом, на полотнах была отражена, пожалуй, вся история планеты. Трудно было вообразить, как жил он все эти годы. Робинзону целой планеты досталась вся цивилизация со всеми ее достижениями, с действующими агрегатами и станциями, с несметными запасами продовольствия. У него была тысяча возможностей обратиться на Землю и как-то заявить о себе. Однако он почему-то и не думал этого делать. И он просто работал на протяжении почти, что

трех

десятков лет, вероятно, пролетевших для него за такой работой, как одно мгновение.

Экспедиция обследовала мастерскую художника, дом, где он жил, изучила данные его компьютера в надежде, найти хотя бы какую-то строчку, послание, письменное свидетельство о происходящем вокруг или даже о собственном состоянии, но художник не оставил после себя ничего кроме картин. В составе экспедиции не

оказалось искусствоведа, но в команде не нашлось и человека, которого бы эти картины не потрясли тем потоком эмоций, что буквально обрушивался с полотен. Казалось, на картинах были изображены сами чувства, застыв там лишь для того, чтобы легче восприниматься душой. Это была застывшая музыка, которая удивительным образом могла бесконечно литься в душу каждого. Полотна не нужно было рассматривать, расшифровывать или объяснять, они завораживали, окатывали, ошеломляли чувством и настроением с перво-

го

взгляда. Трудно было понять каким способом, какой изобразительной техникой взгляды людей с полотен, их позы, жесты, извив складок одежды, наклон травы или дерева могли излучать такую концентрированную эмоциональную энергию. Такое людям было еще не известно. Не все космонавты из экипажа ценили и любили живопись, но эти работы пробивали любое непонимание и не любовь. «Ах, так вот в чем суть живописи и искусства

146

вообще», – доходило до многих. «Я понял, – прозрев, сказал там кто-то из потомственных технарей, – что истинное произведение искусства не может быть не понимаемым и не любимым». Любая из картин полностью перестраивала зрителя под себя и на какое-то время заставляла зрителя жить по своим законам. Люди, не же-

лая

уходить из мастерской, часами просиживая у той или
иной
картины.

Однако работа экспедиции началась, экипаж разделился на группы, каждая из которых занялась своим делом.

Утром все разлетались по своим объектам, благо, что

леттрамы Геи остались исправными, но вечерами команда собиралась в мастерской. Эти своеобразные встречи за вечерним чаем в мастерской стали традицией. Судьба Андрея Болотова превратилась в загадку, которую хотелось

разгадать каждому. Всем было ясно, что его картины гениальны. Вместе с многочисленными отчетами, которые

каждый день передавались на Землю, экспедиция представила отчет не только о таком феномене выживаемости, как Андрей Болотов, но и сообщила о его работах. Изображения всех полотен были отосланы на планету-праматерь. И на Земле, где теперь пристально следили за работой экспедиции, и где были тут же созданы точные цифровые копии картин, начался фурор. Мнение искусствоведов было единогласным: таких шедевров изобразительное искусство не знало никогда. По своей мощи полотна Болотова превосходили достижения художников всех времен. Искусствовадам тут же потребовались полные биографические данные художника.

И тут новая загадка: оказывается, до трагедии на Гее, Болотов не знал что такое краски и кисть, работая техником по эксплуатации грузового транспорта. Что же превратило техника в гениального художника? Может быть, само излучение, убившее всех? Может быть, гением его сделало одиночество, когда он каким-то чудом уцелел, и страстное желание хоть как-то сохранить исчезнувший мир? Может быть, это сама жизнь, оказавшаяся загнанной в угол на несчастной планете, уцепилась за последнего человека, вложив в него одного таланты и способности многих, чтобы хоть как-то спастись? И может быть, через эти картины, таким образом, выразилась вся цивилизация планеты Гея?

Собираясь в его мастерской, команда всегда оставляла свободным кресло, в котором нашли останки художника, как бы признавая его присутствие. Умер он в возрасте ста пятидесяти лет и сначала, когда было сделано

149

предположение, что к его смерти привели какие-то преждевременные старческие изменения, то все лишь застонали от огорчения. Не простительно умирать от та-

кой

глупости, как старость, когда можно было откатать возраст,

воспользовавшись

специальной

клиникой

и

консультациями с Земли. Однако были и другие загадочные

особенности. На последней картине художника была выставлена дата его смерти. Около ней-то его и нашли.

Все

же остальные полотна были к этому времени расставлены в таком порядке, что хотя бы самые из них, можно было видеть прямо из кресла. И ни одного чистого, готового к следующей работе полотна! И тогда, сопоставив все эти детали, экспедиция пришла к единому, ясному видению

его

последних минут.

...Вот художник решил, что и эта картина завершена. Он поставил на ней свой автограф и дату. Еще раз окинул оценивающим взглядом. Потом откинулся назад, взглянул

на

все, что было создано за многие годы. В целом, он был явно доволен своим трудом. Хороша была и последняя картина. Он еще раз взглянул на нее – да, не плохо. Его титаническая работа завершена. Он запрокинул голову назад, и устало закрыл глаза. Кисти и краска посыпались

из рук... Он умер, как заснул. И старость была здесь не при

чем. Просто он до конца, чего, возможно, не достигал ни один художник в мире, выполнил свою работу. А от этого, вероятно, тоже умирают.

А еще, что добавлял Нефедов уже от себя, прочитав или, точнее, даже просмотрев на эту тему и роман Берга, Болотов умер еще и потому, что просто не захотел продлевать себе жизнь, он захотел остаться со всем своим, в своем мире.

... Через пятнадцать лет все работы гениального художника должны были вместе с экспедицией прибыть на

Землю. «Вероятно, в оригинале мне их не увидеть», –
150

продолжая раздумывать над этой историей, подумал однажды Василий Семенович.

22. УЖИН ПРИ СВЕЧАХ И ПОРТЬЕРАХ

Картины и судьба Андрея Болотова не выходила из головы Нефедова. Он пытался найти хоть какое-то сходство ситуаций его и своей. Но всякое сравнение тут было с натяжкой. Почему у Болотова, одиночество и безнадежная ситуация вызвали взрыв творчества, а у него, Нефедова Василия Семеновича, оказавшегося в ситуации куда более лучшей, полный упадок? Где оно это вдохновение?! Или разница тут в том, что Болотов все же

оставался в своем времени и люди, которых он изображал, еще буквально дышали ему в затылок, а у Нефедова в затылок душит лишь пропасть времени, при полном отсутствии какой либо подпитки своего двадцатого века? А, может быть, все дело лишь в степени одаренности? И, думая так, писатель Нефедов и вовсе впадал в депрессию. Целыми днями, слоняясь из угла в угол по квартире, Василий Семенович не мог взяться ни за что. Он пил чай, спал, бездумно пялился в телевизор. Давно уже его не потрясало то, что каждый день он смотрел передачи, которые не должен был видеть. Факт продолжающейся жизни стал для него, наконец, нормальным, спокойным явлением. Около недели после путешествий он не выхо-

дил

из квартиры, выскакивая лишь в «предбанник» за продуктами и газетами, поступавшими в его почтовый ящик, прикрепленный рядом с дверью. Газеты приходили точно по датам за вычетом двух тысяч восемьсот семидесяти лет.

Однажды он вспомнил о своем прежнем увлечении – он был страстным поклонником хоккея. Ему стало интересно,

а что же с хоккеем стало сейчас. И он нашел его! К его восторгу хоккей мало, чем изменился, как будто его

151

специально держали нетронутым. Конечно, другими были

и лед, и снаряжение спортсменов, и формы клюшек, но был тот же гул толпы, треск клюшек и такое мастерство спортсменов, о котором просто нельзя было и предполагать. Вероятно, этой тихой цивилизации, когда люди бледнеют от звука, включившегося холодильника двадцатого века, так не хватает иногда этого спортивного шума. Нефедов заметил, пар, который шел изо рта спортсменов и понял, что они действительно играли где-

то

на холоде. Он отключил изображение и подошел к окну. Какой же здесь, интересно будет зима? Ведь все, что с ним здесь произошло было на фоне зелени и ясного солнца, а ведь будет еще весна, потом зима, потом весна... И сколь-

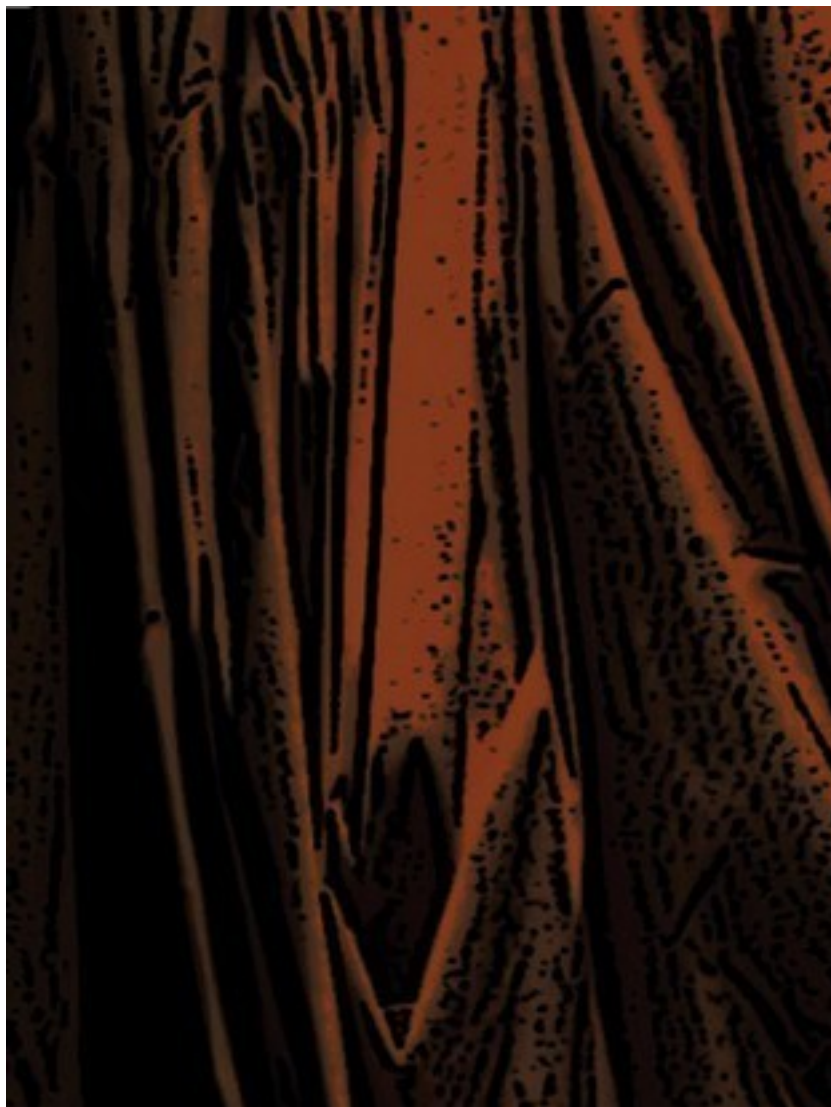
ко

же раз это должно повториться, чтобы «свои» люди «догнали» его здесь? Восстановители назвали цифру от пятисот до шестисот лет... Даже сто лет туда, сто лет сюда для них семечки!

При помощи УПа Василий Семенович продолжал просматривать свое прошлое, чаще всего, останавливаясь на эпизодах с Сашенькой.

В конце недели этого мучительного отдыха он позвонил Юрию Евдокимовичу и пригласил всех своих главных восстановителей на ужин. Минут через пять после приглашения ему перезвонил Виктор и спросил нельзя ли позвать и Миду?

– Нет, нет, – возразил Нефедов, – разговор будет серьезный.

Готовясь к ужину, он заказал немало вкусных вещей, а потом, подумав, что не испытал эту цивилизацию еще на один тест, заказал бутылку шампанского. Было доставле-

но

и шампанское.

Гости ахнули, войдя в большую комнату с окнами, завешенными тяжелыми портьерами, не пропускающими света города и освещенную пахучими стеариновыми свечами в подсвечниках на шикарном обставленном столе. Тут был мир совершенно иного света, сумеречных и от этого глубоких красок (особенно красивой и таинствен-

ной

показалась красноватая мебель комнаты). Восстановите-

ли

и сами ни ожидали, насколько в стиль угадает их сюрприз, потому что явились они в превосходных костюмах-трой-

ках

и при галстуках. Конечно, романтика романтикой, но больше их мучили догадки о причинах торжественного приглашения. Предупреждение о серьезном разговоре было явно неспроста.

– По какому случаю торжество? – первым спросил непосредственный улыбающийся Толик, первым же устраиваясь за стол. – День ангела у тебя, кажется, еще не

скоро.

Василий Семенович невольно усмехнулся: Толик со своим нарядом перестарался. Его костюм был в чуть заметную полоску, у него одного был галстук-бабочка и тросточка в руке. Это было не совсем по моде времени, в котором жил Нефедов, такой наряд, считавшийся несколько пижонским, он и сам видел лишь в кадрах кинохроники. Но, может быть, Толик специально играл на этом нюансе?

– Причину сейчас объясню, – сказал Василий Семенович, подождав, пока гости не рассядутся, – но сначала выпьем.

Он выстрелил пробкой, тряхнув пламя ближайшей свечи, наполнил бокалы янтарным вином с пеной. Все мелодично коснулись бокалами и выпили.

– Тысячу лет не пил шампанского, – пошутил Нефедов, с удовольствием смакуя пощипывающий вкус превосходного вина.

154

– Больше, больше, чем тысячу, – тут же радостно поправил Толик, – при чем ни сколько ни вру...

– Ну, вот что, друзья мои, – спокойно улыбнувшись, проговорил Василий Семенович, – должен вам сказать,

что

вашим сорок четвертым веком я поражен. Вы замечаете в своем веке какие-то недостатки, но мне по душе все: и

ваши жилища, и ваши леттрамы и ваши роботы, и воздух, и все, все, все. Но больше всего мне, конечно, близка ориентация цивилизации на воскрешение... Но что же вы?

Я всему рад, а вы как будто недовольны...

– Да мы уж догадываемся, куда ты клонишь, – задумчиво разглядывая узор на фужере, проговорил Юрий

Евдокимович.

– Что ж, тем легче. Тогда я сразу к сути. Итак, несмотря на счастье снова жить, я понял, что жить здесь я больше не могу... Не знаю, возможно ли это, но я прошу, чтобы меня,

ну... как бы сказать, вернули... пока...

Сказав эти приготовленные, хоть и сбивчивые слова, Василий Семенович смолк. Молчали и восстановители. Слышно было, как лен скатерти вдруг прострочило несколькими каплями сверкающего стеарина с одной из свеч. Старший восстановитель поднялся из-за стола, прошелся по сумрачной комнате, обходя стул с атлетически

сложенным Виктором, который в пиджаке двадцатого века

с подкладными плечами был особенно внушительным.

– Что же, в небытии или в банке памяти среди теней и фантомов легче? – спросил он.

– Ох, Юрий Евдокимович, – проговорил Нефедов, – ну, уж кто-кто, а ты-то прекрасно меня понимаешь...

– Да, понимают я тебя, понимаю, – обезоружено согласился старший восстановитель. – Но как мы тебя возвратим, уничтожим, можно сказать?! Это безнравственно...

– А обрекать меня на муки такого невыносимого ожидания – это как? Поверьте, что я так не смогу. Но не

155
выбрасываться же мне из окна... Я не хочу показаться неблагодарным. Но я хочу быть понятым. Вас же оправдает мое искреннее желание быть воскрешенными

со

всеми вместе, что лишь подтвердит ваши выводы о необходимости массового, разового восстановления.

– Ты уже и за нас доводы придумал, – съязвил Толик, не сколько словами, сколько самим тоном.

– Да. Но я хочу остаться со своими. А если я буду ждать их с вами, то, пройдя сквозь такое невыносимое ожидание, я оторвусь от них. Я просто повисну. Я не буду ни там, ни там. А в вас мне многое непостижимо. Когда-то я считал, что в первую очередь человек изживается эмоционально, что все настоящие эмоции возможны у него лишь в одном экземпляре, а все остальные любви и ненависти лишь тиражируются. Когда-то эта мысль серьезно противоречила моим доводам о возможности бессмертия,

потому что бессмертные люди с растражированными эмоциями представлялись мне скучными, холодными, безжизненными, не способными к жизни. Теперь же я вижу, что вы обновляетесь и в этом! Я вижу, что произошло непостижимое для меня изменение самой природы человека. Для того чтобы стать таким же как вы,

я

должен измениться эволюционно, как должен был бы до мировоззрения двадцатого века дотянуться человек средневековья. Я просто не готов к такой быстрой, катастрофической для меня эволюции.

Нефедов замолчал, ожидая, что кто-нибудь из них заговорит, но каждый из них даже не шелохнулся.

– Я не могу остаться здесь и потому, – продолжал Василий Семенович, – что ты, Толик, был тогда прав.

Помнишь наш спор о женщинах? Прости меня за рез-

кость.

Поймите, я вовсе не хочу смерти. Так как я хочу бессмертия сейчас, я не хотел его никогда. Но дайте мне отпуск, если можно так выразиться.

156

– Мы не компетентны принять такое решение, – с явным и даже резким разочарованием в Нефедове, сказал Виктор, поднимаясь с облегченно скрипнувшего стула. И эта откровенная реакция невольно задела самолюбие Василия Семеновича. Виктор из всех троих

восстановителей всегда был, как бы, несколько отодвинут, во всяком случае, Нефедов общался с ним меньше всего. Но теперь эта его внезапная резкость открыла многое. Скорее всего, в этой научной группе именно он-то

го

центра. И в то время, как Юрий Евдокимович, с которым

у

Нефедова сложились особо доверительные отношения, пропал со своим подопечным в разных поездках и экскурсиях, Виктор продолжал корпеть в лаборатории.

Кто

знает, может быть, он-то и вложил больше всех труда и усилий в это восстановление. Так что тут уж не до обиды. По большому счету все они правы.

– Да, да, – подтвердил слова Виктор и Юрий Евдокимович, – это может решить лишь всеобщий опрос. Хотя, конечно же, такого вопроса у нас еще никогда не обсуждалось.

– Тогда я сейчас же делаю заявление в канал идей, – торопливо предложил Нефедов.

– Но мы еще не допили вино, – вклинился Толик, видимо, решив хоть как-то отвлечь его.

Нефедов разлил оставшееся, уже не так весело играющее шампанское, и тут же выпил свой бокал. Выпил и Толик. Остальные, сидевшие теперь на диване, даже не

потянулись к своим бокалам.

– О! – вдруг специально радостно воскликнул Толик. – Так я ж, про подарок забыл!

Он принес из прихожей сверток, перевязанным торжественным бантом. Развернул светящуюся радужную бумагу и протянул хозяину. . топор. Виктор и Юрий Евдокимович невольно лишь улыгнулись-усмехнулись.

157

– Что это? – недоуменно спросил Нефедов.

– Это тебе на случай, если ты забудешь ключи дома.

Конечно, в другое время это могло бы оказаться удачной шуткой, но не теперь.

– Боже мой, – прошептал Нефедов, рассматривая столь неожиданный предмет, – а ведь я помню его с детства. Он стоял в углу за печкой. Мы кололи им лучины для растопки. А вот этим краем мы с отцом однажды рубили проволоку. Где ты его взял?

– Да уж взял, – растерянно, словно уличенный в краже, пробормотал Толик.

– Нет уж, – неожиданно заключил Нефедов, – давайте, не будем медлить.

Толик вопросительно взглянул на старшего восстановителя, и тот лишь грустно и печально покивал головой. Толик, шумно скомкав нарядную обертку и су-

нув

ее в карман, положил перед собой УП, вызвал канал

заявления идей, и Василий Семенович сделал свое заявление. Заявлению тут же был присвоен номер 43-26. После этого они переключились на канал просмотра всех идей. Там, как обычно, шел поток самых сумасшедших предложений, строго выверенных проектов, ничего не значащих реплик уже передаваемых на всю цивилизацию. Все это шло без всяких комментариев: для обсуждения каждого предложения существовал отдельный подканал. – Вряд ли ты пройдешь так скоро, – предположил Виктор, – там ведь своеобразная очередь.

Однако его прогноз не оправдался. Через несколько минут прямо в воздухе прорисовался номер, присвоен-

ный

предложению Василия Семеновича, в комнате появился, как бы еще один Нефедов и повторил свое заявление. – Люди сорок четвертого века, – спокойно говорил он теперь уже всей цивилизации, – обращаюсь к вам и надеюсь на понимание...

158

Как только он замолчал, Толик произнес шифр 43-26 с добавлением литеры “А”. Перед ними на воздушном, но непроницаемом фоне предстала таблица счета голосов. Первыми появились и стали стремительно увеличиваться голоса «против», но это были пока, конечно, просто эмоции. И впрямь, потом, как бы с запозданием появи-

лись

голоса в поддержку. Их число, увеличиваясь все быстрее, скоро сравнялось с голосами несогласных, о чем счетчик дал знать общей красной вспышкой, и стремительно пошло вперед.

Нефедов и его гости просидели перед этим экраном минут пятнадцать. Картина не менялась. Толик отключил УП.

В квартире была тишина и запах оплывающих свечей. Юрий Евдокимович сидел на диване, обречено стиснув голову ладонями. Виктор задумчиво маленькими зрачка-

ми

смотрел на ровный огонек свечи. Толик искоса посматривал на Нефедова, побледневшего от волнения. Того поразило уже одно количество людей, среагировавших на его заявление. Вот сколько человек могут тут мгновенно узнать о тебе.

– Ну что вы, я ведь уже знаю, как умирают, – и с ощущением какой-то свободы, и с холодком отстранения, попытался шутить Нефедов, – правда, в прошлый раз это было не очень приятно, но уж теперь-то вы как-нибудь подсластите это.

Никто, однако, не улыбнулся и ничего не ответил.

– А вы знаете, – продолжил Василий Семенович и сам уже без улыбки, – мне, ведь, и вправду не страшно. У меня такое ощущение, будто до конца-то я и тогда не умирал. Как будто какой-то своей частью я жил все эти

тысячелетия. Эта моя часть (может быть душа?) не помня событий времени, помнит лишь его бесцветный каркас, и потому мое принятие нового похоже на узнавание виденного, но чуть забытого.

159

– Пожалуй, это любопытно, – констатировал старший восстановитель с оттенком профессионального интереса, конечно, достаточно тусклого на этот раз.

Дальнейший разговор из-за налета грусти получился очень взаимопроникновенным. Теперь уже, как бы на прощание, восстановители еще более детально обрисовывали картину будущего всевоскрешения. Васи-

лий

Семенович неожиданно заметил, что они будто в чем-то оправдываются перед ним. Да ведь это ему надо оправдываться... Другой-то на его месте, возможно, и прижился бы тут. Устроился бы, например, егерем на Земле Дубль-А и обосновал там новый род. Не того они выудили из небытия, не того... Слишком уж социальным, что ли, он оказался.

В последний момент, когда гости прощально пожимали руку в прихожей, и когда у них уже не осталось возможности возразить, Нефедов сказал главное:

– Пусть это произойдет завтра. Лучше всего утром. Завтра я специально не буду выходить из квартиры. Сделайте, пожалуйста, так, чтобы я ничего не заметил.

– Эх, – вспомнил вдруг старший восстановитель, – а ведь я хотел еще с тобой к нашему Великому Старцу Сай Ши съездить, да и в гостях у меня на Аляске не побывал...
– Да, ничего, – просто и по-доброму улыбнувшись, сказал Нефедов, – потом в другой раз...

Закрыв дверь и вернувшись в комнату, он включил люстру над почти нетронутым столом, задул свечи и некоторое время сидел, уставясь на светло-пепельные пахучие дымки от свечек. Теперь при ярком свете лампочек

все произошедшее за этим столом показалось почти нормальным.

23. САМЫЙ КОРОТКИЙ ПУТЬ

160

На другой день Василий Семенович, почти до рассвета просидевший у окна под звездами, поднялся поздно. В коротком, сжатом сне ему явилось множество причудливых

сновидений. Вся его жизнь привиделась ему в образе длинного коридора, свободно просматриваемого от начала

до конца. Шагая по этому временному коридору можно было ступить в сторону и: уже пацаном присесть у речки (ночная рыбалка – пощелкивание костра, отсвет которого зыбким пятном качается на воде); шаг в другом месте и завалился в сено, ощущая его полифонический аромат,

обостренный комариным преддождевым вечером; несколько шагов по юности, потом шаг в сторону и вышел прямо на свидание с Сашенькой, чувствуя, как к вспотевшим от волнения рукам прилипает целлофан обертки букетика из нескольких разноцветных астр. Но

чем

больше утончался сон, тем тревожнее и неуютнее становилось на душе, пока прямо там же, во сне, не вспомнилось вчерашнее решение. «Когда же все исполнится?» – подумал Василий Семенович и встревожено проснулся. Открыв глаза, он приподнял голову с подушки. Лучше бы они воспользовались

просто

вплелась бы тень, похожая на темную газовую косынку, по которой он легко скользнул бы сквозь многие столетия. Трезвое же ожидание было жутковатым. Может быть, еще не поздно отказаться? Уж, не на то ли надеются восстановители, если медлят сейчас? Или надеются на перемену результатов опроса? Василий Семенович опу-

стил

ноги с кровати, нащупал комнатные тапочки и, выйдя в комнату со свечами, продиктовал УПу шифр 43-26-«А». Цифры в таблице подсчета голосов и в той и другой графе проскакивали редко. Теперь тут было отражено и мнение другого полушария. В поддержку ухода Нефедова было

уже

около пятидесяти миллиардов человек, против – лишь

чуть

больше десяти миллионов. Собственно, все было решено.

161

Василий Семенович назвал шифр 32-26 с литерой «Б»: канал обсуждений его предложения. Неизвестно, что творилось тут сразу после его заявления (ни он, ни восстановители не догадались заглянуть сюда вчера), но и сейчас тут был трамтарарам.

– Это бесчеловечное, жестокое решение, – утверждала одна женщина, красивая как Елена Прекрасная. – Мы отвыкли от смерти. Мы видим теперь лишь старость и смерть животных, да и тех хотели бы омолаживать, а тут запросто благословляем на уход из жизни человека... У Нефедова навернулись слезы. Да, он сам просил об уходе, но с этим согласилось пятьдесят миллиардов человек. Было все-таки что-то обидное в их легком, как показалось, согласии.

– Тот человек, которого мы первым хотели осчастливить воскрешением, – генеральским басом сказал мужчина, с эмблемой космонавта на плече, – оказался, напротив, самой трагической фигурой среди нас. Да, эксперимент восстановления удался, и в точном направлении науки мы убедились. А что же с Василием Семеновичем? Поощрим его. Поблагодарим и скажем: до свидания! Возвращайся к

нам вместе с людьми своей эпохи...

А это уж было почти что само мнение Нефедова.

Василий Семенович окончательно запутался в чувствах. Конечно, это обсуждение было лишь эмоциональной послесобытийной волной и ничего уже в нем не решалось. Отключив УП, Нефедов взглянул на часы: было уже около одиннадцати часов. Удивительная штука его часы – они могли спокойно отстукивать и мгновения этой эпохи. «А вдруг, когда я снова буду в небытие, – подумал он, – тут случится что-нибудь вроде катастрофы на Гее и ничего

уже

не будет?» Но от этой мысли он тут же отмахнулся: бессмысленно думать о чем-то, что обесмысливает все. Василий Семенович понимал, что измени он сейчас свое решение, то его поймет каждый из этих пятидесяти
162

миллиардов. Ну, испугался, передумал, переосмыслил: с кем не бывает? Но ведь не переосмыслил же... И страха здесь быть не должно, как нет его у всех, находящихся в утробе небытия – этого темного, без сновидений сна.

Отступать уже нельзя. Сегодня восстановители, несмотря на их договоренность, наверняка, следят за его мыслями, ведь ситуация снова носила исключительный характер.

«Так вот знайте, друзья мои, – специально как можно чет-

че

подумал Нефедов, – что от своего решения я не отсту-

пил».

Чтобы не показывать наблюдателям волнения, Василий Семенович решил переключиться на привычные повседневные действия. Он подошел к окну, глянул на город. Ветром зябко рябило воду пруда, деревья всего города тревожно шелестели. Южный ветер играючи гнал пока легковесные, высокие, пустые облачка, но не исключено, что к вечеру мог притащить и дождевые тучи, и тогда неминуема гроза с громом, похожим на сыплющийся горох. Жутко представить, что станет здесь через пятьсот или тысячу годков! Вчера восстановители рассказывали, что воскрешение будут происходить сразу

на

Земле Дубль-А или Дубль-Б. Какие встречи будут там! По краткому пути через небытие до них было рукой подать: даже обычная ночь со снами была длиннее. А коли так, то не привести себя в порядок и чуть подкрепиться перед дальней дорогой? Нацедив свежей воды, Нефедов поста-

вил

чайник на плиту, потом в ванной вымыл лицо с душистым мылом, и тщательно побрился станком. С удовольствием вытирая полотенцем тугое, свежее лицо, он услышал

свист

чайника и, вернувшись на кухню, переставил чайник на холодную конфорку. Доставая пачку чая из шкафчика, он вдруг поймал себя на ощущении нереальности: дверца

шкафчика показалась почему-то легкой, словно бы из пенопласта. И пачка чая почудилась совершенно невесомой. Ничего не понимая, он хотел взять заварник, и вдруг рука его ничего там не обнаружила. Он видел этот

163

маленький китайский чайничек с изображением замысловатой веточки, на его боку, но не мог взять – это стало призраком. Казалось, он очутился в одной из картин просмотра. Выйдя в комнату со свечами, где вчера были такие густые краски, и где лежал УП, Василий Семенович обнаружил, что комната удивительно струится: все в ней плавится, обесцвечивается и, оседая вниз, жидким стек-

лом

растекается по полу. И тогда резко обернувшись, Нефедов прямо сквозь стену увидел свой желтоватый с салатным горошком «предбанник», аппаратуру для распыления и восстановителей, застыло стоящих с поднятой для приветствия рукой. И все определилось: через несколько минут тут останется лишь белое пеналообразное пространство и Толик, войдя в него, закроет воду, теку-

щую

с одной из стен... Он просил их, чтобы они сделали все не заметно для него, но они сделали иначе, вероятно для то-

го,

чтобы можно было еще попрощаться. И, конечно же, сделали это правильно, по-человечески. Нефедов

почувствовал легкое, хмельное головокружение и, погружаясь в мгновенный сон на многие столетия, вместе с взмахом руки, успел послать своим друзьям последнюю мысль: «Спасибо! Мне совсем не страшно... Одиночество куда страшнее... А смерть – это не более, чем очень темный сон...»

1992 год.

164

Не бойся тёмного сна...

Фантастическая повесть.

Покупайте другие книги в «Магазине

Гордеева»

<http://videoklub.biz/magazin/>